45

ВОЛОГОДСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ВОЛОГОДСКОМЪ ГУБЕРНСКОМЪ

СТАТИСТИЧЕСКОМЪ

КОМИТЕТѢ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

Н. А. ПОЛІЕВКТОВА.

ТОМЪ V.

Вологодская Основной фонд Гос. Библиотека

ВОЛОГДА.

Типографія Вологодскаго Губернскаго Правленія.

1887.

9(С124)
В-68

Печатано по постановленію Вологодскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

СОДЕРЖАНІЕ 5-го ТОМА

Вологодскаго сборника.

Стран.

1. Очеркъ г. Вологды по Писцовой книгѣ 1627 года—изслѣдованіе *А. Е. Мерцалова* 1.

2. Обозрѣніе Задносельской волости—составлено по Писцовой книгѣ 1628-го года *Мерцаловымъ* . . . . . 52.

3. Раззореніе Вологодскаго края въ 1612—1613 г.—статья *И. Суворова* . . . 75.

4. Панскій наѣздъ—изъ народныхъ преданій о смутномъ времени въ Вологодскомъ краѣ—*А. Е. Мерцалова* . . . . . 100.

5. Свадебные и похоронные обычаи жителей села Устьнемскаго Устьсысольскаго уѣзда—этнографическій очеркъ *А. Фролова* . . 115.

6. Устюгъ Великій—историко-экономическій очеркъ, составленный *А. Е. Мерцаловымъ* по Сотной книгѣ 1630 года . . . 125.

7. Какъ отражалось „Литовское раззореніе“ на крестьянскомъ бытѣ того времени? Историческая справка ~~*И. Суворова*~~ . . . 169.

Мерцаловъ А.Е.

Стран.

8. Никольскій уѣздъ—Историко-этнографическій очеркъ *Н. П.* . . . . . 182.

9. Преданія, обычаи, заговоры, суевѣрія и ворожба въ средѣ населенія Кадниковскаго уѣзда—Этнографическій матеріалъ сообщ. *А. Ш—овъ* . . . . . 219.

10. Матеріалы по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ Вологодской губерніи. Кустарный промыселъ лѣсотехническихъ продуктовъ *Ф. А. Арсеньева* . . . . . 235.

ОЧЕРКЪ
ГОРОДА ВОЛОГДЫ
ПО ПИСЦОВОЙ КНИГѢ 1627 ГОДА.

Историческое изслѣдованіе А. Е. Мерцалова.

Печатая на страницахъ мѣстнаго изданія „Очеркъ г. Вологды по писцовой книгѣ 1627-го года“, Редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность составителю этого изслѣдованія, Кадниковскому землевладѣльцу А. Е. Мерцалову. Всякій, понимающій это дѣло, прочтя изслѣдованіе г. Мерцалова, долженъ признать, что авторъ, добросовѣстно исчерпавъ всѣ подробности историческаго источника, вмѣстѣ съ тѣмъ весьма отчетливо воспроизвелъ картину положенія г. Вологды въ первой четверти XVII вѣка; независимо отъ этого, изслѣдованіе г. Мерцалова расположено по столь разумно и тщательно составленному плану, который даетъ возможность читателю ознакомиться какъ съ топографическимъ положеніемъ тогдашняго города, такъ и съ экономическими условіями жизни его обитателей; въ изложеніи г. Мерцалова передъ читателемъ оживаютъ весьма интересныя въ мѣстномъ и цѣнныя въ историческомъ отношеніяхъ черты соціальнаго строя городской жизни нашихъ предковъ до—Петровской Руси, почему трудъ г. Мерцалова, составляя послѣ работъ почтеннаго изслѣдователя мѣстной исторической старины Н. И. Суворова одинъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи Вологодскаго края, въ тоже время, по нашему скромному разумѣнію, можетъ и долженъ имѣть не менѣе цѣнное значеніе для русской исторической науки.

Подлинникъ писцовой книги г. Вологды 1627 г. письма и мѣры Князя Ивана Мещерскаго не сохранился, списокъ-же съ нея, скрѣпленный по листамъ дьякомъ Болтинымъ, находится въ настоящее время у Секретаря Вологодскаго Статистическаго Комитета г. Поліевктова.

ОЧЕРКЪ ГОРОДА ВОЛОГДЫ

по писцовой книгѣ 7135 (1627) года, письма и мѣры князя Ивана Мещерскаго да подъячаго Ѳедора Стогова.

I.

Древность Вологды. Краткій взглядъ на исторію города до составленія писцовой книги 7135 г. Значеніе этой книги для исторіи Вологды.

Вологда принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городскихъ поселеній на сѣверѣ Руси. Въ жизнеописаніи преподобнаго Герасима разсказывается, что этотъ святой мужъ, придя изъ Кіева въ 1147 году въ сѣверную страну, нашелъ уже на мѣстѣ нынѣшней Вологды небольшое торговое селеніе съ церковью во имя Воскресенія Христова и близь этого мѣста основалъ свой монастырь [1].) Въ первые вѣка своего существованія, Вологда входила въ составъ Новгородской области и, будучи Новгородской „пригородой", подвергалась нападенію удѣльныхъ князей, сначала Тверскихъ, а потомъ Московскихъ [2]);

---

[1]) Вологодскій лѣтописецъ, изд. Н. Суворова, Вологда, 1874 г., стран. 3.

[2]) Историч. извѣстія Засѣцкаго, изъ исторіи кн. Щербатова, изд. 1782 г.

къ концу XIV вѣка эти послѣдніе имѣли уже волости въ Вологодскомъ уѣздѣ [1]), пріобрѣтенныя, конечно, оружіемъ. Новгородцы пытались возвратить отнятыя земли и посылали свои рати [2]) на борьбу съ Московскими князьями, но повидимому не имѣли успѣха, и около половины XV вѣка Вологда окончательно подпала власти Москвы. Въ 1447 году князь Дмитрій Шемяка далъ ее въ удѣлъ ослѣпленному великому князю Василію Васильевичу, который въ своей духовной назначилъ Вологду съ уѣздомъ въ удѣлъ своему меньшому сыну Андрею [3]). По смерти этого князя въ 1482 году, Вологда стала достояніемъ брата его, единодержавнаго Московскаго государя Ивана Васильевича. Внукъ его, Иванъ Грозный, прожилъ въ Вологдѣ три года и пять мѣсяцевъ въ 1568—71 годахъ [4]) и, по преданію, думалъ даже сдѣлать ее своей столицей. Онъ заложилъ каменныя городскія стѣны, окопалъ ихъ рвами, прокопалъ рѣчки Шограшъ, Содемку и Золотуху и поставилъ внутри города каменную соборную церковь во имя Успенія Богородицы [5]). Въ смутное время Вологда значительно пострадала отъ набѣга поляковъ, которые были въ ней въ исходѣ 1612 года. Они пришли внезапно; благодаря оплошности и нерадѣнію воеводъ, овладѣли городомъ, людей побили, церкви и дома раззорили и до основанія выжгли городъ и посады [6]). Спустя 15 лѣтъ послѣ литовскаго раззоренія Вологда съ уѣздомъ была описана писцами; собственно городъ былъ описанъ въ 1627 году въ особой писцовой книгѣ, письма и мѣры князя Ивана Мещерскаго

---

[1]) Тамъ-же, изъ Вивліоѳики Россійской.

[2]) Извѣстія объ этомъ подъ 1398, 1401, 1408 и 1435 годами въ Вологодскомъ лѣтописцѣ.

[3]) Вологод. лѣтописецъ; извѣстіе подъ 1462 годомъ.

[4]) Тамъ-же стр. 23.

[5]) Тамъ-же стр. 24.

[6]) Русск. Старина 1882 г., декаб. книга, стр. 677—78.

да подъячаго Ѳедора Стогова. Изъ нея видно, что въ то время Вологда уже значительно оправилась отъ погрома, обстроилась, и вновь началась въ ней торговая дѣятельность. Поэтому данныя, представляемыя писцовою книгою 1627 года, не безъинтересны, и мы воспользуемся ими для ознакомленія съ Вологдою того времени.

II.

Мѣсто-положеніе города. Стѣны, тайники, крѣпости. Посады. Городскія улицы и дворы жилые, осадные и пустые. Число дворовъ въ городѣ; мѣста дворовыя и порозжія. Улицы на посадѣ; дворы жилые и пустые; кельи; мѣста дворовыя и порозжія. Общее количество населенія въ Вологдѣ того времени.

Какъ всѣ старинные русскіе города, Вологда дѣлилась на собственно *городъ* (кремль, дѣтинецъ) и примыкавшіе къ нему *посады*.

Собственно городъ лежалъ на правомъ берегу рѣки Вологды и былъ обнесенъ отчасти каменною стѣною (329½ саж.), постройка которой началась при Иванѣ Грозномъ, въ большей-же части деревянною стѣною, такъ называемымъ острогомъ (955 саж.), занимая пространство въ 1457¼ саженъ въ окружности. По формѣ-же городъ имѣлъ видъ неправильнаго четыреугольника, сѣверную сторону котораго составляла рѣка Вологда, восточную—рѣчка Золотуха, а южную и западную—образовали стѣны и острогъ, шедшія по направленію стараго бульвара. Въ стѣнахъ было устроено 11 каменныхъ башенъ, занимавшихъ протяженіе въ 114 саж., и 21 башня деревянныхъ, протяженіемъ въ 58¾ саженъ; изъ башенъ четыре были проходныя. Пятницкая каменная башня находилась на московской дорогѣ, вблизи проѣзжаго моста

черезъ р. Золотуху [1]), въ ней были трои ворота створистые, брусяные, на крюкахъ и желѣзная запускная рѣшетка; извнутри города и изъ загорода надъ воротами помѣщались образа. На южной сторонѣ города была проходная Благовѣщенская башня, каменная-же, съ двумя брусяными воротами на крюкахъ; на ней стояли часы и висѣлъ вѣстовой колоколъ. Съ сѣверной стороны входили въ городъ черезъ Софійскую деревянную башню, самое названіе которой показываетъ, что она находилась близъ соборной церкви—у р. Вологды; на западной сторонѣ была деревянная-же проходная Ильинская башня. Съ восточной и западной сторонъ стѣны были окружены рвами. Отъ р. Вологды вверхъ рѣчкою Золотухою ровъ шелъ на протяженіи 350 саженъ, имѣя въ ширину 30, въ глубину отъ 8 до 10-ти саженъ; во рву былъ тынъ, но во время писцовъ онъ оказался сгнившимъ; отъ городской стѣны ровъ шелъ въ разстояніи отъ 10 до 15 саженъ; за рвомъ былъ когда-то „битъ чоснокъ“ [2]), а въ 1627 г. тутъ стояли уже дворы посадскихъ людей. На западной сторонѣ, отъ Свибловой башни до р. Вологды, шелъ другой ровъ съ ветхимъ-же тыномъ, а между рвомъ и городовой стѣной во время писцовъ лежали дикіе камни, привезенные для городоваго дѣла при Иванѣ Грозномъ. По берегу р. Вологды шелъ земляной валъ, подъ которой были выведены четыре деревянные *тайника* [3]), находившіеся ниже русла рѣки: два изъ нихъ

---

[1]) Замѣчательно, что въ писцовой книгѣ упоминается только этотъ мостъ; такъ какъ онъ называется *проѣзжимъ*, то это какъ бы указываетъ, что чрезъ Золотуху были еще пѣшеходные мосты, но былъ-ли тогда мостъ черезъ р. Вологду—на это указаній нѣтъ.

[2]) Не высоко подымавшіеся надъ землей заостренныя сваи, затруднявшія подступъ ко рву.

[3]) Этимъ подверждается народное преданіе о существованіи тайниковъ въ Соборной горѣ, которое приводитъ Н. И. Суворовъ на 7 стр. своего „Путеводителя по Вологдѣ“, изд. 1874 г.

были выше Софійской башни, а два—пониже. Въ 1627 году они находились въ ветхомъ состояніи: сгнили и разрушились. Вообще наружныя, застѣнныя укрѣпленія города, а частію и самыя деревянныя стѣны, въ это время были уже ветхи и не представляли надежной защиты для горожанъ.

Посады находились также на правой сторонѣ рѣки Вологды, примыкая къ городу съ западной и восточной сторонъ. Первый изъ нихъ, лежавшій вверхъ по теченію Вологды, назывался Верхнимъ, а второй носилъ названіе Нижняго,—третій посадъ—Зарѣчный находился за рѣкою,—къ сѣверу отъ городскаго вала, но въ 1627 году онъ былъ еще мало обстроенъ.

Въ городѣ было шесть улицъ, изъ которыхъ „Большая“ шла отъ проѣзжихъ воротъ въ Пятницкой башнѣ, къ Собору, остальныя пять, какъ показываютъ ихъ названія (Соловецкая, Покровская, Рождественская, Пятницкая и Вознесенская) именовались по находящимся на нихъ церквамъ; нѣкоторыя изъ улицъ соединялись другъ съ другомъ проулками, которыхъ было семь, но иные изъ проулковъ стояли особнякомъ, представляя собою зачатки новыхъ, еще не обстроенныхъ улицъ, такъ какъ со времени большаго пожара въ Литовское раззоренье прошло только 15 лѣтъ, и городъ не могъ еще вполнѣ сформироваться. По этому въ писцовой книгѣ такіе, вновь возводившіеся ряды домовъ не назывались улицами; указывалось только ихъ направленіе и записывались онѣ въ видѣ отдѣльнаго *рядка* или *посадца*. На городскихъ улицахъ съ проулками испомѣщались 423 двора [1]) жи-

[1]) Подъ „дворомъ“ [по писцовой книгѣ] надобно разумѣть не одно зданіе дома, а извѣстныхъ размѣровъ земельный участокъ, на которомъ помѣщались жилыя хоромы и всѣ хозяйственныя строенія, огороды, сады, гряды, хмѣлевыя гнѣзда и плодовыя деревья. [„О правѣ владѣнія городовыми дворами“, Загоскина, Казань, 1877 года, стр. 2.]

лыхъ и 142 пустыхъ; обиліе этихъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что въ числѣ ихъ показаны „осадные“ дворы мѣстныхъ помѣщиковъ, изъ которыхъ многіе не только не жили въ городѣ, но даже не держали дворниковъ въ своихъ осадныхъ дворахъ; точно также большинство посадскихъ, имѣя такіе дворы въ городѣ, сами жили на посадѣ. Это обстоятельство становится понятнымъ изъ самаго назначенія осаднаго двора— служить лишь убѣжищемъ во время непріятельскаго нашествія. Были, разумѣется, дворы, пустѣвшіе по другимъ причинамъ: вслѣдствіе смерти домохозяевъ, безвѣстнаго ухода ихъ или пребыванія въ другомъ городѣ, даже „за моремъ“, что относится впрочемъ лишь ко дворамъ торговыхъ иноземцевъ. Кромѣ застроенныхъ дворовыхъ мѣстъ, въ городѣ было 48 мѣстъ, принадлежавшихъ извѣстнымъ лицамъ, на которыхъ постройки еще не были возведены, и 9 мѣстъ вовсе пустыхъ, „*порозжихъ*“, какъ значится въ писцовой книгѣ, которыя пока никому не принадлежали.

На посадѣ было 23 улицы и 15-ть проулковъ. Изъ посадскихъ улицъ только 9-ть именовались по находившимся на нихъ церквамъ (Изосимовская, Фроловская, Власьевская, Богородская, Введенская, Петровка, Никольская, Богословская и Васильевская),—остальныя-же 14-ть носили названія, зависѣвшія частію отъ способа расположенія на нихъ построекъ, формы протяженія и направленія (Большая, составлявшая продолженіе городской улицы того-же имени, Широкая, Тѣсная, Ѣхалова, Бѣговъ крюкъ, Костромская); частію отъ занятія населявшихъ ихъ посадскихъ (въ Кузницахъ, Колашная) и наконецъ отъ мѣстныхъ урочищъ (Козлена, Обухова, Коровина, Рощенье, Гасилова, Кобылкина). Изъ 15-ти проулковъ только 4 служили соединеніемъ улицъ (Изосимовъ, Чортовъ, Козловскій и Петровскій), остальные представ-

ляли собою, какъ это было и въ городѣ, не вполнѣ обстроенныя улицы, частію-же отдѣльные рядки дворовъ, называвшіеся *„слободками“* или наконецъ посадцы, окружавшіе торговыя площадки, которыхъ было двѣ: Старая торговая и Лѣнивая. Всѣхъ посадскихъ дворовъ было 591, въ томъ числѣ 13 пустыхъ; кромѣ того на посадѣ находились 3 двора казенныхъ („государевы“), дворы пороховой („зелейный“) и нѣмецкій и 42 кельи или маленькія избушки. Незастроенныхъ дворовыхъ мѣстъ, но имѣвшихъ уже своихъ хозяевъ, числилось 92, никому-же не принадлежавшихъ дворовыхъ мѣстъ, т. е. совершенно пустыхъ, было 238.

Подведя общій итогъ числу дворовъ въ городѣ и на посадѣ, найдемъ, что ихъ было 1169, кромѣ келій; исключивъ отсюда 159 пустыхъ, получимъ 1010 жилыхъ дворовъ, въ которыхъ по писцовой книгѣ значится 1133 человѣка домохозяевъ и дворниковъ. Такимъ образомъ оказывается, что изъ 1010 обитаемыхъ дворовъ только въ 123-хъ находилось по два жильца, въ остальныхъ же 887 жило лишь по одному человѣку. Но, разумѣется, составители писцовой книги принимали въ счетъ только домовладѣльцевъ, или лицъ, ихъ замѣнявшихъ, не обращая вниманія на ихъ семейства, потому что поголовное перечисленіе населенія могло быть предметомъ переписной, но не писцовой книги. Если-же принять, что въ каждомъ жиломъ дворѣ помѣщалось семейство, состоявшее среднимъ числомъ изъ 4-хъ душъ обоихъ половъ, то мы найдемъ, что общее количество населенія тогдашней Вологды было 4,440 человѣкъ, или вѣрнѣе около 5,000. Это, конечно, не много для торговаго города, но не надо забывать, что это было вскорѣ послѣ литовскаго раззоренья, когда 374 дворовыя мѣста стояли еще „пусты“ и изъ нихъ 247 не имѣли даже хозяевъ.

III.

Число церквей въ городѣ и на посадѣ. Софійскій Соборъ. Дворъ архіепископа. Устройство церквей, внутреннее ихъ убранство, утварь. Бѣлое духовенство: составъ церковныхъ причтовъ, ихъ содержаніе. Число дворовъ бѣлаго духовенства. Монастыри и черное духовенство; монастырскіе дворы. Архіепископскіе служилые люди; монастырскіе и архіепископскіе крестьяне и бобыли; число людей и дворовъ.

Вологда того времени была обильна церквами, что съ одной стороны свидѣтельствуетъ о религіозности ея жителей, столь свойственной вообще нашимъ предкамъ, а съ другой указываетъ на существованіе въ городѣ зажиточныхъ людей, которые встарину отличались любовію къ созиданію и украшенію храмовъ, подъ сѣнію коихъ они и потомки ихъ находили вѣчное упокоеніе.

Въ городѣ было тогда 15 „ружныхъ“ церквей и соборъ, на посадахъ находились 39-ть приходскихъ, три ружныя и двѣ пустыя церкви,—всего-же въ городѣ и на посадѣ было 60 храмовъ. До литовскаго же раззоренья ихъ было гораздо болѣе; на это указываетъ то обстоятельство, что въ описываемое время на посадѣ было 21 церковное мѣсто. Часть стоявшихъ на этихъ мѣстахъ церквей, вѣроятно, сгорѣла въ пожаръ 1612 года, а другія пришли въ вѣтхость и „зарушились“ (по выраженію того времени) вслѣдствіе малочисленности и бѣдности прихожанъ.

Соборная церковь, какъ выше упомянуто, построена Иваномъ Грознымъ и посвящена Софіи—Премудрости Божіи [1]). Это былъ единственный каменный храмъ въ

---

[1]) Существуетъ книга „Описаніе Вологодскаго Софійскаго Собора“, Н. И. Суворова, но почтенный изслѣдователь Вологодской старины не имѣлъ въ виду, при составленіи ея, писцовой книги 1627 года.

тогдашней Вологдѣ, о пяти главахъ, покрытыхъ бѣлымъ желѣзомъ. Кромѣ главнаго алтаря, въ немъ были предѣлы во имя Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи и во имя Ѳеодора Стратилата. Въ главномъ предѣлѣ, по правую сторону царскихъ дверей, помѣщались пять мѣстныхъ образовъ; изъ нихъ первые четыре (Софіи - Премудрости Бофіи, Живоначальныя Троицы, Спасителевъ и Неопалимыя Купины) были въ серебряныхъ ризахъ съ рѣзными, золочеными вѣнцами; внизу образовъ находились богато-украшенныя пелены изъ бархата и атласа, а передъ иконами стояли свѣчи, расписанныя разными красками. Послѣднимъ мѣстнымъ образомъ на правой сторонѣ былъ образъ Пророка Иліи безъ ризы, пелены и свѣчи. По лѣвую сторону царскихъ дверей находилось также пять мѣстныхъ иконъ, изъ коихъ три первыя (Успенія Пресв. Богородицы, Софіи - Премудрости Божіи и О Тебе радуется) имѣли серебряныя ризы съ золоченными вѣнцами, но безъ пеленъ и свѣчъ, а два послѣдніе образа (Преч. Богородицы и Богородицы Одигитріи) не имѣли и ризъ. Надъ мѣстными иконами, во второмъ ряду иконостаса помѣщались изображенія праздниковъ, въ третьемъ—пророковъ, въ четвертомъ праотцевъ по 25 иконъ въ ряду, писанныхъ на золотѣ, а вверху иконостаса находились деревянныя рѣзныя и золоченныя изображенія Херувимовъ и Серафимовъ; передъ иконами стояли деревянные, отчасти золоченные, а частію высеребренные подсвѣчники и висѣли два мѣдныя паникадила; изъ нихъ одно большое о 9-ти шандалахъ въ ряду; подвѣскою ему служило яицо „струкофомилово“ въ мѣдной оправѣ, съ шолковой кистью, изукрашенной золотомъ и серебромъ. Столбцы иконостаса были высеребрены. Стѣнной живописи въ соборѣ въ то время не существовало, и лишь на правомъ и лѣвомъ столпахъ было повѣшено нѣсколько образовъ. Предъ царскими вратами помѣщался амвонъ де-

ревянный съ рѣзными вызолоченными столбцами; у праваго столба стояло каменное архіепископское мѣсто, а надъ нимъ нѣсколько образовъ; на лѣвой сторонѣ находились гробницы архіепископовъ Вологодскихъ подъ покровами, шитыми по бархату золотомъ и серебромъ, а надъ ними висѣли 9 образовъ въ серебряныхъ ризахъ. Въ алтарѣ престольная одежда была спереди изъ узорчатаго бархата, а сзади и по сторонамъ изъ желтой камки; на престолѣ крестъ и евангеліе—серебряные, вызолоченные; крестъ кромѣ того украшенъ драгоцѣннымъ камнемъ и осыпанъ жемчугомъ. На жертвенникѣ служебные сосуды были оловянные, но въ ризницѣ имѣлись и серебряные сосуды, употреблявшіеся, вѣроятно, въ большіе праздники. Вообще ризница собора была довольно обильна священными облаченіями и разнаго рода церковной утварью. Такъ, встрѣчаются ризы изъ серебрянаго атласа съ золотыми разводами, разшитыя шелками, а также изъ персидской камки темнокраснаго цвѣта съ желтыми цвѣтами, съ оплечьемъ изъ рытаго бархата. Въ книгохранительницѣ имѣлось значительное число богослужебныхъ книгъ, большею частію печатныхъ.

Иконостасы въ предѣлахъ были гораздо менѣе изукрашены: въ нихъ не было ни одной иконы въ ризѣ,—всѣ на золотѣ и на краскѣ, при чемъ въ предѣлѣ Ѳеодора Стратилата иконы оказались даже ветхи; престольныя одежды были изъ лазоревой крашенины, а осѣняльные кресты—деревянные, золоченные.

Противъ соборной церкви находился дворъ архіепископа [1]) въ который вели двои ворота: одни разстворные, другіе одинокіе, т. е. съ одной воротницей; у нихъ вереи и

---

[1]) Которымъ въ то время былъ Варлаамъ (архіепископъ Вологодскій и Великопермскій)

столбы были точеные, а надъ воротами возвышались три шатра, покрытые чешуею, и стояли образа, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней сторонъ. Дворъ, по обѣ стороны воротъ, былъ обнесенъ деревянною прорѣзною рѣшоткою, а далѣе шелъ заборъ въ длину на 70 и поперегъ на 60 саженъ. Здѣсь находились: деревянная церковь во имя Стефана, архіепископа Пермскаго, и келья архіепископа съ „комнатою“ на подклѣтѣ, къ которой съ боку примыкала келья „казенная“ на подклѣтѣ же, а межь ними помѣщалась повалуша [1]) и двои сѣни; къ задней части этого зданія присоединялась келья „задняя“ на подклѣтѣ и съ сѣнями. У заднихъ воротъ на дворѣ стояли: *судная* изба съ клѣтью, раздѣлявшіяся сѣнями, и особнякомъ келья *подъяческая* на подклѣтѣ и съ сѣнями; кромѣ того тутъ-же находилась изба „воротная“, т. е. помѣщеніе для привратниковъ. Изъ хозяйственныхъ построекъ на дворѣ находились четыре житницы, два погреба съ ледникомъ и съ сушилами на верху, хлѣбня, поварня и конюшня, на верху которой помѣщались сѣнницы. На срединѣ двора былъ не большой копанной прудъ, а въ немъ имѣлась рыба—караси.

Позади собора въ то время стояла начатая и сведенная только по первой сводъ каменная церковь во имя Богоявленія Господня съ папертью; подлѣ нея была палата каменная, а подъ нею погребъ [2]); въ палатѣ хранились государевы пушечные запасы. Недалеко отъ той

---

[1]) Повалушами встарину назывались кладовыя; онѣ составляли необходимую принадлежность въ домахъ зажиточныхъ людей; помѣщались большею частію между жилыми хоромами и часто имѣли отдѣльную крышу, устроенную *по шатерному*, *по бочечному* и *по колпачному*.

[2]) Безъ сомнѣнія, остатки этого самаго погреба найдены при раскопкахъ Соборной горы, о чемъ упоминаетъ Н. И. Суворовъ въ своемъ Путеводителѣ по Вологдѣ.

же церкви, но ближе къ городовымъ Софійскимъ воротамъ, стояли развалины другой каменной палаты, которая начата была постройкою да такъ и не кончена.

При соборѣ имѣлась деревянная колокольня, рубленная осьмерикомъ, т. е. о восьми стѣнахъ, съ шатровымъ верхомъ, крытымъ чешуею. Въ колокольнѣ были устроены двои „полати", т. е. площадки, и три лѣстницы. Колоколовъ было одиннадцать: 2 большихъ и 9 среднихъ и малыхъ, вѣсъ которыхъ не обозначенъ; здѣсь же стояли часы.

Переходя къ обзору Вологодскихъ церквей, необходимо замѣтить, что встарину на Руси церкви строились большею частію деревянныя и преимущественно на два образца — *„клѣтски"* и *„шатромъ"*; по крайней мѣрѣ эти двѣ архитектурныя формы чаще другихъ упоминаются въ памятникахъ старины. Слово „клѣтски" происходитъ отъ клѣть и указываетъ на то, что церкви, устроенныя по этому типу, срубались въ видѣ клѣти; это была простѣйшая форма зодчества, тогда какъ шатровая была болѣе сложна, вычурна и болѣе красива, за то и постройка такихъ церквей стоила, конечно, гораздо дороже.

Вологодскія городовыя и посадскія церкви были всѣ деревянныя и большею частію построены клѣтски, шатровыхъ было очень мало. Значительная часть церквей были теплыя и при каждой имѣлась колокольня. Для ознакомленія съ внутреннимъ убранствомъ церквей и утварью, которыя вообще были довольно однообразны, возьмемъ церковь во имя св. Бориса и Глѣба, которая ни чѣмъ не отличалась отъ другихъ и можетъ почесться рядовою.

Въ церкви образъ мѣстный Бориса и Глѣба на зо-

лотѣ, вѣнцы и гривна [1])—золочены по левкасу; мѣстные образа Николая Чудотворца, Спасителя и Богородицы Одигитріи—на краскахъ; надъ ними въ иконостасѣ семь образовъ, писанныхъ на празелени [2]); царскія двери, столбцы и сѣнь—то-же на празелени; на сѣверной двери изображеніе благоразумнаго разбойника—на краскѣ. Въ алтарѣ за престоломъ помѣщался образъ Богородицы Одигитріи на краскѣ, а надъ жертвенникомъ образъ Похвалы Богородицы на празелени; при церкви имѣлись слѣдующія книги: апостолъ, псалтирь, минея общая, трефолой и шестодневецъ—всѣ письменныя. На колокольнѣ было два колокола вѣсомъ въ 30 гривенокъ [3]).

Для болѣе полнаго ознакомленія съ состояніемъ церквей того времени, приведемъ здѣсь также описаніе церкви Пречистыя Богородицы Ризы Положеніе, построенной послѣ пожара въ 1605 году священникомъ оной Павломъ въ 1607 году. Замѣчательно, что церковь эта въ литовское раззоренье уцѣлѣла со всѣмъ строеньемъ, „которое было государева жалованья“, именно царя Ив. Вас. Грознаго. Это обстоятельство ставитъ названную церковь въ нѣсколько исключительное положеніе относительно убранства и утвари, а потому ее надобно принимать за образецъ богато-устроенныхъ приходскихъ храмовъ того времени. Мѣстные образа Спасителя и Божіей Матери обложены серебромъ; другой мѣстный-же образъ Богоматери обложенъ серебромъ; вѣнецъ, ожерелья и серьги жемчужныя; пелена темнокраснаго бархата съ жемчужнымъ крестомъ; мѣстныя иконы: Іоанна Ѳеолога, Іоанна Предтечи и Вознесенія Христова—въ окладахъ (какого металла не сказано); другой образъ Вознесенія—обложенъ

---

[1]) Гривны—разныхъ формъ и металловъ подвѣски у иконъ.
[2]) Празелень—земляная, синевато-зеленая краска.
[3]) Гривенка равнялась 1/2 фунту.

серебромъ; послѣдующія мѣстныя иконы были уже безъ ризъ, таковы: Положеніе Ризы Богородицы, Рождество Христово и Успеніе Богородицы, но съ жемчужными вѣнцами и ожерельями, а образъ Вознесенія съ серебрянымъ вѣнцомъ, Спасителя, Положеніе ризы Богородицы (другой), Божіей Матери и Космы и Даміана—просто на краскѣ. Въ верхнихъ ярусахъ иконостаса было 9-ть образовъ на золотѣ; царскія двери, столбцы и сѣнь на золотѣ-же. Въ алтарѣ на престолѣ—крестъ осѣняльный обложенъ серебромъ; евангеліе литовской печати съ серебряными евангелистами на дскѣ; за престоломъ—крестъ выносный и образъ Богородицы на краскѣ. Служебные сосуды—оловянные, водосвятная чаша и кадило—мѣдныя. Ризница была бѣдна: двои ризы—и тѣ ветхи. Богослужебныя книги были тѣже, что и въ церкви Св. Бориса и Глѣба, съ тою лишь разницею, что здѣсь большинство ихъ были печатныя.

Обозрѣніе церковныхъ причтовъ и средствъ ихъ содержанія начнемъ съ собора, при которомъ состояли: протопопъ, протодьяконъ, ключарь, 5-ть священниковъ, 4 дьякона и 2 пономаря. Имъ полагалось государева жалованья (годовыя руги) протопопу денегъ 30 рублей и 100 четвертей хлѣба—ржи и овса по поламъ въ годъ; протодьякону, ключарю и священникамъ по 12-ти рублей и по 40 четвертей хлѣба каждому; дьяконамъ по 10-ти рублей и по 30-ти четвертей хлѣба на человѣка, а пономарямъ по 2 рубля и по 20-ти четвертей хлѣба каждому. Церковному сторожу (ихъ при соборѣ было 6-ть человѣкъ) давалось по рублю денегъ и по 12-ти четвертей хлѣба; просвирнѣ за печеніе просфоръ 2 рубля и 12-ть четвертей. На просфоры положено было въ годъ 12-ть четвертей пшеницы и 8 алтынъ 2 деньги на соль, а на свѣчи шло 2 пуда воска. Кромѣ того соборный причтъ пользовался доходами съ пожалованнаго царем

Иваномъ Грознымъ рыболовнаго Воскресенскаго ѣза на р. Сухонѣ и пожнями въ Вологодскомъ уѣздѣ на Верхней Сухонѣ въ шести наволокахъ, которыя пожалованы были Софійскому Собору царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1625 году.

Относительно содержанія причтовъ, городскія и посадскія церкви дѣлятся на два разряда: *„ружныя“* и *„приходныя“*. При первыхъ причтъ содержался на государево жалованье, дававшееся въ видѣ годовой денежной и хлѣбной руги, а вторыя содержались на счетъ прихожанъ, т. е. платою за требоисправленія и другими сборами, денежными и натурою, какъ это въ обычаѣ и теперь при сельскихъ церквахъ. Всѣ городскія церкви были ружныя; посадскія, за исключеніемъ 3-хъ, были всѣ приходныя. Что касается состава причтовъ, то онъ былъ неодинаковъ, что, конечно, зависѣло отъ числа прихожанъ и отъ значенія самой церкви. Два священника, дьяконъ и пономарь—вотъ наибольшій составъ причта; священникъ, дьяконъ (иногда вмѣсто его дьячекъ) и пономарь—средній; священникъ и пономарь—наименьшій, но были нѣкоторыя церкви, впрочемъ не многія, гдѣ служилъ только одинъ священникъ. Количество получаемой причтомъ руги было также неравномѣрно. Наприм. при городской церкви Воскресенія Христова, гдѣ былъ наибольшій составъ причта, священникъ получалъ въ годъ 10-ть рублей деньгами и 30-ть четвертей хлѣба, дьяконъ 7 рублей и 24 четверти хлѣба, а пономарь 1 рубль и 12-ть четвертей хлѣба; при церкви-же Благовѣщенія Преч. Богородицы, гдѣ былъ тотъ-же составъ причта, священникъ получалъ только 6 руб. и 24 четверти хлѣба, дьяконъ 4 рубля и 18 четвертей хлѣба, а пономарь одну полтину деньгами и 8 четвертей хлѣба. Одинаковое число причта давало бы возможность заключать о тождественности экономическаго положенія, между тѣмъ

на самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи была значительная разница, обусловленная, вѣроятно, неодинаковымъ значеніемъ этихъ церквей: одна уважалась почему либо болѣе, другая менѣе. У церкви Положенія Ризы Богородицы, съ среднимъ составомъ причта, священникъ получалъ 4 рубля и 24 четверти хлѣба, дьяконъ—2 рубля и 18 четвертей хлѣба, пономарь—полтину и 6 четвертей хлѣба. Между тѣмъ у церкви Казанской Божіей Матери, при одинаковомъ составѣ причта, священникъ получалъ 6 рублей и 24 четверти хлѣба; дьяконъ—4 рубля и 18-ть четвертей, пономарь рубль и 12 четвертей. При церкви Воскресенія Христова, что на Лѣнивой площадкѣ, единственный членъ причта—священникъ получалъ въ годъ деньгами 10-ть рублей и доходы съ пожни Змѣицы въ Вологодскомъ уѣздѣ. Земельныя дачи встрѣчаются въ пользованіи причта нѣсколькихъ церквей; такъ онѣ были при церкви Богоотецъ Іоакима и Анны, Николая Чудотворца „Великорѣцково“ и Похвалы Богородицы. Изъ сопоставленія приведенныхъ данныхъ оказывается, что въ то время годовое жалованье священника доходило отъ 4-хъ до 10-ти рублей деньгами и отъ 2-хъ до 30 ти четвертей хлѣбомъ, дьякона—отъ 2-хъ до 7-ми рублей и отъ 18-ти до 24-хъ четвертей, а пономаря—отъ полтины до рубля и отъ 6-ти до 12-ти четвертей.

Священническихъ дворовъ въ городѣ было 24 обитаемыхъ и 6 пустыхъ, дьяконскихъ 10-ть, пономарскихъ 2, 2 же—вдовъ священника и дьякона и одно дворовое мѣсто дьячково; на посадѣ священническихъ дворовъ было 32, дьяконскихъ 3, дьячковскихъ 3 и 5-ть пономарскихъ; кромѣ того дворовыхъ мѣстъ: 21 священническое, 2 дьяконскія и одно пономарское. Всего-же въ городѣ и на посадѣ 62 двора принадлежали священникамъ и изъ нихъ были обитаемы 56; 13-ть принадлежали дьяконамъ, 10-ть причетникамъ и 2 вдовамъ духовныхъ

лицъ, что составитъ 81 обитаемый дворъ лицъ духовнаго званія, за которыми кромѣ того состояли 25-ть дворовыхъ мѣстъ. Изъ этого видно, что священники, какъ лица, наиболѣе обезпеченныя въ экономическомъ отношеніи, почти всѣ имѣли свои дворы, чего нельзя сказать о дьяконахъ и причетникахъ, которыхъ, конечно, было гораздо болѣе, чѣмъ священниковъ, а между тѣмъ число дворовъ ихъ вдвое менѣе числа дворовъ, принадлежавшихъ первымъ: значитъ, половина причетниковъ должны были помѣщаться въ чужихъ домахъ.

Земельное пространство дворовъ священническихъ и причетническихъ было далеко не одинаково. Вообще нужно замѣтить, что дворы въ городѣ были тѣснѣе, чѣмъ на посадѣ, и что размѣръ двора не всегда соотвѣтствовалъ рангу хозяина, такъ что иногда у священника онъ былъ менѣе дьяконскаго. Привожу здѣсь нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Дворъ соборнаго протопопа имѣлъ въ длину 11-ть, поперегъ $16^3/_4$ саженъ [1]); дворъ священника Дмитріевской Наволоцкой церкви—въ длину 23, поперегъ 9 саженъ; дворъ соборнаго дьякона—въ длину 12-ть, поперегъ 15 саженъ; дворъ Преображенскаго дьякона—въ длину $7^1/_2$, поперегъ $4^1/_2$ сажени. Эти дворы были въ городѣ, а вотъ размѣры дворовъ на посадѣ: священникъ Владимірской церкви имѣлъ дворъ въ длину 80, поперегъ 10 саженъ; у дьякона той-же церкви дворъ былъ въ длину 80, поперегъ $8^1/_4$ саженъ; Власьевскій священникъ владѣлъ дворомъ въ длину 94, поперегъ 11-ть саженъ; той-же церкви дьячекъ имѣлъ дворъ 94 саж. въ длину и $8^1/_2$ ширины, а у пономаря дворъ былъ длиною 19-ть, поперегъ 17-ть саженъ.

---

[1]) Выраженіе: *въ длину*—означаетъ мѣру отъ улицы въ глубь двора, а *поперегъ*—мѣру по протяженію улицы.

Въ Вологдѣ того времени было три монастыря, находившіеся на посадѣ. Наиболѣе значительнымъ изъ нихъ былъ мужской Ильинскій монастырь, вблизи западной городской стѣны, въ Кобылкиной улицѣ, тамъ, гдѣ теперь приходская Ильинская церковь. Въ немъ были двѣ деревянныя церкви: холодная во имя прор. Иліи и теплая съ трапезою во имя Варлаама Хутынскаго. Монастырь былъ обнесенъ деревяннымъ заборомъ; возлѣ находился монастырскій огородъ; земли подъ монастыремъ съ огородомъ было 80 саженъ въ длину и поперегъ. Братіи было 23 старца, кромѣ игумена, который получалъ государева жалованья, въ видѣ годовой руги, 8 четвертей хлѣба и 2 пуда соли, а старцамъ шло каждому по 4 четверти хлѣба и по пуду соли.

Другой монастырь, находившійся въ Костромской улицѣ, былъ Успенскій дѣвичій съ двумя церквами во имя Живоначальныя Троицы и Успенія Пресв. Богородицы,— обѣ деревянныя; подъ монастыремъ, обнесеннымъ заборомъ, состояло земли 140 саженъ въ длину и поперегъ; въ 20 монастырскихъ кельяхъ жили 36-ть старицъ, изъ которыхъ каждая получала годовой руги по рублю денегъ и по двѣ четверти хлѣба; игуменьѣ шло по 2 рубля и по 4 четверти хлѣба; кромѣ того на монастырь отпускалось на просфоры четверть пшеницы, на свѣчи пудъ воску и полпуда ладона въ годъ.

Третій монастырь Воздвиженскій мужской былъ приходскій, какихъ нынѣ уже, кажется, не встрѣчается на Руси. Находясь въ Введенской улицѣ, онъ имѣлъ въ длину 30, поперегъ 45-ть саженъ; на монастырѣ были двѣ деревянныя церкви: во имя Воздвиженія Честнаго Креста и Преподобнаго Онуфрія Великаго, при которыхъ служилъ черный священникъ Леоподъ, и 5-ть келій, а въ нихъ жили старцы, „питавшіеся отъ церкви Божіи.“

Нынѣшняго Св. Духова монастыря тогда еще не существовало, однако на рѣчкѣ Содемкѣ была уже „пустынька“, въ которой нѣкогда жилъ старецъ Галактіонъ, замученный поляками въ 1612 году. Въ пустынькѣ находилась часовня съ его мощами и двѣ кельи, въ которыхъ жили три старца; земли подъ нею было въ длину 60 и поперегъ 40 саженъ.

Монастырскихъ дворовъ (или подворій) въ городѣ было 10-ть жилыхъ и 8 пустыхъ; на посадѣ: 10-ть жилыхъ, 13-ть пустыхъ и 2 дворовыя мѣста,—всего же въ городѣ и на посадѣ: 20-ть жилыхъ, въ которыхъ значится тоже число дворниковъ, и 21 дворъ пустыхъ; кромѣ того въ городѣ были два пустые двора, изъ коихъ одинъ принадлежалъ игумену Ильинскаго монастыря, а другой старцу того-же монастыря, да на посадѣ были два двора игуменскихъ. Всѣ важнѣйшіе русскіе монастыри того времени имѣли въ Вологдѣ свои подворья: такъ мы встрѣчаемъ на Соловецкой улицѣ въ городѣ: дворъ Троицы-Сергіева монастыря—въ длину 11-ть, поперегъ 15-ть саженъ; дворъ Соловецкаго монастыря—въ длину $16^3/_4$, поперегъ 12 саженъ и дворъ Ростовскаго митрополита—въ длину 7, поперегъ $5^1/_4$ саженъ. Здѣсь не лишнее замѣтить, что нѣкогда Вологда входила въ составъ Ростовской епархіи, чѣмъ и объясняется нахожденіе въ ней митропольчьяго двора. Ва Пятницкой улицѣ находился дворъ Кириллова монастыря, впрочемъ пустой въ длину 24, поперегъ 13 саженъ; даже отдаленный Сійскій монастырь имѣлъ въ Вологдѣ свое подворье, не говоря уже о мѣстныхъ монастыряхъ, которые всѣ имѣли городскіе дворы, а иные владѣли даже двумя дворами, напр. Спасо-Каменный: одинъ его дворъ находился на Соловецкой, другой на Пятницкой улицахъ; подворья Корнильева и Печенгскаго монастырей стояли на Большой, а Николы-Озерскаго монастыря на Пятницкой улицѣ.

Изъ служилыхъ архіепископскихъ людей мы встрѣчаемъ: крестоваго дьяка, который соотвѣтствовалъ нынѣшнему секретарю консисторіи, пѣвчаго дьяка, или соборнаго регента, одного именитаго приказнаго человѣка, князя Григорія Дябринскаго, 24-хъ человѣкъ дѣтей боярскихъ, двухъ подъячихъ, казеннаго сторожа, повара, приспѣшника и квасника. Дворы ихъ находились въ городѣ и не отличались обширностью занимаемой ими земли, напр. дворъ князя Дябринскаго имѣлъ въ длину $7^1/_2$, поперегъ 15-ть саженъ; дворы дѣтей боярскихъ были среднимъ числомъ отъ 7 до 11 саженъ длиною и отъ 6-ти до 9-ти саженъ шириною; тѣже размѣры имѣли дворы подъячихъ, а дворы низшихъ служителей были еще менѣе, напр. дворъ повара: въ длину $7^1/_2$, поперегъ $4^1/_2$ сажени, квасника: 8 саженъ длиною и 3 поперегъ.

Архіепископскихъ крестьянъ и бобылей въ городѣ было всего 12 дворовъ—въ томъ числѣ только 5-ть жилыхъ, остальные были пусты, а въ жилыхъ значится 5 человѣкъ: одинъ крестьянинъ и 4 бобыля. Размѣры дворовъ самые ограниченные: напр. дворъ крестьянина Сверчкова: въ длину 5, поперегъ 3 сажени; дворъ бобыля Ѳедорова: въ длину и поперегъ $4^1/_2$ сажени.

На посадѣ при 15-ти церквахъ находились участки земли, принадлежавшей архіепископу, большая часть которыхъ была застроена дворами архіепископскихъ бобылей и отчасти кельями, въ коихъ проживали старцы и старицы, ходившіе по міру, или питавшіеся отъ церкви; незастроенныхъ дворовыхъ мѣстъ встрѣчается всего два. Только на одномъ участкѣ (у церкви Алексѣя митрополита) встрѣчаются между бобыльскими дворы служилыхъ людей — пѣвчаго дьяка и площаднаго подъячаго — и одинъ крстьянскій дворъ. На всѣхъ 15-ти участкахъ находилось 62 двора и 38 келій, въ которыхъ жили 91

человѣкъ. Наибольшій размѣръ бобыльскаго двора равнялся 25-ти саженямъ длины и 15-ти ширины, а наименьшій 10-ти саженямъ длины и 7-ми ширины. Земельное пространство, застроенное кельями, обозначено не подъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, а подъ всѣми, находившимися на участкѣ, напр. у церкви Михаила Архистратига 9-ть келій занимали мѣсто длиною 4, поперегъ 39 саженъ, а у церкви Богородицы 12-ть келій помѣщались на участкѣ длиною 10-ть и поперегъ 45-ть саженъ.

IV.

Дворъ воеводскій и другія принадлежности управленія. Средства городской защиты; зелейный дворъ. Служилое сословіе: помѣщики, подъячіе, стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники, каменьщики, розсыльщики, ямскіе охотники. Дворы служилыхъ и число людей по разрядамъ. Помѣщичьи крестьяне въ городѣ. Кормовые татары и черкасы.

Воеводскій дворъ находился въ городѣ, но, къ сожалѣнію, въ писцовой книгѣ не указано—гдѣ именно онъ стоялъ [1]). Имѣя въ виду, что этотъ дворъ и дворъ дьячій, гдѣ жилъ дьякъ,—второе лицо послѣ воеводы въ административномъ отношеніи,—показаны отдѣльно отъ дворовъ служилыхъ людей, которые переписаны именно съ указаніемъ на улицы, гдѣ они помѣщались, и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, можно предполагать, что воеводскій и дьячій дворы помѣщались недалеко отъ стараго государева двора, если не на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то дворецъ Ивана Грознаго, т. е. на берегу р. Вологды,—на мѣстѣ, занимаемомъ теперь домомъ Присутственныхъ мѣстъ. Воеводскій дворъ имѣлъ

---

[1]) Въ Вологдѣ воеводою съ 1626—1628 г. былъ Кн. Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій (съ Сентября по Сентябрь).

въ длину 50, поперегъ 40 саженъ, а дьячій въ длину 40, поперегъ 25 саженъ. Вблизи воеводскаго двора находилась *изба съѣзжая дьячая* (примѣнительно къ нашимъ понятіямъ—воеводская канцелярія), съ комнатою на подклѣтѣ, съ сѣнями; противъ нея стояла *избушка писчая*, въ которой засѣдали „площадные" подъячіе [1]), а позади находились *опальныя* тюрьмы, состоявшія изъ двухъ избъ, огороженныхъ тыномъ; за тюрьмами стояли: восемь государевыхъ житницъ, въ которыя ссыпался хлѣбъ, собиравшійся тогда въ видѣ подати съ уѣздныхъ людей; изба *губная* съ сѣнями, гдѣ засѣдали *губные старосты* [2]), вѣдавшіе уголовныя или губныя (т. е. соединенныя съ душегубствомъ) дѣла; подлѣ нея находился *тюремный дворъ*, обнесенный тыномъ, а на немъ стояли три тюремныя избы и сторожня. Это была собственно тюрьма для уголовныхъ преступниковъ, съ которою не надо смѣшивать вышеупомянутую опальную тюрьму: эта послѣдняя назначалась для служилыхъ людей, подпадавшихъ государевой опалѣ, и по современнымъ понятіямъ—скорѣе можетъ назваться полицейскою частью, гаубвахтой, чѣмъ тюрьмой. Затѣмъ здѣсь же находились: *изба казенная*, въ которой сосредоточивалось мѣстное финансовое, а потому, можно сказать, и податное управленіе того времени; *изба таможенная*, гдѣ сидѣли таможенные головы съ цѣловальниками, собиравшіе государеву пошлину,—обѣ съ комнатами на низкихъ подклѣтяхъ,—и *амбаръ важенный* (важня).

Довольно странно, что дворъ государевъ, на которомъ ставили государеву казну—денежную и хлѣбную—находился не въ городѣ, какъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ,

---

[1]) Другая такая-же избушка находилась за городомъ—на старой торговой площади.

[2]) Ихъ было два; дворы ихъ находились въ городѣ.

а на посадѣ—именно на большой улицѣ; онъ имѣлъ въ длину 40, поперегъ 36 саженъ; здѣсь находились: горница на подклѣтѣ 3-хъ саженъ съ сѣнями, 6-ть сараевъ, конюшня, 7 амбаровъ надъ погребами, поварня, баня (мыльня) и сторожевая изба; на дворъ, огороженный заборомъ, вели створистыя, крытыя ворота. Гораздо понятнѣе, почему *зелейной*, или пороховой, дворъ находился на посадѣ и при томъ на самомъ дальнемъ—за р. Вологдою: здѣсь хранили порохъ и изъ опасенія взрыва поставили этотъ дворъ подалѣе отъ городскихъ строеній. Впрочемъ въ 1625 году находившіяся въ немъ зданія были въ совершенно въ ветхомъ состояніи. Изба зелейная, 4-хъ саженъ, гнилая съ обрушившимся потолкомъ, а въ ней 4 совершенно ветхіе тчана; помѣщавшійся противъ избы амбаръ на 4-хъ же саженяхъ стоялъ безъ крыши и дверей; въ немъ находился ветхій тчанъ и два испорченные кирпичные очага. Самый дворъ не былъ даже огороженъ, занимая въ длину 30, поперегъ 25 саженъ. Все это, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что здѣсь давно уже не хранился порохъ.

Городовая артиллерія (нарядъ) хранилась въ Борисо-Глѣбской стѣнной башнѣ въ слѣдующемъ составѣ: одна полуторная пищаль [1]), 6-ть мѣдныхъ пищалей, 12-ть скорострѣльныхъ, двѣ пищали дробовыхъ, т. е. стрѣлявшихъ картечью, или по старинному „дробомъ“,—попорчены, 76 пищалей затинныхъ и двѣ горѣлыхъ—испорчены же. Пушечный запасъ (порохъ и ядра) лежали въ палатѣ позади Соборной церкви. Пороху имѣлось вѣсомъ 198 пудъ и 1¼ фунтъ съ тарами; ядеръ было: 750 полуторныхъ, 7 затинныхъ; „желѣзнова дробу“ (картечи)

---

[1]) Подъ пищалями здѣсь надо разумѣть разныхъ формъ и величинъ пушки; наибольшую величину имѣли *полуторныя;* онѣ бывали въ стѣнахъ—на колесахъ, т. е. на лафетахъ.

7 пудовъ 10 фунтовъ; 72 пуда свинцу, пудъ рогулекъ [1]) желѣзныхъ; два желѣзные прута, желѣзная-же гиря, 4 багра и 5-ть косъ.

Переходя къ обозрѣнію служилаго сословія въ Вологдѣ, на основаніи данныхъ, представляемыхъ писцовою книгою, не лишнее замѣтить, что наиболѣе важнымъ классомъ служилыхъ людей являются *дворяне—помѣщики*. Тѣ изъ нихъ, которые были *записаны съ городомъ*, отправляли въ немъ гарнизонную службу въ осадное время и подчинялись городовому воеводѣ, а записанные *по выбору* посылались въ походъ [2]). Къ которому изъ этихъ разрядовъ принадлежали Вологодскіе помѣщики, дворы которыхъ значатся въ писцовой книгѣ, мы не находимъ въ ней прямаго указанія. Но какъ во первыхъ—дворы ихъ въ городѣ были нежилые, а именно *осадные*, а во вторыхъ—среди владѣльцевъ этихъ дворовъ не встрѣчаются фамиліи многихъ дворянъ, владѣвшихъ помѣстьями въ Вологодскомъ уѣздѣ, то можно съ большою вѣроятностію заключить, что по крайней мѣрѣ большинство помѣщиковъ, имѣвшихъ осадные дворы въ городѣ, обязаны были гарнизонною службою здѣсь въ осадное время. Такихъ дворовъ было 142, изъ нихъ 72 стояли пусты, въ 68-ми жили дворники и только въ двухъ дворахъ жили сами владѣльцы; кромѣ того имѣлось 17-ть дворовыхъ мѣстъ, на которыхъ осадные дворы не были еще построены. Помѣщики, записанные съ городомъ Вологдою, которымъ здѣсь нечего было дѣлать не въ осадное время, жили, конечно, въ своихъ помѣстьяхъ; другіе, изъ записанныхъ по выбору, находились на службѣ или также проживали у себя въ помѣстьяхъ: этимъ и объясняется

---

[1]) Рогульки бросали подъ ноги лошадей, чтобы затруднить подступъ кавалеристовъ къ городскимъ стѣнамъ.

[2]) А. Градовскій: Исторія Мѣстнаго Управленія, т. I. стр. 310.

пустота ихъ дворовъ. Въ числѣ пустыхъ дворовъ встрѣчается одинъ боярскій—князя Пронскаго, а среди Вологодскихъ помѣщиковъ [1]) значатся иноземцы и одинъ казачій атаманъ. Дворы помѣщиковъ были не обширны, наприм. дворъ Алексѣя Самарина: въ длину 10, поперегъ $4^1/_2$ сажени; дворъ Юрія Бестужева: въ длину $15^1/_4$, поперегъ 8 саженъ; дворъ Дмитрія Извѣкова въ длину 10-ть, поперегъ 6 саженъ. *Подъячимъ* принадлежали 14-ть дворовъ, въ томъ числѣ два площаднымъ подъячимъ и три вдовамъ подъячихъ; всѣ они были жилые. Почти излишне пояснять, что подъячіе—это канцелярскіе служители того времени; *площадными* изъ нихъ назывались тѣ, которые сидѣли въ особыхъ „избушкахъ" на площадяхъ и писали желающимъ челобитныя и разнаго рода отписки; двѣ такія избушки, какъ мы знаемъ, помѣщались вблизи воеводскаго двора и одна—на торговой площади, т. е. на такихъ мѣстахъ, гдѣ было скопленіе народа. Своимъ земельнымъ размѣромъ дворы подъячихъ были нѣсколько менѣе помѣщичьихъ. Вотъ напр. дворъ подъячаго съѣзжія избы Никифора Максимова въ Покровской улицѣ: въ длину 9, поперегъ $6^1/_2$ саженъ; на Большой улицѣ дворъ площаднаго подъячаго Семена Ушакова: въ длину 7, поперегъ $4^1/_2$ сажени. На посадѣ подъячимъ принадлежало всего 5-ть дворовъ. Къ сословію же подъячихъ относятся, хотя стоятъ нѣсколько выше ихъ въ іерархической лѣстницѣ, *дьячки губной и земскій*, за которыми въ городѣ состояли два двора. Лучше всего можно пояснить различіе въ служебномъ положеніи дьячковъ и подъячихъ, назвавъ первыхъ письмоводителями, а послѣднихъ писцами современныхъ канцелярій.

---

[1]) Большинство ихъ называется *смольянами*, вѣроятно, по тому что они выведены были изъ Смоленска.

Въ городѣ находилась *Стрѣлецкая слобода*, а въ ней 13 дворовъ стрѣлецкихъ, занимавшихъ мѣсто длиною 135, поперегъ 12-ть саженъ, и стрѣлецкая тюрьма, которая была ни что иное, какъ изба, огороженная тыномъ. Въ слободѣ жило всего 28 человѣкъ стрѣльцовъ; вѣроятно, потому такъ мало, что дворы ихъ, поставленные на счетъ государевой казны, были въ это время уже ветхи, а нѣкоторые даже развалились, жить въ нихъ было нельзя, и большинство стрѣльцовъ жили въ городѣ не въ слободѣ, а „врозь" по своимъ дворамъ, которыхъ было 69, а въ нихъ 74 человѣка, да три двора стрѣлецкихъ вдовъ,—всего-же въ Вологдѣ находилось 85-ть стрѣлецкихъ дворовъ, и въ нихъ 102 стрѣльца; кромѣ того на посадѣ находилось 20-ть стрѣлецкихъ дворовъ, но сколько жило въ нихъ людей—не показано. Начальствовалъ надъ нимъ стрѣлецкій голова, которымъ въ описываемое время былъ Аѳанасій Бердяевъ; дворъ его, длиною 9-ть, поперегъ 10-ть саженъ, находился на городской Покровской улицѣ. Размѣры стрѣлецкихъ дворовъ были не одинаковы, напр. дворъ стрѣльца Никиты Иванова превосходилъ размѣрами дворъ головы: въ длину 11-ть, поперегъ 9-ть саженъ; дворъ Петра Леонтьева въ длину и поперегъ 7 саженъ, а дворъ Андрея Васильева былъ всего въ длину $3^1/_3$, поперегъ $2^1/_2$ сажени.

Пушкарямъ принадлежали въ городѣ 12-ть дворовъ, въ которыхъ жило столько-же людей; какъ и стрѣльцы, они жили здѣсь не отдѣльною слободою, а на разныхъ улицахъ; на посадѣ находился только одинъ пушкарской дворъ, слѣдов. всего было 13-ть дворовъ пушкарскихъ, а людей (т. е. мужчинъ) въ нихъ столько-же. Въ писцовой книгѣ сказано, что пушкарей и затинниковъ состояло въ то время всего 20-ть человѣкъ,—значитъ, послѣднихъ было 7 человѣкъ, но гдѣ они жили и имѣли свои дворы—объ этомъ въ книгѣ нѣтъ никакихъ свѣ-

дѣній. Пушкари и затинщики (или затинники) были артиллеристы того времени; первые завѣдывали собственно пушечнымъ боемъ, а вторые прочими *затынными* (застѣнными) средствами обороны во время осады.

Воротники, несшіе сторожевую службу при городскихъ воротахъ, имѣли въ городѣ 4 и на посадѣ 3 двора, въ которыхъ числилось 8 человѣкъ. *Каменщиковъ* было гораздо болѣе: въ городѣ были—два да на посадѣ 29 дворовъ каменщичьихъ, а въ нихъ 32 человѣка. Въ писцовой книгѣ встрѣчается указаніе, что по грамотѣ царя Михаила Ѳедоровича дворы Вологодскихъ каменщиковъ и кирпичниковъ—въ городѣ и на посадѣ *обѣлены*, т. е. освобождены отъ всѣхъ податей. Кромѣ этихъ, находившихся на службѣ, каменщиковъ въ Вологдѣ на посадѣ жили еще такъ называемые *отставленные* каменщики, которымъ принадлежали 17 дворовъ; относительно ихъ въ книгѣ замѣчено, что они взяты были по оговору каменщиковъ изъ тяглыхъ посадскихъ людей въ Можайскъ къ городовому каменному дѣлу, однако нигдѣ у этого дѣла не бывали, изъ числа каменщиковъ исключены и возвращены въ первобытное состояніе, т. е. посажены на тяглыя мѣста. Указаніе это важно для насъ въ томъ отношеніи, что знакомитъ съ назначеніемъ каменщиковъ: они состояли у городоваго каменнаго и кирпичнаго дѣла.

Разсыльщикамъ принадлежали 15-ть дворовъ кромѣ 2-хъ, состоявшихъ за вдовами: 11-ть въ городѣ и 4 на посадѣ, въ которыхъ находилось 15-ть человѣкъ. Назначеніе этого рода служилыхъ понятно изъ самаго названія ихъ: они посылались воеводою и другими начальными людьми съ отписками въ уѣздъ и вообще состояли на посылкахъ.—Для сообщенія съ Москвою и другими городами по дѣламъ правительственныхъ нуждъ въ Вологдѣ имѣлся *ямской дворъ* и 9-ть дворовъ ямскихъ охот-

никовъ, или ямщиковъ (8 дворовъ въ городѣ и одинъ на посадѣ) съ такимъ-же количествомъ людей; охотниками ихъ называли потому, что они „прибирались“ по охотѣ для отправленія почтовой гоньбы. Что касается земельнаго размѣра дворовъ пушкарскихъ, воротничьихъ, разсыльщичьихъ и ямскихъ охотниковъ, то, ни чѣмъ не разнясь между собою, они вмѣстѣ съ тѣмъ равняются въ этомъ отношеніи дворамъ стрѣлецкимъ.

Теперь мы перечислили дворы всѣхъ низшихъ служилыхъ людей въ Вологдѣ; остается еще упомянуть, что въ городѣ находился также дворъ палача, слѣдовательно былъ свой мѣстный исполнитель судебныхъ приговоровъ, которые встарину по ихъ суровости, вѣроятно, часто требовали его содѣйствія.

Помѣщичьи крестьяне въ городѣ жили во первыхъ—дворниками во дворахъ своихъ владѣльцевъ въ количествѣ 68-ми человѣкъ, а во вторыхъ—отдѣльными дворами, которыхъ было 6-ть въ городѣ и 3 на посадѣ съ такимъ же количествомъ людей; кромѣ того въ городѣ находились 20-ть пустыхъ крестьянскихъ дворовъ, 2 мѣста дворовыя и 9-ть мѣстъ порозжихъ.

Въ числѣ городскихъ обывателей упоминаются также *Черкасы* (малороссы) и *Кормовые татары*; обоихъ было 18-ть человѣкъ, которымъ принадлежало такое-же количество дворовъ. Были-ли черкасы добровольными поселенцами въ Вологдѣ, или это были плѣнники, или потомки ихъ,—изъ писцовой книги не видно. Имѣя въ виду, что они упоминаются рядомъ съ татарами, скорѣе можно предполагать послѣднее, такъ какъ татары были несомнѣнно плѣнники; кормовыми же они называются потому, что на пропитаніе ихъ полагался „кормъ“ отъ государя. Объ этомъ упоминается въ писцовой книгѣ при перечисленіи разнаго рода податей, взимавшихся съ Вологжанъ: *а тотарскимъ мурзамъ и закладнымъ языкомъ на кормъ*—столько-то.

V.

Бѣлые дворы. Улицкое тягло. Посадскіе люди. Тяглое право. Посадскіе тяглые: число людей и дворовъ въ городѣ и на посадахъ; дворы лучшіе, средніе и молодшіе; величина дворовъ. Посадскіе оброчные: число дворовъ и людей; размѣры оброчныхъ дворовъ; количество оброка со двора и съ человѣка. Посадскіе на льготѣ. Посадскіе худые люди, не состоявшіе въ тяглѣ и не платившіе оброка. Посадскіе нищіе люди. Общее число посадскихъ людей пяти перечисленныхъ разрядовъ, ихъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ. Посадскіе, сшедшіе безвѣстно и убитые въ Вологодское раззоренье. Издавна опустѣвшіе дворы. Число всѣхъ пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ. Долевое владѣніе дворами. Занятія посадскихъ. Податное обложеніе.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ городскими обывателями, которые лично не подлежали налогамъ и, владѣя своими дворами на правѣ собственности, также не платили за нихъ податей и сборовъ въ пользу государства. Это были такъ называемые *обѣленные* дворы духовенства, помѣщиковъ и вообще служилыхъ людей и ихъ крестьянъ, на которыхъ лежало одно только *улицкое* тягло, т. е. различнаго рода сборы, шедшіе на потребности того городскаго поселенія, въ которомъ находились льготные дворы [1]). Посадскіе же люди владѣли своими дворами на *правѣ тяглом*ъ; это значитъ, что ихъ земельные дворовые участки входили въ составъ *тяглой городской сотни* и подлежали платежу государевыхъ податей и всѣхъ мірскихъ разметовъ, „чѣмъ кого посадскіе люди въ тяглѣ обложатъ“. Такихъ дворовъ въ Вологдѣ было 116-ть, и въ нихъ жили 262 человѣка; большинство ихъ (110 двор. съ 254-мя человѣками) находились на посадахъ; въ городѣ было всего 6 дворовъ съ 8 человѣками; дворовыхъ мѣстъ за тяглыми посадскими было всего 6-ть. Дворы эти дѣлились на *лучшіе*, *средніе* и *молодшіе*. Лучшихъ былъ всего одинъ

---

[1]) Загоскинъ: о правѣ влад. городов. дворами, стр. 4—7.

дворъ—Ерофея Лазарева: въ длину 34, поперегъ 13½ саженъ; среднихъ считалось три—Богдана Самойлова—въ длину 97, поперегъ 8 саженъ; Кондратья Акишева [1]) въ длину 51, поперегъ 19 саженъ и Игнатья Бѣловицкаго—въ длину 60, поперегъ по лицу 12¼, а по зади 10¾ саженъ. Молодшихъ было 112-ть дворовъ; для ознакомленія съ ихъ земельными размѣрами возьмемъ нѣсколько дворовъ съ разныхъ улицъ: вотъ—дворъ Петра Привала и Григорья Скулебина въ Тѣсной улицѣ—въ длину 30, поперегъ 52 сажени; въ Бѣсовѣ Крюкѣ: дворъ Богдана Онаньина—въ длину 60, поперегъ 8 саженъ; на лѣнивой площадкѣ: дворъ Василья Сѣдельникова—въ длину 50, поперегъ 40 саж.; въ Костромской улицѣ: дворъ Лаврентья Нифантьева—въ длину 25, поперегъ 16½ саженъ; въ Васильевской улицѣ: дворъ Селивана Стругина въ длину 30-ть, поперегъ 22 сажени; въ Калачной улицѣ—дворъ Семена Лукашина да Перфирья Назарова—въ длину 51, поперегъ 18½ саженъ.

Не всѣ посадскіе были тяглые люди; наиболѣе бѣдные изъ нихъ жили на посадѣ своими дворами и владѣли дворовыми мѣстами, не платя государевыхъ податей и мірскихъ разметовъ; это былъ классъ людей, не несшихъ тягла именно по своей бѣдности, удостовѣренной сказкою земскаго старосты съ цѣловальниками [2]) и выборными людьми. Вмѣсто тягла они были обложены *оброкомъ* съ каждаго отдѣльнаго двора, которыхъ было 89-ть, и въ нихъ 145 человѣкъ; кромѣ того 5-ть че-

---

[1]) О Кондратьѣ Акишевѣ см. описаніе Ильинской церкви Н. И. Суворова.

[2]) Земской староста и цѣловальники—были лица выборныя, завѣдывавшія хозяйственно-податными распорядками въ тяглой городской общинѣ.—Въ 1627 году земскимъ старостой былъ посадской человѣкъ Богданъ Самойловъ.

ловѣкъ владѣли одними дворовыми мѣстами, такъ что всего оброчныхъ посадскихъ считалось 150 человѣкъ, въ томъ числѣ 7 вдовъ. Размѣры оброчныхъ дворовъ были неодинаковы: чѣмъ болѣе было земли—тѣмъ значительнѣе былъ оброкъ и наоборотъ. Вотъ напримѣръ дворъ бобыля Савелья Шапочникова: въ длину 51, поперегъ 2 сажени; оброку съ него 3 алтына 2 деньги; дворъ трехъ братьевъ Прядильщиковыхъ—въ длину 51, поперегъ 6¼ сеженъ; оброку съ него 5 алтынъ. Но изъ этого общаго правила встрѣчаются исключенія, обусловленныя, конечно, качествомъ земли, напримѣръ дворъ Михаила Водогина въ длину 43, поперегъ 7 саж., оброку съ него шло 3 алтына 2 деньги, т. е. столько-же, сколько со двора Савелья Шапочникова, а между тѣмъ этотъ послѣдній былъ менѣе его на 200 саженъ. Дворъ бобыля Варлама Мостовщикова: въ длину 33, поперегъ 14 саженъ; оброку съ него тоже 3 алтына 2 деньги, между тѣмъ онъ на 160 саженъ болѣе двора Водогина и на 360 саженъ болѣе двора Шапочникова. Разница въ размѣрахъ земли весьма значительная, а оброкъ одинаковъ, и при этомъ надобно замѣтить, что всѣ эти дворы стояли на одной улицѣ—именно Колашной, только на разныхъ ея концахъ. Всего оброку съ посадскихъ собиралось 15 руб. 4 алтына 5 ден. въ годъ. Разверстывая эту сумму на число дворовъ (89) и людей (150), найдемъ, что среднимъ числомъ съ каждаго двора платилось оброку почти 17-ть коп. и съ каждаго человѣка не много болѣе 10 коп.

Выше было упомянуто, что во время составленія писцовой книги значительное число дворовыхъ мѣстъ не только не были застроены, но и не имѣли даже хозяевъ. Такія пустыя дворовыя мѣста раздавались посадскимъ—съ условіемъ возведенія на нихъ необходимыхъ построекъ, при чемъ для „дворовые ставки“ давалась льгота отъ

податей обыкновенно на три года; льготный срокъ точно обозначенъ въ писцовой книгѣ. По истеченіи его, хозяева новыхъ дворовъ записывались въ тягло: „а какъ льгот„ные годы отойдутъ, и ему (такому-то) съ посадски„ми людьми всякія подати платити, чѣмъ его посадскіе „люди въ тяглѣ обложатъ“. Судя по этому, можно предполагать, что раздача пустыхъ мѣстъ со льготою производилась не администраціею, а самою тяглою общиною, которая была вполнѣ заинтересована въ томъ, чтобы въ средѣ ея было какъ можно болѣе тяглецовъ, ибо это облегчало отбываніе податей. На льготныхъ условіяхъ отданы были 9-ть мѣстъ 14-ти человѣкамъ.

Мы видѣли уже, что были посадскіе *тяглые*, *оброчные* и *льготные*; эти послѣдніе были ни что иное, какъ кандидаты въ тяглые люди. Кромѣ перечисленныхъ разрядовъ были посадскіе люди, по выраженію писцовой книги, „не пригодившіеся въ тягло и въ оброкъ“; это были самые бѣдные люди, жившіе „въ наймахъ“; ихъ было 95-ть человѣкъ, за ними состояли 59-ть дворовъ и 14-ть дворовыхъ мѣстъ, съ которыхъ не взималось ни какихъ податей.

Послѣдній разрядъ посадскихъ составляли *нищіе люди* частію бобыли, частію вдовы посадскихъ; одни изъ нихъ ходили по міру, другіе жили въ монастыряхъ или при приходскихъ храмахъ, „питаясь отъ церкви Божіи“. Такихъ было 119 человѣкъ, за которыми числилось 44 двора и 60 дворовыхъ мѣстъ.

Подведя общій итогъ количеству дворовъ, людей и дворовыхъ мѣстъ посадскихъ пяти приведенныхъ разрядовъ, получаемъ 392 двора съ 575 человѣками домохозяевъ и 85-ть дворовыхъ мѣстъ.

Значительное число посадскихъ людей было убито въ

Вологодское раззоренье въ смутное время и еще болѣе разбѣжалось вслѣдствіе этого погрома. Въ писцовой книгѣ часто встрѣчаются указанія на это обстоятельство, какъ на причину двороваго опустѣнія: „дворъ (или дворовое мѣсто) такого-то—пустъ, а его въ Вологоцкое раззоренье убили Литовскіе люди“..... Или: „дворовое мѣсто такого-то пусто,—сшелъ безвѣстно съ Вологоцкаго раззоренья“. Убитыхъ въ писцовой книгѣ показано 82 человѣка, за которыми состояли 3 двора и 81 дворовое мѣсто—тѣ и другія пустыя; безвѣстно ушедшихъ насчитывается 100 человѣкъ, которымъ принадлежали 9-ть дворовъ и 77 дворовыхъ мѣстъ—также пустыхъ.

Дворы пустѣли впрочемъ и по другимъ причинамъ: нѣкоторые посадскіе ушли безвѣстно еще до Вологодскаго раззоренья, частію отъ долговъ, а частію отъ обременительности тягла; такихъ дворовыхъ мѣстъ показано въ писцовой книгѣ 14-ть. Всѣхъ же пустыхъ посадскихъ дворовъ было 12-ть и 172 дворовыхъ мѣста.

Заканчивая обозрѣніе дворовъ посадскихъ людей, необходимо замѣтить, что хотя вообще старинный городской дворъ не составлялъ нераздѣльной единицы, и случаи *общаго* владѣнія дворами замѣчаются у лицъ всѣхъ сословій, но среди посадскихъ это явленіе встрѣчается всего чаще, при чемъ самое право владѣнія является *долевымъ*, т. е. каждый изъ совладѣльцевъ пользуется правомъ лишь на свою опредѣленную долю. Въ писцовой книгѣ чаще всего встрѣчается совмѣстное владѣніе двухъ лицъ, но нерѣдко также можно встрѣтить трехъ и четырехъ домохозяевъ въ одномъ дворѣ.

При подворномъ перечисленіи посадскихъ людей, въ писцовой книгѣ указанъ также родъ занятій большинства домохозяевъ. Изъ этихъ указаній видно, что посадскіе

были по преимуществу промышленные люди, и лишь меньшинство ихъ оставалось безъ промысловъ и ремеслъ,— вѣроятно, тѣ, которые имѣли возможность въ предѣлахъ своего двора заняться земледѣліемъ.

По роду своей дѣятельности, промышленники—посадскіе могутъ быть соединены въ нѣсколько группъ.

1. Обработкою *хлѣбныхъ продуктовъ* и вообще изготовленіемъ *съѣстныхъ припасовъ* занимались: хлѣбники, пирожники, калачники, крупеники, солоденики, винокуры, пивовары и квасники; далѣе идутъ соляники, рыбники, мясники, огородники (среди этихъ послѣднихъ выдѣляются луковники.)

2. По обработкѣ вообще *сырыхъ продуктовъ* упоминаются: кожевники, овчинники, сыромятники, „сырейщики" (сырники), масленики, свѣчники, дегтери, прядильщики (льна и конопли) и холщевники.

3. Обработкою *металловъ* занимались серебряники, пуговичники, котельники и кузнецы. Посадскимъ принадлежали 45-ть кузницъ, съ которыхъ шло оброку 3 руб. 5 алтынъ и 3 деньги въ годъ; высшее обложеніе съ кузницы равнялось 3 алтынамъ 2 деньгамъ, низшее—8 деньгамъ. Въ писцовой книгѣ замѣчено, что въ прежніе годы на кузницы оброку не было положено, и таковой по государеву указу наложенъ на нихъ вновь. Такое обиліе кузницъ, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что въ зимнее, а частію и въ осеннее время, товары отправлялись изъ Москвы къ Архангельсту гужомъ, на лошадяхъ, которыя перековывались въ Вологдѣ, какъ въ промежутучномъ торговомъ пунктѣ, гдѣ бывали неизбѣжныя остановки. Собственниками кузницъ были впрочемъ не одни посадскіе; такъ двѣ изъ нихъ принадлежали Никольскому священнику Осипу Моторгину, одна стрѣльцу Бажену

Елизарьеву и одна же городовому часовнику Дементью; съ этихъ четырехъ кузницъ взималось въ годъ оброку 13-ть алтынъ 2 деньги.

4. Въ числѣ обыкновенныхъ *ремесленниковъ* (мастеровыхъ) встрѣчаются: красильники, сапожники, портные, шапочники, колпачники, рукавичники, хомутинники, сѣдельники, оконечники (дѣлавшіе окончины), пошевники (работавшіе пошевни, сани), плотники, печники, подъемщики (тяжестей) [1]) и иконники, т. е. живописцы.

5. *Отхожими* промыслами занимались: извощики, которымъ, вѣроятно, было много работы—по перевозкѣ товаровъ во время закрытія навигаціи,—*ярыжные* на судахъ, т. е. лоцмана или кормчіе, сплавлявшіе торговыя суда къ Архангельску, или „на низъ", какъ говорится въ писцовой книгѣ, и щепетники, или щепетинники—торговцы разною мелочью въ разносъ по деревнямъ.

6. Къ числу ремесленниковъ можно также отнести *повивальныхъ бабъ* и *рудометовъ*, т. е. пускателей крови; это медицинское средство, столь излюбленное простонародьемъ, какъ видно, существуетъ изстари.

7. Среди лицъ, промышлявшихъ исполненіемъ *домашнихъ работъ* у зажиточныхъ людей, упоминаются: дворники, конюхи, повара, водовозы, пролубщики, пастухи, могильники, козаки [2]) и вообще люди, „дѣлающіе (по выраженію писцовой книги) черное дѣло."

Въ до-Петровской Руси городскія и уѣздныя земли *верстались въ сохи*; разница между ними была лишь

---

[1]) Вѣроятно, нагрузщики судовъ.

[2]) Т. е. работники; нѣсколько посадскихъ жили въ наемныхъ козакахъ „въ подгородныхъ деревняхъ"—у крестьянъ.

въ томъ, что податною единицею, какъ частью сохи, *въ городѣ былъ дворъ*, въ качествѣ земельно-промышленнаго участка, а *въ уѣздѣ выть*, т. е. извѣстное, но не вездѣ одинаковое, количество пашни, такъ напримѣръ въ Заозерской половинѣ стариннаго Вологодскаго уѣзда выть равнялась двумъ четвертямъ пашни [1]). Соха-же на сѣверѣ Россіи заключала въ себѣ 1200 нынѣшнихъ десятинъ. Тяглой городской земли въ тогдашней Вологдѣ было 1450 десятинъ [2]); она была обложена разнаго рода налогами, которые разверстывались (по старинному розметывались) между отдѣльными дворами, затѣмъ вносились въ мѣстную земскую избу, а отсюда посылались въ Москву—въ приказъ Новгородской четверти [3]). Число налоговъ было весьма значительно. Во 1-хъ, посадскіе люди платили подъ общимъ названіемъ *денежныхъ доходовъ большаго приходу* [4]) слѣдующія подати: подможныя и прогонныя ямскимъ охотникамъ и кормовыя закладнымъ мурзамъ и языкомъ; во 2-хъ, такъ называемыя *четвертныя деньги*: бѣлой кормъ, дальныя, полоняничныя, пищальныя, оброчныя, поворотныя и поголовныя деньги; въ 3-хъ, *пошлины*: за бобры и горностаи, судовую и мѣховую, за

---

[1]) Встарину поземельною мѣрою была *четверть* [или четь], т. е. такое пространство земли, на которомъ можно было посѣять *четверть бочки зерна*. (Костомаровъ, Истор въ жизнеоп., т. 1-й, стр. 295.) Въ сохѣ было 2400 четвертей. При генеральномъ межеваніи положено было на *каждыя три четверти намѣривать* 1½ *десятины*, т. е. какъ разъ половину четвертной мѣры; по этому-то гдѣ было *200 четвертей*,—тамъ *десятинами намѣривали 100* и т. д.

[2]) По выраженію писцовой книги: „сошноно письма въ живущемъ соха и пол-чети (1/8) и пол-пол-трети (1/12) сохи".

[3]) Приказу Новгородской четверти были подчинены: земли Великаго Новгорода, Двинская земля, Псковское государство, Вятская и Пермская земля и Нижегородское княжество. (Градовскаго: Истор. мѣстн. Управ., прилож.)

[4]) Вѣроятно, назывались такъ—потому, что поступали въ приказъ Большія Казны, а *четвертные* поступали въ доходъ четвертныхъ приказовъ, или четвертей, которыхъ было нѣсколько.

намѣсничь доходъ и за бражную выимку,—всего по тремъ статьямъ 35 рублей. Затѣмъ посадскіе платили со своихъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, съ лавокъ, амбаровъ, ларей, харчевныхъ избъ; съ мѣстъ лавочныхъ и амбарныхъ и съ кузницъ—82 рубля 9 алтынъ и 4 деньги, —всего-же по четыремъ статьямъ—117 руб. 9-ть алтынъ и 4 деньги въ годъ. Мы уже знаемъ, что всѣхъ тяглыхъ дворовъ въ Вологдѣ было 116-ть, *слѣдовательно съ каждаго двора—причиталось по одному рублю.*

Въ предыдущихъ цифрахъ выражается податное обложеніе *однихъ тяглыхъ людей.* Другихъ чиновъ люди (архіепископли, дѣти боярскіе, крестьяне всѣхъ разрядовъ, духовныя лица и нетяглые посадскіе), имѣвшіе въ Вологдѣ лавки, амбары, лари, кузницы и мѣста лавочныя и амбарныя, были обложены особою *полавочною* податью въ количествѣ 42-хъ рублей 26 алтынъ 4-хъ денегъ, что съ предыдущими составитъ сумму въ 160 руб. 3 алтына, которую городъ Вологда доставлялъ государевой казнѣ. По тогдашней цѣнности денегъ, при разстроенномъ финансовомъ положеніи Московскаго Государства въ первые годы послѣ смутной эпохи, сумма эта можетъ считаться довольно значительной.

VI.

Значеніе Вологды, какъ торговаго пункта. Торговые иноземцы и иногородцы; мѣстные торговые люди. Собственники лавокъ. Гостинный дворъ. Ряды, ихъ названія; число торговыхъ помѣщеній въ каждомъ ряду. Общее число лавокъ и другихъ торговыхъ помѣщеній въ Вологдѣ. Типы торговыхъ помѣщеній, ихъ размѣры и торговый оброкъ. Харчевныя избы, кабаки и бани.

Извѣстно, что въ 1553 году, въ царствованіе Ивана Грознаго, открытъ былъ морской путь для торговыхъ

сношеній Россіи съ Англіей и Голландіей черезъ Архангельскъ. Это событіе имѣло большое значеніе для Вологды, потому что она лежала въ срединѣ новаго торговаго пути—между Москвой и Архангельскомъ, имѣя съ послѣднимъ водяное сообщеніе. Вологда стала складочнымъ мѣстомъ для товаровъ русскихъ и иностранныхъ, и англичане и голландцы устроили въ ней свои торговыя факторіи. Уже въ 1555 году пришли къ устью Двины пять англійскихъ кораблей; съ одного изъ нихъ товары были перегружены на нанятые въ Холмогорахъ суда и отправлены въ Вологду, а Вологодскіе суда съ русскими товарами тогда же пришли къ остававшимся кораблямъ на Двинское, или, какъ говорится въ лѣтописи, Корельское устье [1]). Такое выгодное положеніе подняло значеніе Вологды, улучшило ея экономическій строй и развило въ городѣ торговую и промышленную дѣятельность. Мы уже видѣли, что Вологодскіе посадскіе были по преимуществу промышленные люди, вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть ихъ занималась торговлею. Торговымъ значеніемъ города, безъ сомнѣнія, объясняется то обстоятельство, что Иванъ Грозный прожилъ въ Вологдѣ болѣе трехъ лѣтъ и даже думалъ сдѣлать ее своей столицей.

По писцовой книгѣ значится въ Вологдѣ того времени 11-ть дворовъ „нѣмецкихъ“ торговыхъ людей; при этомъ не лишнее напомнить, что встарину *нѣмцами* русскіе люди называли всѣхъ вообще иноземцевъ и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ различали національности: „англинской нѣмчинъ“, „галанской земли нѣмчинъ“ и т. п. Почти всѣ дворы торговыхъ иноземцевъ находились на посадѣ, въ городѣ помѣщался одинъ только дворъ англичанина Карпа Демулина. Изъ находившихся на посадѣ

---

[1]) Вологодскій лѣтописецъ, изд. П. И. Суворова, стр. 22, изв. подъ 1555 годомъ.

два двора принадлежали голландцу Исааку Моту [1]) и два-же Фабину Ульянову (Виллимову); по одному двору имѣли: Андрей Букъ, Иванъ Еремѣевъ, Иванъ Выдрусъ, Елисей Ульяновъ, Романъ Юрьевъ и Маркъ Девогелярдъ съ Юрьемъ Клинкиномъ [2]). Своими дворами они владѣли по купчимъ крѣпостямъ, которыя и были предъявлены писцамъ; изъ нихъ видно, что нѣмцы покупали себѣ домы преимущественно у посадскихъ людей и уже владѣли иными лѣтъ 40 и больше; впрочемъ трое иноземцевъ крѣпостей на дворы не представили по своему отсутствію изъ Вологды: два были за моремъ и одинъ на Москвѣ.

Въ числѣ иногородныхъ торговыхъ людей, проживавшихъ въ Вологдѣ, встрѣчаются во 1-хъ, *московскіе гости*, за которыми состояли пять дворовъ; два изъ нихъ (одинъ въ городѣ, другой на посадѣ)—принадлежали Ивану и Василью Юдинымъ и по двору имѣли братья Булгаковы [3]),

---

[1]) Не *Исаакъ-ли Масса*, авторъ извѣстныхъ „Сказаній о смутномъ времени въ Россіи“? По крайней мѣрѣ изъ нихъ видно, что этотъ голландскій купецъ въ 1609 г. жилъ въ Вологдѣ. (См „сказ. Массы и Геркмана“, изд. Археографич. коммисіи, 1874 года СПБ., стр. 254—57.)

[2]) Фамиліи этихъ иностранцевъ такъ исковерканы русскими писцами, что по нимъ довольно трудно опредѣлить ихъ національности.

[3]) Со дворомъ Булгаковыхъ связанъ интересный эпизодъ, разсказанный помянутымъ голландцемъ И. Массою въ его „Сказаніяхъ“ на стр. 254—255.

„Во время осады Москвы, въ 1609 г., войсками Тушинскаго вора, - говоритъ онъ,—Вологда первая отдѣлилась отъ нея. Вологодскій воевода Никита Михайловичъ Пушкинъ и дьякъ Романъ Макаровичъ Вороновъ, сторонники царя Василія Шуйскаго, были уволены отъ занимаемыхъ ими должностей и замѣнены Ѳедоромъ Нащокинымъ и Иваномъ Ковернинымъ - людьми, преданными „вору“, которые и привели Вологжанъ къ присягѣ на вѣрность Димитрію. Вскорѣ затѣмъ нѣсколько поляковъ, сидѣвшихъ въ заключеніи въ Вологдѣ, были выпущены ими на волю. Поляки напали на окрестныхъ крестьянъ, жестоко обращались съ ними и, донага ограбивъ ихъ, возвратились въ Вологду съ санями, наполненными награбленнымъ имуществомъ. Ограбленные крестьяне пришли въ самомъ жалкомъ видѣ въ Вологду и жаловались на учиненныя надъ ними жестоко-

Иванъ Коломнетинъ и Михайло Глазовскій. Изъ другихъ иногородцевъ упоминаются дворы устюжанина, холмогорца, Ивана да Петра Строгоновыхъ и нѣсколькихъ торговыхъ крестьянъ, въ томъ числѣ крестьянъ боярина Ивана Никитича Романова, изъ села Тургенева Тверскаго уѣзду.

Мѣстный торговый классъ составляли преимущественно посадскіе; изъ нихъ лучшій человѣкъ Е. Лазаревъ и средніе: Б. Самойловъ, К. Акишовъ и Игн. Бѣлавинскій въ писцовой книгѣ прямо называются *торговыми* людьми. Но безъ сомнѣнія и „молодшіе люди" также промышляли торговлею; на это указываетъ то обстоятельство, что большинство лавокъ въ городѣ и на посадѣ,—именно 194,—принадлежали посадскимъ; за ними-же состояли 39-ть торговыхъ амбаровъ, 6 ларей, 16 мѣстъ лавочныхъ, 4 амбарныхъ, одно мѣсто подъ ларь и 8 „порозжихъ" лавочныхъ мѣстъ. Кромѣ посадскихъ торговлею занимались боярскіе и монастырскіе крестьяне, каменщики и стрѣльцы. Собственниками-же лавокъ и другихъ торговыхъ помѣщеній являются всякихъ чиновъ люди. Дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и ихъ крестьянамъ принадлежали 58 лавокъ, 17 амбаровъ, 4 мѣста лавочныя, одно амбарное и одинъ прилавокъ. Монастырямъ, церквамъ, духовенству и крестьянамъ духовныхъ вотчинъ принад-

---

сти и насилія. Находя ихъ жалобы справедливыми, Вологжане горько раскаивались въ томъ, что присягнули Димитрію, собрались вмѣстѣ и совѣщались о томъ, какъ бы имъ сложить съ себя присягу Димитрію и погубить всѣхъ его приверженцевъ. Они освободили изъ заточенія прежняго воеводу Пушкина, снова назначили дьякомъ Воронова, и, преисполненные раскаянія, съ ожесточеніемъ устремились изъ крѣпости *къ дому Булгаковыхъ*, гдѣ находился недавно прибывшій воевода Нащокинъ, схватили его, Ковернина и всѣхъ поляковъ, находившихся въ Вологдѣ, копьями отрубили имъ головы и трупы ихъ бросили съ горы въ р. Золотицу (Solotitzu), гдѣ ихъ пожирали свиньи и собаки, на что нельзя было смотрѣть безъ отвращенія."

лежали 39 лавокъ, 6 амбаровъ и 3 лавочныя мѣста. За торговыми иногородцами состояли 12-ть лавокъ; за каменщиками 12 лавокъ, 3 амбара и одно лавочное мѣсто; за стрѣльцами, ямщиками, разсыльщиками и воротниками 7-мь лавокъ, 3 амбара и лавочное мѣсто. Безъ сомнѣнія, дворяне и духовныя лица торговлею не занимались и сдавали свои торговыя помѣщенія въ аренду; къ сожалѣнію, въ писцовой книгѣ не указано—къ какому сословію принадлежали такіе арендаторы; можно лишь предполагать, что большинство ихъ были тѣ-же посадскіе,—люди наиболѣе бѣдные, не имѣвшіе возможности обзавестись собственными лавками и амбарами.

Гостинный дворъ находился въ городѣ; это было мѣсто, огороженное заборомъ въ длину 46, поперегъ 43 сажени, съ досчатыми створистыми воротами о три щита. На дворѣ находилась церковь во имя Св. апостолъ Петра и Павла и стояли *государевы* амбары; по одной сторонѣ двора 20-ть, рубленныхъ въ одну стѣну и подъ одну кровлю *на подклѣтяхъ* [1]), а подъ другую сторону 21 амбаръ, устроенныхъ такимъ-же образомъ; у верхнихъ амбаровъ имѣлись по бокамъ перила, образовавшія галлерею. Здѣсь-же помѣщались двѣ гостинныя избы „съ комнатами“, въ которыхъ жили лица, завѣдывавшія продажею казенныхъ товаровъ, и изба сторожевая. Лавокъ на гостинномъ дворѣ было не много—всего 4. Двѣ изъ нихъ принадлежали посадскому человѣку Терентію Новгородову; онѣ были построены „на два лица“, т. е. съ отдѣльными входами въ каждую; мѣрою въ длину 4, поперегъ 4 сажени безъ 2-хъ вершковъ; оброку съ нихъ шло въ государеву казну, въ таможенную избу, полтора рубля въ годъ. Другія двѣ лавки мѣрою—въ длину 5-ть, поперегъ 3 сажени, состояли за посадскимъ же Игнатіемъ Бѣлавинскимъ; оброку съ нихъ шло столько-же.

---

[1]) Это значитъ, что амбары были двух-этажные.

Вблизи гостиннаго двора помѣщались городскіе ряды. Изъ нихъ упоминаются: *москотильный*, въ которомъ находилось 38 лавокъ, 12 мѣстъ лавочныхъ и два амбара; *сапожный* (38 лавокъ, 5 лавочныхъ мѣстъ и 9 амбаровъ); *мясной* (32 лавки, 3 лавочныя мѣста и 5 амбаровъ); *соляной* (39 лавокъ, 6 лавочныхъ мѣстъ и 3 амбара); *щепяной и лапотной* (9 лавокъ и 6 амбаровъ); *шапочной* (15 лавокъ); *серебряный* (13 лавокъ, 9 амбаровъ и одно лавочное мѣсто); *вѣтошный* (58 лавокъ, 9 амбаровъ, 1 прилавокъ и 8 ларей); *иконный и свѣчной* (20 лавокъ и 1 амбаръ) и рядъ безъимянный, въ которомъ шла торговля разнообразными товарами (30 лавокъ и 2 амбара). Отдѣльно стоялъ рядъ *рыбной*, въ которомъ торговали изъ 9-ти амбаровъ. Кромѣ городскихъ рядовъ, лавки и другія торговыя помѣщенія находились также въ Пятницкой башнѣ (3 лавки) и въ трехъ мѣстахъ на посадѣ,—именно на Московской дорогѣ, вблизи Пятницкихъ воротъ (10-ть лавокъ и 1 амбаръ), на Лѣнивой площадкѣ (9 лавокъ и 2 амбара) и на Мироносицкомъ берегу—за рѣкою Вологдою, противъ города,—1 амбаръ и два амбарныя мѣста. Всѣхъ-же вообще лавокъ въ городѣ и на посадѣ было 318, амбаровъ 71, 22 лавочныя мѣста, одинъ прилавокъ и 8 ларей.

Изъ этого видно, что преобладающимъ типомъ торговыхъ помѣщеній была лавка. Подъ лавкою надобно разумѣть торговое помѣщеніе съ одною или двумя дверями на улицу, опредѣленной мѣры въ длину и ширину. Изъ данныхъ, представляемыхъ писцовою книгою, можно заключить, что существовала *нормальная лавка*, принимавшаяся за единицу измѣренія торговыхъ помѣщеній этого рода: она имѣла 2 сажени ширины по лицу. Отсюда становится понятнымъ, почему небольшая лавка, имѣвшая всего сажень ширины по лицу, въ писцовой книгѣ зна-

чится *пол-лавкою*, а лавка въ 3 сажени пишется уже какъ *полторы лавки*; встрѣчаются также: *лавка съ четвертью*, *лавка съ третью*, а иногда на оборотъ, т. е. безъ трети или безъ четверти, такъ какъ не большой недостатокъ до нормальной мѣры (именно менѣе пол-сажени) не переводилъ еще „лавку“ на степень „пол-лавки“.

Послѣ лавки наиболѣе употребительнымъ торговымъ помѣщеніемъ былъ *амбаръ*. Подъ амбаромъ надобно понимать не только складочное мѣсто товаровъ, но именно помѣщеніе, откуда производилась розничная торговля: такъ, напримѣръ, рыбою торговали исключительно изъ амбаровъ. Разница между лавкою и амбаромъ, безъ сомнѣнія, состояла въ томъ, что послѣдній не имѣлъ прилавка (или стойки), и полокъ для раскладки товара, который по этому и помѣщался здѣсь въ кадкахъ, мѣшкахъ, коробахъ и проч. Величина амбаровъ была далеко не одинакова; вообще же можно принять, что они имѣли не болѣе 6-ти и не менѣе одной сажени по лицевой сторонѣ, т. е. по той, гдѣ находилась входная дверь. Можно предполагать, что большіе амбары служили преимущественно для складки товаровъ, а въ среднихъ и меньшихъ производилась обычная торговля.

Третій видъ торговаго помѣщенія представляетъ *лавочное мѣсто*. Въ писцовой книгѣ нѣтъ прямаго указанія на отличіе лавочнаго мѣста отъ лавки; видно только, что помѣщенія этого рода находились въ линіи рядовъ, обыкновенно въ концѣ ихъ, и принадлежали небогатымъ торговцамъ. Наибольшая величина лавочнаго мѣста—4 сажени, наименьшая—1 сажень. По всей вѣроятности, лавочныя мѣста были не что иное, какъ деревянные балаганы, или просто досчатые навѣсы надъ прилавками, въ которыхъ днемъ шла торговля, къ ночи же товаръ выбирался.

Восемь ларей и одинъ прилавокъ, находившіеся въ вѣтошномъ ряду, составляютъ низшій разрядъ торговыхъ мѣстъ. Лари были просто ящики, размѣрами отъ одной до полуторы сажени длины, заднія стѣнки которыхъ устраивались выше переднихъ, а поперечныя скашивались, такъ что крышки на нихъ лежали наклонно и представляли довольно удобную защиту отъ дождя. Единственный во всемъ городѣ прилавокъ помѣщался на углу Проѣзжей улицы и серебрянаго ряда, имѣя протяженіемъ по боковой сторонѣ сажень безъ четверти, а по лицевой 1½ аршина, и представлялъ собою просто скамью, приспособленную для раскладки товара.

Всѣ перечисленныя выше торговыя помѣщенія были обложены оброкомъ, платившимся собственниками ихъ въ государеву казну. Размѣръ оброка обусловливался во 1-хъ, свойствомъ самаго помѣщенія, такъ напр. лавки вообще были обложены выше амбаровъ и т. д.; во 2-хъ, величиною помѣщеній и мѣстомъ, гдѣ онѣ находились, такъ что лавки и амбары, помѣщавшіеся вблизи гостиннаго ряда, т. е. въ центрѣ торговой дѣятельности, цѣнились несравненно дороже, чѣмъ стоящіе гдѣ нибудь въ зарѣчьѣ—на Мироносицкомъ берегу. Вообще-же можно принять, что наибольшее обложеніе лавки равнялось 20-ти алтынамъ, наименьшее—2-мъ; амбары: наибольшее—7-ми алтынамъ, наименьшее—10-ти деньгамъ; оброкъ съ лавочнаго мѣста простирался отъ 6-ти алтынъ до 6-ти денегъ; съ ларя отъ 6-ти до 4-хъ алтынъ, а единственный прилавокъ платилъ 3 алтына 2 деньги.

Къ числу торгово-промышленныхъ заведеній относятся *харчевныя избы*, или харчевни, которыхъ было всего 12-ть, изъ нихъ одна находилась въ городѣ, а остальныя на посадѣ. Десять харчевень принадлежали посадскимъ людямъ, двѣ каменщикамъ. Эти послѣдніе не пла-

тили за право торговли въ нихъ никакого налога, а харчевни посадскихъ были обложены оброкомъ, каждая отъ 8-ми алтынъ 2-хъ денегъ до 2-хъ алтынъ. Размѣръ подати обусловливался, конечно, величиною харчевной избы и мѣстомъ, гдѣ она стояла; вообще-же помѣщенія этого рода были необширны, такъ что самая большая харчевня имѣла всего 3¹/₄ сажени, а наименѣе помѣстительная только 2 сажени по лицу.

Въ городѣ находились два кабака: одинъ противъ губныя избы въ каменной башнѣ, а подлѣ него изба кабацкая; другой-же—близь важни; на немъ стояли двѣ избы, амбаръ и изба сусленная и квасная съ сѣнями. На посадѣ было пять кабаковъ: первый за Пятницкими воротами у Проѣзжаго моста черезъ Золотуху; при немъ изба и погребъ съ напогребицею; второй—на Старой Торговой площади, тоже съ избой и погребомъ; третій—въ Новинкахъ, съ избой-же и погребомъ; четвертый на Лѣнивой площадкѣ: при немъ двѣ избы, погребъ, ледникъ съ сараями и поварня; послѣдній кабакъ стоялъ за р. Вологдой—„на наволокѣ“: при немъ 3 избы, погребъ, ледникъ съ сараями, винокурня, пивоварня и сѣнникъ на подклѣтѣ, въ которомъ ставилось вино.—У моста черезъ р. Золотуху находилась торговая баня, а у бани,—сказано въ писцовой книгѣ,—„держатъ квасъ безхмѣльной“. Кабаки и баня содержались отъ государя; торговлею въ нихъ завѣдывали такъ называемые *вѣрные* головы и цѣловальники: „а кабаки и баня“, говорится въ писцовой книгѣ, „нынѣ—на вѣрѣ: сидятъ головы и цѣловальники [1]) и собираютъ на государя“.

---

[1]) Они выбирались городами къ сбору государевыхъ податей и приносили присягу въ томъ, что будутъ взыскивать ихъ безпомочно. (А. Градовскаго: Исторія Мѣст. Управленія, т. 1-й, стр. 174).

VII.

Общій взглядъ на состояніе города въ 1-й четверти XVII вѣка.

Представивъ въ сжатомъ очеркѣ важнѣйшія данныя писцовой книги 1627 года, относительно положенія города Вологды въ первой четверти XVII вѣка, нахожу не лишнимъ сдѣлать, на основаніи ихъ, нѣсколько общихъ заключеній.

1. Относительно внѣшности Вологды того времени слѣдуетъ замѣтить, что городъ и посады состояли преимущественно изъ деревянныхъ строеній; церкви, казенныя зданія, лавки, дворы—все это было построено изъ мѣстнаго лѣса, которымъ въ тѣ времена изобиловалъ Вологодскій край. Среди этой массы деревянныхъ строеній возвышались городскія стѣны и Софійскій Соборъ—единственныя каменныя сооруженія,—памятники зиждительной дѣятельности Грознаго царя. Внутри этихъ стѣнъ былъ собственно „городъ". Здѣсь, вблизи Собора, на берегу Вологды, находился административный центръ города и его уѣзда—воеводскій дворъ со всѣми принадлежностями тогдашняго мѣстнаго управленія; не много далѣе, по направленію къ восточной городской стѣнѣ, стоялъ гостинный дворъ—центръ торговой, и тянулись городскіе ряды. Затѣмъ въ городѣ находились осадные дворы всякихъ чиновъ людей, жилые дворы помѣщиковъ, служилыхъ людей, духовенства и отчасти посадскихъ. Такимъ образомъ городъ, имѣя назначеніе служить убѣжищемъ во время непріятельскаго нашествія, вмѣстѣ съ тѣмъ является средоточіемъ административной и торговой дѣятельности. Обычная-же, такъ сказать, будничная жизнь Вологжанъ того времени сосредоточивалась на посадахъ, гдѣ жило большинство населенія. Это доказывается уже тѣмъ, что

въ городѣ всего было только 15 церквей, и тѣ ружныя, т. е. содержавшіяся отъ казны, между тѣмъ какъ на посадахъ однѣхъ приходскихъ церквей было 39.

2. Во внутренней городской жизни преобладаетъ одна характерная черта: это—полная разобщенность горожанъ по сословіямъ; черта эта отражается въ писцовой книгѣ между прочимъ тѣмъ, что дворы горожанъ переписаны въ ней *не по улицамъ*, а въ *порядкѣ сословныхъ группъ*. Дѣйствительно, въ городахъ до-Петровской Руси не было городскихъ обывателей въ смыслѣ настоящаго времени, потому что городскіе жители въ ихъ совокупности не соединялись никакими общими интересами. Помѣщики и вообще люди служилые имѣли не мѣстное значеніе, а государственное; тоже можно сказать и о духовенствѣ. Посадскіе люди въ сущности ни чѣмъ не отличались отъ уѣздныхъ тяглецовъ: они также были поверстаны въ сохи; разница заключалась только въ низшихъ единицахъ, изъ которыхъ слагались сохи въ городахъ и волостяхъ: въ первыхъ такими мелкими единицами были *дворы*, во вторыхъ—*выти* Однимъ словомъ, городъ не сообщалъ своему обывателю ни какихъ правъ, если онъ не имѣлъ ихъ въ качествѣ лица, принадлежащаго къ извѣстному сословію.

3. Въ писцовой книгѣ отражаются также слѣды польскаго погрома, которому подверглась Вологда въ смутное время. Во внѣшней сторонѣ города слѣды эти замѣчаются въ не полной еще обстроенности городскихъ улицъ и въ массѣ пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Во внутренней жизни послѣдствія смутнаго времени еще замѣтнѣе: много людей убито литовцами, многіе отъ грозы сошли безвѣстно, а иноземные гости повыѣхали за море. Отсюда—бѣдность городскихъ тяглецовъ, множество бездомныхъ и нищихъ людей и упадокъ торговли.

ОБОЗРѢНІЕ

ЗАДНОСЕЛЬСКОЙ ВОЛОСТИ.

Составлено по писцовой книгѣ 7136 (1628) года, Вологодскаго уѣзда, Заозерскія половины, письма и мѣры Ѳ. Вельяминова-Воронцова да дьяка С. Завьсина.

„Положительно необходимо, чтобы на ряду „съ изслѣдованіями, охватывающими исторію „того или другаго сословія во всей Россіи, одновременно шли мѣстныя историческія работы; „нужно, такъ сказать, строить исторію не только сверху внизъ, но и снизу вверхъ, не только отъ центра къ периферіи, но и на оборотъ.“

(В. И. Семевскій. „крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-й“, т. 1-й, введеніе—стр. XXVI; СПБ., 1881 г.)

I.

Мѣстонахожденіе Задносельской волости. Нѣсколько историческихъ о ней свѣдѣній. Число помѣстій и вотчинъ въ ней въ 1628 году. Помѣщики и вотчинники Задносельской волости; размѣры помѣстій и вотчинъ и ихъ территоріальныя границы. Общность владѣнія деревнями и пустошами. Число дачъ общаго и единственнаго владѣнія. Село Заднее, какъ объэктъ помѣстнаго владѣнія. Составъ помѣстій; доли и жеребья.

Задносельская волость находится въ 1-мъ станѣ Кадниковскаго уѣзда; до учрежденія же о губерніяхъ (при импер. Екатеринѣ II) она входила въ составъ старинаго Вологодскаго уѣзда и писалась въ Заозерской его

половинѣ,—въ *Пинковской* трети [1]). Названіе этой послѣдней объясняется тѣмъ, что въ этой части уѣзда съ изстари находились вотчины рода князей Пинковыхъ, или Пѣнковыхъ, которымъ принадлежала между прочимъ и волость села Задняго. Изъ жалованной грамоты князя Даніила Александровича Пинкова Спасокаменному монастырю 1497 года видно, что уже дѣдъ его князь Ѳедоръ Васильевичъ пожаловалъ этому монастырю нѣкоторыя деревни и пустоши *въ своей вотчинѣ—въ Заднемъ селѣ* [2]). Слѣдовательно около половины XV вѣка князья Пинковы уже владѣли Задносельской волостью, которая въ позднѣйшее время и писалась по этому въ актахъ просто *вотчиною Пинковыхъ*. Такъ напримѣръ въ дозорной книгѣ 1616 г. князя Богдана Касаткина—Ростовскаго мы читаемъ: „Въ княжъ Ивановской вотчинѣ „Васильевича Пинкова“... далѣе слѣдуетъ перечисленіе деревень, входившихъ въ составъ Задносельской волости. Князь Иванъ Васильевичъ Пинковъ, судя по Русской Родословной книгѣ (изд. „Русской Старины“, т. 2-й, стр. 134—35), жилъ во второй половинѣ XVI вѣка и былъ послѣднимъ въ родѣ. Изъ писцовой книги 1628 года видно, что имъ была устроена въ селѣ Заднемъ ружная церковь во имя св. Евдокіи, и на содержаніе при ней причта отведенъ участокъ земли. Можно предполагать, что во время Пинковыхъ село Заднее было княжеской усадьбой: на это указываетъ и построеніе названной церкви и существованіе въ селѣ изъ старины нѣсколькихъ прудовъ, теперь совершенно уже заросшихъ. По смерти князя Ивана Васильевича, село Заднее, по-

---

[1]) Старинный Вологодскій уѣздъ состоялъ изъ 3-хъ нынѣшнихъ уѣздовъ: Грязовецкаго, собственно Вологодскаго и Кадниковскаго и дѣлился на 8 частей, называвшихся третями.

[2]) См. Опис. Спасокам. монастыря Н. Суворова, изд. 1871 года, стр. 58.

видимому, вышло изъ рода Пинковыхъ; по крайней мѣрѣ изъ дозорной и межевой книги села Егорьевскаго Задняго 1618 года (письма и дозора Василья Бартенева) видно, что въ это время село Заднее съ деревнями и пустошьми состояло въ вотчинномъ владѣніи боярина Бориса Михайловича Салтыкова. Въ писцовой же книгѣ 1628 года, (слѣдовательно спустя всего 10 лѣтъ, въ волости села Егорьевскаго Задняго значится уже 13 ть помѣстій и двѣ вотчины [1]). Изъ нихъ четыре помѣстья—по 450 четвертей [2]) каждое—принадлежали князю Юрію Вяземскому, Булышу Челищеву, Тимофею Унковскому и Ѳедору Плещееву; Ивану и Михайлу Яропкинымъ, Титу и Андреяну Кукаринымъ принадлежали четыре же помѣстья мѣрою въ 431 четверть каждое. Помѣстье Ивана Сумбулова заключало въ себѣ 300 четвертей; за сотникомъ Оладьинымъ и Аѳанасьемъ Нарбековымъ состояли два помѣстья по 225-ти четвертей каждое. Затѣмъ Ивану Велкову принадлежало помѣстье мѣрою въ 240 четвертей, да за нимъ же въ вотчинѣ состояло 210 четвертей; за Иваномъ Путятинымъ въ помѣстьѣ было всего 71 четверть, за то въ вотчинѣ его числилось 360 четвертей.

Изъ предыдущаго видно во 1-хъ, что собственно „помѣщиковъ“, т. е. лицъ, владѣвшихъ населенною землею на помѣстномъ правѣ, въ Задносельской волости было 11-ть человѣкъ, остальные же два были—помѣщиками и

---

[1]) Здѣсь не лишнее объяснить разницу между „помѣстьями и вотчинами“. Первыя давались правительствомъ служилымъ людямъ во временное пользованіе, вотчинами же они владѣли на правѣ собственности. Потому-то въ до-Петровской Руси строго различали право *помѣстное* отъ права *вотчиннаго*, а помѣщиковъ отъ вотчинниковъ.

[2]) „Четвертъ“ была тогда поземельною мѣрою; при генер. межеваніи принято было за правило на 3 четверти намѣривать $1^1/_2$ десятины, т. е. десятинами какъ разъ выходила половина четвертной мѣры.

вотчинниками вмѣстѣ. Во 2-хъ замѣчается, что размѣры помѣстьевъ были далеко не одинаковы, заключая въ себѣ отъ 71-й до 450 четвертей; то-же слѣдуетъ сказать и о вотчинахъ, изъ которыхъ въ одной было 210, а въ другой 360 четвертей.

Будучи не одинаковы по своимъ размѣрамъ, помѣстья и вотчины въ то-же время не составляли такихъ населенно-земельныхъ участковъ, изъ которыхъ каждый былъ бы заключенъ въ одну окружную межу и потому представлялъ бы нѣчто цѣльное въ территоріальномъ отношеніи. Этого не могло быть уже потому, что изъ числа 73-хъ волостныхъ поселеній 10, и изъ числа 42-хъ пустошей 26 находились въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ помѣщиковъ [1]). Центръ волости--село Заднее— было раздѣлено на 13-ть частей соотвѣтственно числу помѣщиковъ, и каждому изъ нихъ данъ въ немъ помѣстный участокъ, называвшійся *жеребьемъ*, къ которому приписано столько деревень и пустошей, сколько ихъ слѣдовало отвести данному лицу въ помѣстье или въ вотчину. При этомъ однако замѣчается желаніе по возможности сгруппировать однопомѣстныя деревни, что достигалось не всегда, такъ что нѣкоторыя деревни, какъ говорится, клиномъ врѣзывались въ чужое помѣстье. Деревни и пустоши, входившія въ составъ нѣсколькихъ помѣстій, (или иначе состоявшія въ общемъ владѣніи) дѣлились на указныя доли ($1/2$, $1/3$, $1/4$ и т. д.), или просто на жеребьи, безъ обозначенія опредѣленной части владѣнія, такъ какъ вообще подъ жеребьемъ надобно понимать такую земельную долю, которая не могла быть выражена писцами въ дробныхъ частяхъ по не имѣнію въ старинномъ языкѣ соотвѣтственныхъ выраженій. Это

---

[1]) Въ общемъ пользованіи состояли также рыбныя ловли въ волостныхъ рѣкахъ, прудахъ и озерахъ.

доказывается тѣмъ, что 1/6 они обозначали „пол-третью“, 1/8—пол-четью, 1/16—называли пол-пол-четью и т. д.

Для удобства при обозрѣніи Задносельской волости, село Заднее мы разсмотримъ отдѣльно, помѣстья соединимъ въ три группы сообразно ихъ земельнымъ размѣрамъ и въ заключеніе разсмотрилъ вотчины.

II.

Село Заднее. Церкви, причтъ, церковная земля. Кельи. Дворъ вотчинника. Дворы крестьянскіе и бобыльскіе; число наличныхъ мужчинъ-работниковъ въ тѣхъ и другихъ. Общее число жилыхъ дворовъ. Общее число жителей села Задняго.

Въ селѣ Заднемъ были двѣ приходскія церкви; одна холодная во имя св. великомученика Георгія—деревянная, построенная *клѣтски*; другая—деревянная-же, теплая съ трапезою, во имя св. Даніила столпника,—построена *шатромъ*. Въ церквахъ образа, свѣчи, книги, ризы, сосуды и „всякое церковное строенье“ было мірское, приходскихъ людей, т. е. помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ Задносельской волости. Причтъ этихъ церквей состоялъ изъ священника (его звали Григорій Ермолаевъ: одинъ изъ всего причта онъ названъ по имени), дьячка, пономаря и трапезника; была также и просфорница. Всѣ эти лица имѣли свои дворы; кромѣ того при церквахъ находились четыре кельи, въ которыхъ жили нищіе, „питавшіеся отъ церкви Божіи.“ Во владѣніи причта состояло церковные земли [1]): пашни посто-

---

[1]) Въ писцовыхъ книгахъ писалась пахотная земля трехъ видовъ: *паханная*, т. е. полевая земля, пахавшаяся постоянно; *перелоговая*,—на которой снимали два—три хлѣба и затѣмъ оставляли отдыхать, такъ что она успѣвала зарости лѣсомъ; про нее то и писалось въ писцовыхъ книгахъ: *пашни—лѣсомъ поросло* столько-то.

янно пашущейся—10 четвертей, перелоговой—1 четверть 6 четвериковъ, лѣсопорослой—2 четверти,—всего удобной земли 13 четвертей 6 четвериковъ въ полѣ, а въ 3-хъ поляхъ 41 четверть 2 четверика; сѣна полеваго ставилось 15 и озернаго 10 копенъ. Переводя [1]) эти количества на десятины, найдемъ, что въ пользованіи приходскаго причта состояло земли всякаго качества не много болѣе 23-хъ десятинъ.

Выше упомянуто уже, что княземъ Иваномъ Пинковымъ построена въ селѣ Заднемъ церковь во имя преподобные Евдокіи. Во время набѣга поляковъ на Вологодскую область въ 1613 году, Задносельская волость подверглась раззоренію, въ которое церковь эта погибла и послѣ была отстроена вновь той-же церкви вдовымъ священникомъ—Лукою; однако внутреннее въ ней убранство и утварь были въ 1628 году еще старинныя,—устройства князя Пинкова. Причтъ ея состоялъ изъ священника Кирилла Юрьева и дьячка Якова Лукина, имѣвшихъ свои дворы; во владѣніи ихъ состояло такое-же количество земли всѣхъ разрядовъ, какъ и у приходскаго причта; въ писцовой книгѣ замѣчено, что земля эта дана была княземъ Пинковымъ вмѣсто руги.

Въ селѣ Заднемъ находился тогда домъ помѣщика (и вотчинника вмѣстѣ)—Ивана Ивановича Путятина, въ которомъ самъ онъ однако не жилъ, а жили его люди, обработывавшіе, конечно, господскую землю.

Крестьянскихъ дворовъ въ селѣ было 17 (въ томъ числѣ одинъ пустой) да 9 бобыльскихъ, а въ нихъ считалось взрослыхъ мужчинъ—работниковъ: крестьянъ 22

[1]) Выше указано основаніе для перевода четвертной мѣры въ десятинную.

и 11 человѣкъ бобылей [1]). Такимъ образомъ въ селѣ Заднемъ во время писцовъ имѣлось жилыхъ дворовъ всякихъ чиновъ людей 33 и 4 кельи,—всего 37 жилыхъ зданій. Взрослое мужское населеніе села состояло изъ 38 человѣкъ, за исключеніемъ обитателей помѣщичьяго дома и келлій, число коихъ въ писцовой книгѣ не указано. Здѣсь не лишнее замѣтить, что вообще въ писцовыхъ книгахъ населеніе переписывалось *не поголовно*: женщины, если онѣ не были вдовами-домохозяйками, подростки и малолѣтніе обоего пола—въ счетъ не принимались; для этой цѣли существовали встарину нарочитыя *переписныя* книги. По этому, если мы опредѣлимъ семейный составъ каждаго двора среднимъ числомъ въ 4 человѣка, то найдемъ, что населеніе села Задняго въ 1628 году состояло изъ 148 человѣкъ обоего пола и всякаго возраста.

III.

Обозрѣніе помѣстій и вотчинъ относительно ихъ земельнаго состава и степени населенности.

Группа первая: помѣстья въ 450 четвертей. [2]) (250 десятинъ).

1. Помѣстье князя Юрія Григорьевича Вяземскаго.

Въ составъ его входили слѣдующія деревни единственнаго владѣнія: Дѣдово (8 дворовъ), Ивановское (6 дв.),

---

[1]) Чѣмъ бобыли отличались отъ крестьянъ опредѣлить довольно трудно. Въ настоящее время слово это означаетъ крестьянина, не имѣющаго своего земельнаго хозяйства, но повидимому встарину значеніе его было нѣсколько иное, такъ какъ въ писцовой книгѣ различаются бобыли *пашенные* и *безпашенные*, слѣдов. одни изъ нихъ владѣли землей, другіе—нѣтъ. Можно полагать, что бобылями называли тогда холостыхъ или бездѣтно-вдовыхъ крестьянъ.

[2]) Необходимо замѣтить, что 450 четвертей [225 десятинъ] представляютъ уравнительный итогъ, т. е. помѣстья поверстаны удоб-

Веснино (8 дв.) и Олешково, въ которой было 5 крестьянскихъ дворовъ и дворъ прикащика.

Въ деревнѣ *Тимоновѣ починкѣ [1]) князю Вяземскому принадлежала треть съ жеребьемъ (1 дв.), въ деревнѣ *Кіевѣ половина безъ жеребья (1 дв.) и въ селѣ Заднемъ—жеребей (2 дв.)

Всѣ пустоши, входившія въ составъ этого помѣстья, находились въ общемъ владѣніи,—именно: въ Полибинѣ кн. Вяземскому слѣдовала четвертая часть, а въ Корниловѣ, Кобелевой и Медвѣдевой по половинѣ.

Въ перечисленныхъ деревняхъ было 14 крестьянскихъ и 17 бобыльскихъ дворовъ, въ которыхъ жили 22 человѣка крестьянъ и 24 бобылей.

Въ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) постоянной пахоты 175½ десят., перелоговой 55½ десят. и пахотной, поросшей лѣсомъ,—52 дес.,—всего 283 десятины; 2) сѣнокосной въ поляхъ и въ озерныхъ ножняхъ—19½ дес.; 3) чернаго [2]) лѣса 15¼ дес. да поверстнаго въ длину и поперегъ на 6 верстъ, (т. е. 6 квадратныхъ верстъ). Всего-же, за исключеніемъ поверстнаго лѣса, въ помѣстьѣ было 317¼ десятинъ.

2. *Помѣстье Булыша Григорьевича Челищева.*

Въ составъ его входили слѣдующія деревни единственнаго владѣнія: Сидоровская (14 дворовъ), Терехово, Муравьевское тожъ, (6 дв.) и Іевлево (4 дв.)

ною землею до этой нормы; на самомъ-же дѣлѣ въ нихъ могло быть всей земли нѣсколько болѣе 450 четвертей, если она была не совсѣмъ удобна, и нѣсколько менѣе, если удобная земля преобладала. Перевѣсъ въ ту или другую сторону былъ иногда весьма значителенъ. Замѣчаніе это примѣнимо къ помѣстьямъ всѣхъ размѣровъ.

[1]) Обозначенныя звѣздочкой деревни нынѣ уже не существуютъ.

[2]) Подъ „черными“ лѣсами въ писцовыхъ книгахъ писались дровяные, пріокольные ненашенные лѣса, которые всегда измѣрялись десятинами въ отличіе отъ поверстныхъ,—строевыхъ,—намѣренныхъ верстами.

Общаго владѣнія:

Въ селѣ Заднемъ—жеребей (2 двора [1]), деревня *Дреставянка безъ жеребья (3 двора); двѣ трети деревни Тимонова Починка (2 дв. [2]) и половина деревни Кіева, въ которой дворовъ не было, а землей владѣли наѣздомъ.

Изъ пустошей въ единственномъ владѣніи состояла только одна—Плишкино; не задолго до писцовъ она была деревней, но жившій въ ней крестьянинъ сшелъ безвѣстно во 132 (1624) году,—и она запустѣла. Затѣмъ слѣдуетъ въ пустошахъ Воробьихѣ и Вороновой по 1/3-й части, треть съ жеребьемъ пустоши Осетровой, четверть п Кинявки и по половинѣ въ пустошахъ Филатовой, Черницовой, Медвѣдевой и Корниловѣ.

Всего въ помѣстныхъ деревняхъ было жилыхъ дворовъ: крестьянскихъ 16, бобыльскихъ 13, а въ нихъ 24 человѣка крестьянъ и 17 бобылей, да 2 пустыхъ двора.

Въ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) пашни, пашущейся постоянно—126 дес., перелоговой пахоты—54 дес. и поросшей лѣсомъ, но удобной для распашки—94 дес., всего 274 десятины; 2) сѣнокоса въ поляхъ и озерныхъ пожняхъ 22 1/2 дес.; 3) чернаго лѣса 11 1/8 десят.,—всей-же вообще 307 5/8 десятины.

3. *Помѣстье Тимофѣя Матвѣевича Унковскаго.*

Деревни единственнаго владѣнія: Яслоково (5 двор.), Семенково (6 дв.), Сыряково (4 дв.), Новое (4 дв.) и Волково (6 дв.)

Въ общемъ владѣніи состояла деревня Занивье; въ ней на часть Унковскаго слѣдовалъ жеребей (2 дв.) и жеребей же въ селѣ Заднемъ (3 дв.)

---

[1]) Изъ нихъ одинъ—пустой: запустѣлъ изстарины.

[2]) Одинъ пустъ: жившій въ немъ крестьянинъ сбѣжалъ во 131 (1623) г.

Двѣ пустоши Мильчага и Коренево состояли въ единственномъ владѣніи; въ пустошахъ Прилипкиной и Клышной принадлежало по половинѣ, въ п. Осетровой двѣ трети, треть въ п. Вороновой и жеребей въ п. Пиротовой.

Въ названныхъ деревняхъ было 30 жилыхъ дворовъ, изъ нихъ 15 крестьянскихъ и столько-же бобыльскихъ, въ которыхъ считалось 23 человѣка крестьянъ и 22—бобылей.

Въ помѣстныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) постоянной пашни 103 дес., перелоговой—76 1/2 десят., поросшей лѣсомъ, но удобной для распашки 81 десят.; 2) сѣннаго покоса въ поляхъ и въ озерныхъ пожняхъ 15 десят.; 3) чернаго лѣса—1 1/8 десят.;—всякаго-же качества 277 десятинъ.

4. Помѣстье Катерины Григорьевны Плещеевой съ сыномъ Ѳедоромъ.

Деревни единственнаго владѣнія: Великой дворъ (9 дворовъ), *Быково (4 дв.), Осилково (2 дв.), *Хахилево (5 дв.), Тарасовская (4 дв.), Куракинская (5 дв.) и *Пархачево (1 дв.)

Изъ селеній общаго владѣнія въ этомъ помѣстьѣ находился только жеребей села Задняго (2 двора).

Изъ пустошей только одна—Оленій Островъ состояла въ единственномъ владѣніи, всѣ другія—представляли общее нѣсколькихъ лицъ владѣніе, именно: въ пустошахъ Кинявкѣ, Зиновкѣ, Клыгинѣ и Черницовой на часть Плещеевей съ сыномъ слѣдовало по половинѣ, въ п. Воробьихѣ треть, а въ п. Вороновой жеребій.

Жилыхъ крестьянскихъ дворовъ въ помѣстьѣ было 16 и столько-же бобыльскихъ, а въ нихъ крестьянъ 23 человѣка и 20 человѣкъ бобылей.

Въ помѣстныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) постоянно пашущейся 108 десят., пашущейся перелогомъ—57 дес. и поросшей лѣсомъ, но удобной для распашки, 96; 2) сѣнокосныхъ угодій въ поляхъ и въ озерныхъ пожняхъ 20 десят. и 3) чернаго лѣса $1^1/_8$ десятины,—всей-же вообще земли $282^1/_8$ десятины.

Группа вторая: помѣстья въ 431 четверть ($215^1/_2$ десятинъ).

5. *Помѣстье Ивана Андреевича Яропкина.*

Въ составъ его входили слѣдующія деревни единственнаго владѣнія: *Ноговицыно, въ которой стоялъ дворъ помѣщика и жилъ прикащикъ; земля въ ней состояла въ непосредственномъ пользованіи самаго помѣщика; Булдаково (5 дворовъ [1]), Семернинское (6 дв.) и Кузнецово (12 дворовъ [2]).

Изъ селеній общаго владѣнія сюда принадлежали: жеребей села Задняго (3 дв.) и двѣ трети въ деревнѣ *Цылмовѣ починкѣ (1 дв.)

Изъ пустошей въ единственномъ владѣніи состояли: Шишкино большое, Охлебинино и Сухоносово; въ общемъ владѣніи находились: Лисья гора, Билибино, Оліево и Зимница (въ нихъ на часть Яропкина слѣдовало по половинѣ въ каждой), а въ пустошахъ Холую (теперь усадьба) и Асиновой по жеребью.

Жилыхъ крестьянскихъ дворовъ въ помѣстьѣ было 15, бобыльскихъ 10-ть, а въ нихъ 26 человѣкъ крестьянъ и 16 бобылей, да два двора пустыхъ.

Въ перечисленныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) въ непосредственномъ пользованіи помѣщика—

---

[1]) Одинъ пустой: жившій въ немъ крестьянинъ сшелъ въ 137

[2]) Изъ нихъ одинъ пустъ—выморочный.

35 десятинъ всякаго качества; 2) въ пользованіи крестьянъ: пашни пашущейся постоянно 97½ десятинъ, пашни перелоговой 64½ и лѣсопорослой, но удобной для пахоты 81½ десятина; 3) сѣнокосной 20½ десятинъ,—всякаго-же качества 264 десятины.

6. *Помѣстье Михайла Ѳедоровича Яропкина.*

Въ немъ деревни единственнаго владѣнія: *Митинская (3 двора), Галафіево (3 дв.), Бурмосово (6 дв. [1]), Есютино (2 дв. [2]), *Шылыково (3 дв. [3]), *Макунино (2 дв. [4]), *Левушинская (3 дв.), Горка (5 дв.) и Радилово (теперь усадьба) (2 дв.)

Въ общемъ владѣніи состояли: *Черепановъ починокъ (въ немъ 1 дв.,—на часть Мих. Яропкина половина деревни), *Цылмовъ починокъ (1 дв., треть деревни) и жеребій въ селѣ Заднемъ (2 дв.)

Всѣ пустоши этого помѣстья состояли въ общемъ владѣніи, именно: въ пустошахъ Ѳилевой, Лоховѣ починкѣ и Насонихѣ по половинѣ и жеребей въ пуст. Холую.

Жилыхъ дворовъ въ помѣстьѣ считалось 12 крестьянскихъ и 16 бобыльскихъ, а въ нихъ 15 человѣкъ крестьянъ и 17 бобылей до 5 дворовъ пусты.

Въ названныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) пашни постоянно пашущейся 108½ десят., перелоговой 64 десят., поросшей лѣсомъ, но удобной для пахоты 83½ десят.; 2) сѣнокосной въ поляхъ и озерныхъ пожняхъ 19½ десят. и 3) чернаго лѣса 1⅛ десятины,—всякаго-же качества 276⅝ десятины.

---

[1]) Изъ нихъ два пусты: одинъ выморочный, хозяинъ другаго сидѣлъ въ это время на Вологдѣ въ тюрьмѣ по оговору.

[2]) Одинъ выморочной.

[3]) Изъ нихъ въ одномъ не было хозяина: онъ сидѣлъ въ то время въ тюрьмѣ на Вологдѣ; въ другомъ хозяинъ ушелъ безвѣстно въ 134 г.

[4]) Одинъ пустъ: хозяинъ его сшелъ безвѣстно во 135 г.

7. *Помѣстье Андреяна Васильевича Кукарина.*

Селенія единственнаго владѣнія: сельцо *Гляденецъ, въ которомъ находился помѣщичій дворъ и проживалъ самъ помѣщикъ; деревни: Турово Большое (7 дворовъ), Турово Малое (3 дв.), *Лобановское (2 дв. [1]), *Круглица (5 дв.), Яковчиково Малое (3 дв.), Лисья Гора (3 дв.), *Жалобино (1 дв.) и Палково (3 дв.)

Къ общему владѣнію относится одинъ жеребей села Задняго (2 дв.)

Изъ пустошей только одна—Михейцево—находилась въ единственномъ владѣніи, всѣ другія состояли въ общемъ—именно: въ Тороповѣ двѣ трети, въ Халчихѣ половина и въ Холую и Асиновой по жеребью.

Жилыхъ крестьянскихъ дворовъ въ помѣстьѣ было 13 и 14 бобыльскихъ, а въ нихъ 17 человѣкъ крестьянъ и 18 бобылей да одинъ дворъ пустъ.

Въ этихъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) въ пользованіи помѣщика по сельцу Гляденцу всякаго качества $7^1/_2$ десятинъ; 2) въ крестьянскомъ пользованіи: а) постоянной пахоты—$122^1/_2$ десят., перелоговой 60 десят., лѣсопорослой 75, и б) сѣнокосной въ поляхъ и озерныхъ пожняхъ $16^1/_2$ десятинъ,—всего вообще 274 десятины.

8. *Помѣстье Тита Савельевича Кукарина.*

Въ составъ его входили слѣдующія селенія единственнаго владѣнія: сельцо Поповское (теперь деревня), гдѣ находился дворъ помѣщика; деревни: *Кошеварово (6 дв.), *Лаптевское (4 дв.) и Ватланово (6 дв.) Въ общемъ владѣніи состояли: деревня Павловская, въ ней двѣ тре-

[1]) Одинъ пустъ: жившій въ немъ крестьянинъ сшелъ безвѣстно.

ти (1 дв.), половина въ деревнѣ Черепановѣ Починкѣ (1 дв) и жеребей въ селѣ Заднемъ (1 дв.)

Изъ пустошей въ единственномъ владѣніи находилась пустошь Ярутинское; въ общемъ состояли Билибино, Оліево, Лисья Гора, Насониха (по половинѣ въ каждой) и жеребей въ пустошѣ Асиновой.

Жилыхъ крестьянскихъ дворовъ въ помѣстьѣ было 16, людей въ нихъ 25 человѣкъ; бобыльскихъ дворовъ было 3 и въ нихъ столько-же человѣкъ бобылей.

Въ названныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) въ пользованіи помѣщика всякаго качества 34½ десятины; 2) въ пользованіи крестьянъ: а) постоянной пахоты 108 десят., перелоговой 61 десят., поросшей лѣсомъ но удобной для распашки тоже 61 десят.; б) сѣнокосной въ поляхъ и озерныхъ пожняхъ 16½ десят.; в) да лѣса чернаго 1 десятина,—всего же вообще 247½ десятинъ.

Группа третья: помѣстья отъ 300 до 70 четвертей (отъ 150 до 35 десят.)

9. Помѣстье Ивана Павловича Сумбулова мѣрою въ 300 четвертей (150 десятинъ).

Деревни единственнаго владѣнія: Исаково (5 дворовъ), Софоновская (6 дв.), Чижово (1 дв.) и Ерденова (4 дв)

Въ общемъ владѣніи—жеребей по селу Заднему (3 дв.)

Пустоши Бобылкино и Якушево состояли въ единственномъ владѣніи; въ пустошахъ Полавинѣ и Прилипкинѣ Сумбулову слѣдовало по ¼ въ каждой, въ п. Кобелевой треть, въ п. Филатовѣ половина, а въ пустошахъ Вороновой, Пироговѣ и Асиновой по жеребью.

Жилыхъ дворовъ въ помѣстьѣ считалось: крестьянскихъ 12, бобыльскихъ 6, а въ нихъ 20 человѣкъ крестьянъ и 8 бобылей.

Въ перечисленныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) постоянной пахоты 66 десят., перелоговой 37 десят., лѣсопорослой, но удобной для распашки 62 десят.; 2) сѣннаго покоса въ поляхъ и въ озерныхъ пожняхъ 11 десят., и 3) чернаго лѣса $6^5/_8$ десят.,—всей же вообще земли 182 десятины.

10. Помѣстье Ивана Степановича Велкова мѣрою въ 240 четвертей, (120 десят.)

Въ единственномъ владѣніи состояла одна деревня Ѳоминское (7 дворовъ [1]); въ общемъ находились: жеребьи въ селѣ Заднемъ (3 дв.) и въ деревнѣ Дресвинкѣ (1 дв.) Пустоши: Галафеево, Харинъ Починокъ, Шишкино Малое и Текменево состояли въ единственномъ владѣніи; въ общемъ: въ пустошахъ Полавинѣ и Зиновкѣ по половинѣ, въ Кинявкѣ и Прилипкинѣ по $^1/_4$ части, а въ п. Вороновой жеребей.

Всѣхъ жилыхъ дворовъ въ помѣстьѣ находилось 4 крестьянскіе и 6 бобыльскихъ, да одинъ дворъ пустъ; крестьянъ считалось 7, а бобылей 11 человѣкъ.

Въ помѣстныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) пашни постоянно пашущейся 49 десят., перелоговой $17^1/_2$, поросшей лѣсомъ, но удобной для распашки $65^1/_2$ десят.; 2) сѣнокосной въ лугахъ и озерныхъ пожняхъ $9^1/_4$ десят., и 3) чернаго лѣса $1^1/_8$ десят., всей же вообще земли—$142^3/_8$ десятины.

11. Помѣстье Сотника Денисовича Оладьина мѣрою въ 225 четвертей ($112^1/_2$ десятинъ).

Въ составъ его входили нижеслѣдующія деревни единственнаго владѣнія: Стафилово (4 дв.), *Савкино (1 дв.) и Бѣлавино (5 дв.)

---

[1]) Изъ нихъ одинъ пустъ по выморочности.

Въ общемъ владѣніи состояли: *Ондрейково, Большое Яковчиково (въ нихъ на часть Оладьина слѣдовало по трети, а на треть по одному двору въ каждой) и жеребьи въ селѣ Заднемъ (здѣсь на часть Оладьина жилыхъ дворовъ не было, а имѣлось только дворовое мѣсто и то пополамъ съ помѣщикомъ Нарбековымъ) и въ деревнѣ Занивьѣ (1 дв.)

Всѣ пустоши этого помѣстья находились въ общемъ владѣніи: въ Бахаревѣ (теперь это деревня) и Рупасихѣ по половинѣ, въ Тороповкѣ и Воробьихѣ по 1/6 части, а въ Пироговѣ и Кобелевѣ по жеребью.

Жилыхъ дворовъ въ помѣстьѣ считалось: крестьянскихъ 9, бобыльскихъ 4, а въ нихъ 18 человѣкъ крестьянъ и 5 бобылей.

Въ указанныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) постоянной пахоты 55 десят., перелоговой 38 д., поросшей лѣсомъ, но удобной для распашки 43 1/2 дес.; 2) сѣнокосной въ поляхъ и озерныхъ пожняхъ 10 1/4 д., и 3) чернаго лѣса 2 3/4 десят.,—всей-же вообще 149 1/2 десятинъ.

12 Помѣстье Афанасья Самойловича Нарбекова мѣрою въ 225 четвертей (112 1/2 дес.)

Деревни единственнаго владѣнія: Омеликово (2 двора) и Шихово (5 дв.); въ общемъ владѣніи состояли: Большое Яковчиково (на двѣ трети деревни 1 дворъ) *Ондрейково (двѣ-же трети деревни, 1 дв.) и жеребья въ селѣ Заднемъ (2 двора и половина двороваго мѣста) и въ деревнѣ Занивьѣ (1 дв.)

Всѣ пустоши этого помѣстья находились въ общемъ владѣніи, именно: въ Бахаревѣ и Рупасихѣ по половинѣ, въ Воробьихѣ и Тороповѣ по 1/6 части и жеребей въ п. Кобелевой.

Жилыхъ дворовъ въ помѣстьѣ было 8 крестьянскихъ и 4 бобыльскихъ, а въ нихъ 18 человѣкъ крестьянъ и 6 бобылей.

Въ перечисленныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) пашни постоянно пашущейся 59 десятинъ, перелоговой 42 и поросшей лѣсомъ, но удобной для пашни 37½ десят.; 2) сѣннаго покоса въ поляхъ и въ пожняхъ 12½ десят., и 3) чернаго лѣса 1 десят.,— всей-же вообще 152 десятины.

13 Помѣстье Ивана Ивановича Путятина, мѣрою въ 69 четвертей (34½ десятины).

Въ составъ его входили:

1) Треть деревни Павловской (1 дворъ). Во дворѣ одинъ крестьянинъ.

2) Пустошь Колѣнково и половина пустоши Замницы. Въ нихъ состояло земли: 1) постоянной похоты 3½ десят., перелоговой 12½ дес., лѣсопорослой, но удобной для распашки, 18½ десят., и 2) сѣннаго покоса около одной десятины,—всякаго же качества 35¼ десятинъ.

Вотчины[1]).

1. Вотчина И. С. Велкова мѣрою 210 четвертей (105 десятинъ).

Деревни единственнаго владѣнія: *Бѣлозерово (3 дв.), *Ордино (3 дв.), Костьково теперь усадьба (6 дворовъ: изъ нихъ одинъ пустъ по выморочности) и *Починокъ Іевлевской (5 дв.) Въ нихъ было 6 жилыхъ крестьянскихъ дворовъ и 10 бобыльскихъ, въ которыхъ счита-

---

[1]) Даны за „московское осадное сидѣнье“ во время прихода королевича Владислава въ 1619 году.

лось 14 человѣкъ крестьянъ и 23—бобылей, да одинъ пустой дворъ.

По означеннымъ деревнямъ состояло земли: 1) постоянной пахоты 70½ десятинъ, перелоговой 15½ десят. и поросшей лѣсомъ, но удобной для распашки 18 десят.; 2) сѣннаго покоса въ поляхъ и озерныхъ пожняхъ 14⅓ десят., и 3) чернаго лѣса 9 десятинъ,—всей-же вообще 127 десятинъ.

2. Вотчина И. И. Путятина мѣрою въ 360 четвертей (180 десятинъ).

Въ составъ ея входили слѣдующія деревни единственнаго владѣнія: Нестеровское (6 дворовъ), Мамаево (6 дв.), Пакутино (4 дв.) и Брюшинкино (1 дв.); въ общемъ владѣніи находился жеребей въ селѣ Заднемъ: здѣсь стоялъ дворъ вотчинника, въ которомъ жили его люди, и имѣлся еще дворъ крестьянскій.

Изъ пустошей въ единственномъ владѣніи состояла одна—Бережекъ (теперь усадьба): затѣмъ въ пустошахъ Филевѣ и Халчихѣ по половинѣ да жеребей въ п. Холую.

Жилыхъ крестьянскихъ дворовъ въ вотчинѣ считалось 15 да 4 бобыльскихъ, а въ нихъ 27 человѣкъ крестьянъ и 9 бобылей.

Въ вотчинныхъ деревняхъ и пустошахъ состояло земли: 1) въ пользованіи крестьянъ: а) постоянной пахоты 95 десятинъ, перелоговой 21 десят., поросшей лѣсомъ, но удобной для распашки 48 десят.; б) сѣнокосной въ лугахъ и пожняхъ 13¼ десят.,—всякаго-же качества 177¼ десятинъ. 2) Въ пользованіи вотчинника состояло земли всякаго качества 19 десятинъ.

---

[2]) Замѣчательно, что остальныя части этихъ пустошей владѣлись другими помѣщиками на правѣ помѣстномъ, а части Путятина владѣлись имъ на правѣ вотчинномъ.

IV.

Число волостныхъ деревень, селъ и помѣщичьихъ усадебъ. Дворы помѣщиковъ и количество ихъ усадебной земли. Число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и взрослаго мужскаго населенія въ волости. Количество земли, состоявшей въ крестьянскомъ пользованіи по 4 разрядамъ и всей вообще. Сколько приходилось на дворъ и на человѣка земли каждаго разряда и всей вообще. Преобладаніе перелоговой и лѣсопорослой пашенной земли надъ постоянной пахотой. Малое число сѣнокосныхъ угодій. Отсутствіе выгона. Помѣстныя выти.

Представивъ обозрѣніе помѣстій и вотчинъ Задносельской волости въ отношеніи земельнаго ихъ состава и степени населенности, сдѣлаемъ, на основаніи полученныхъ нами данныхъ, нѣсколько общихъ заключеній.

Кромѣ села Задняго, въ волости было 69 деревень, три помѣщичьи усадьбы—въ видѣ отдѣльныхъ поселеній и четвертая при селѣ Заднемъ,—всего же въ волости было 73 жилыя поселенія. Въ усадьбахъ находились дворы помѣщиковъ, изъ которыхъ въ одномъ жилъ самъ помѣщикъ, въ остальныхъ—довѣренныя лица—прикащики. Такимъ образомъ изъ 13-ти волостныхъ помѣщиковъ у 4-хъ имѣлись здѣсь свои хозяйства; не безъ основанія можно предполагать, что ихъ крестьяне состояли на издѣльной повинности, а крестьяне остальныхъ 9-ти владѣльцевъ—на денежномъ оброкѣ. Правда, въ помѣстьѣ кн. Вяземскаго, въ дер. Олешковѣ, также жилъ прикащикъ, но какъ въ этомъ помѣстьѣ не значится усадебной земли, то надо полагать, что онъ былъ назначенъ не для завѣдыванія непосредственнымъ хозяйствомъ помѣщика, а вообще для порядка въ помѣстьѣ. Усадебной земли всякаго качества по четыремъ сельцамъ значится всего 96 десятинъ,—среднимъ числомъ по 24 десятины на помѣщика.

Это, конечно, не много, но при подсѣчно-перелоговомъ

хозяйствѣ того времени и небольшой кусокъ земли могъ дать значительное количество хлѣба.

Во всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ деревняхъ состояло 172 двора крестьянскихъ и 138 бобыльскихъ— всего 310 жилыхъ дворовъ. (Пустыхъ было 28 дв.)

Въ нихъ считалось 280 человѣкъ крестьянъ и 191 бобылей, такъ что взрослое мужское населеніе волости состояло изъ 471 человѣка.

Въ крестьянскомъ пользованіи находилось слѣдующее количество земли: 1) пашни, постоянно пашущейся 1347 десятинъ; 2) перелоговой 677 дес.; 3) лѣсопорослой, но удобной для распашки земли—917 дес.; 4) сѣнокосныхъ угодій 221 дес., и 5) чернаго лѣса 52 дес.,—всей-же вообще 3214 десятинъ.

Распредѣляя эти количества на число жилыхъ дворовъ и взрослыхъ мужчинъ, получаемъ:

На дворъ	постоянной пашни	$4^1/_3$	десятины.
	перелоговой	$2^1/_6$	—
	лѣсопорослой, но удобной для распашки	$2^5/_6$	—
	сѣнокосныхъ угодій	$^2/_3$	—
	чернаго лѣса	$^1/_6$	—
	всякаго качества	$10^1/_6$	—
На человѣка	пашни постоянной	$2^{11}/_{12}$	десят.
	перелоговой	$1^2/_8$	—
	лѣсопорослой, но удобной для распашки	2	—
	сѣнокосныхъ угодій	$^1/_2$	—
	чернаго лѣса	$^1/_8$	—
	всякаго качества	$6^4/_5$	—

Судя по этимъ даннымъ, у крестьянъ Задносельской волости было подсѣчно-перелоговое хозяйство. Это видно изъ того, что количество перелоговой пашни вмѣстѣ съ лѣсопорослою землею преобладаетъ надъ постоянною пахотой. (На дворъ постоянной пашни—$4^1/_3$ дес., а перелоговой и лѣсопорослой земли 6 десят.; на человѣка—первой $2^{11}/_{12}$, второй $3^2/_8$ дес.) Далѣе мы замѣчаемъ, что сѣнокосныхъ угодій было тогда очень мало. При такой несоотвѣтственности между пахотой и покосомъ современный крестьянинъ не могъ бы вести хозяйство по недостатку корма для скота, но въ то время, при подсѣчномъ хозяйствѣ, скота требовалось менѣе и въ кормъ ему могла идти солома, сѣномъ-же по всей вѣроятности кормили однѣхъ лошадей. Выгонной земли по писцовой книгѣ не значится, такъ какъ запустѣвшій или поросшій лѣсомъ перелогъ могъ служить для выпаски скота до новой распашки.

Въ писцовой книгѣ нѣтъ указаній на то, чѣмъ были изоброчены крестьяне Задносельской волости въ пользу своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Относительно-же платежа государевыхъ (казенныхъ) податей встрѣчается лишь точное опредѣленіе въ каждомъ помѣстьѣ и вотчинѣ размѣра *выти*, или того земельнаго участка, съ котораго слѣдовало помѣщику вносить государеву подать, но количество самой подати не означено. Необходимо замѣтить, что всѣ земли Московскаго государства были сгрупированы („поверстаны“) *въ сохи*; въ сохѣ считалось 2400 четвертей земли. Вытью-же называлось часть сохи—не вездѣ одинаковая по своимъ размѣрамъ, какъ не одинаковы были помѣстья и вотчины. Чѣмъ болѣе было земли въ помѣстьѣ, тѣмъ болѣе была помѣстная выть—и на оборотъ. Въ помѣстьяхъ, имѣвшихъ по 150 четвертей „доброй“, т. е. удобной земли, выть рывнялась $2^1/_2$ четвертямъ пашни. Мы уже знаемъ, что такихъ помѣстій

въ Задносельской волости было пять. Въ помѣстьяхъ, заключавшихъ въ себѣ по 143 четверти 5 четвериковъ, выть была равна 2-мъ четвертямъ пашни: такихъ помѣстій было тоже пять. Въ одномъ помѣстьѣ имѣлось 100 четвертей, выть-же равнялась полуторы четверти; наконецъ, въ двухъ остальныхъ помѣстьяхъ состояло земли по 75 четвертей,—съ вытями въ одну четверть.

V.

Сравненіе данныхъ писцовой книги съ современными относительно характера мѣстности, крестьянскаго хозяйства и населенности въ Задносельской волости.

Во время писцовъ Задносельская волость была обильно покрыта лѣсами. Въ сѣверной ея части залегалъ дремучій лѣсъ на пространствѣ 6-ти квадратныхъ верстъ, въ остальной территоріи лѣса были разсѣяны отдѣльными грядами или перелѣсками, представлявшими удобныя мѣста для устройства подсѣкъ, почему и назывались они пашенными лѣсами. Мы уже видѣли, что лѣсистымъ характеромъ мѣстности обусловливалось подсѣчно-перелоговое хозяйство крестьянъ того времени. Въ настоящее время Задносельская волость, за исключеніемъ сѣверной ея половины, почти безлѣсна; древесныя насажденія встрѣчаются лишь на помѣщичьей землѣ—въ двухъ усадьбахъ, да на крестьянскихъ выгонахъ виднѣется жалкій кустарникъ изъ порослей ольхи и вереса. Въ сѣверной части волости лѣса также быстро исчезаютъ, и скоро о строевомъ лѣсѣ не будетъ и помину. Обезлѣсеніе и теперь уже гибельно отражается на трехпольномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, ведя за собой излишнее осушеніе почвы, послѣдствіемъ чего является ухудшеніе луговъ и недородъ хлѣба.

Выше мы видѣли, что при писцахъ въ Задносельской

волости было 69 деревень; въ настоящее время изъ нихъ существуютъ только 43 [1]); изъ остальныхъ 24 деревень— 22 запустѣли, хотя названіе ихъ урочищъ сохранилось, и двѣ превратились въ усадьбы. Изъ 3-хъ усадебъ, значащихся по писцовой книгѣ, одна превратилась въ деревню, а двѣ запустѣли; вновь образовались на пустошахъ двѣ усадьбы и одна деревня [2]). Слѣдовательно въ настоящее время всего въ волости 46-ть деревень и 4 усадьбы, что вмѣстѣ съ селомъ Заднимъ составитъ 61 жилое поселеніе. Такимъ образомъ оказывается, что число жилыхъ поселеній въ волости, не смотря на увеличеніе населенія, уменьшилось (вм. 73 стало только 61), а число волостныхъ пустошей увеличилось (вмѣсто 42-хъ стало 62). Это объясняется тѣмъ, что во время писцовъ населеніе жило очень разбросанно, деревень было болѣе, но онѣ были очень малолюдны; теперь-же населеніе живетъ гораздо скученнѣе, и деревни несравненно болѣе населены, такъ что въ деревняхъ, входившихъ съ изстари въ составъ Задносельской волости, считается по 10 ревизіи 1478 душъ, слѣдовательно населеніе увеличилось въ теченіи 250-ти лѣтъ съ небольшимъ въ 3 раза.

А. Е. Мерцаловъ.

Сельцо Радилово
Задносельской волости.

---

[1]) Производя сравненіе, я не буду принимать въ счетъ тѣхъ деревень государственныхъ крестьянъ, которыя вошли въ составъ Задносельской волости въ концѣ 60-хъ годовъ. (Послѣ крестьянской реформы).

[2]) Нужно замѣтить, что вообще въ названіяхъ урочищъ, означенныхъ въ писцовой книгѣ, не произошло никакихъ измѣненій. Деревня или усадьба пустѣла, превращалась въ пустошь, или наоборотъ пустоши становились усадьбами или деревнями, а именованія ихъ не мѣнялись.

РАЗЗОРЕНІЕ ВОЛОГОДСКАГО КРАЯ

въ 1612—1613 годахъ [1]).

Съ начала Апрѣля до конца Іюля 1612 года состояло въ Ярославлѣ великое земское ополченіе подъ начальствомъ кн. Пожарскаго. Отсюда князь разсылалъ по городамъ грамоты о присылкѣ къ нему выборныхъ отъ земли, чтобы вмѣстѣ съ ними управлять русскою землею до избранія царя; пока же они собирались, онъ одинъ держалъ въ рукахъ управленіе: требовалъ денежныхъ пособій, подтверждалъ монастырямъ льготныя грамоты, давалъ судъ всей землѣ, распоряжался постройкою городовъ. Когда съ Бѣлаозера воевода обратился къ нему за помощью въ постройкѣ укрѣпленій и въ снабженіи его средствами къ защитѣ города на случай прихода Польскихъ и Литовскихъ людей, князь отписалъ въ Вологду, чтобы Вологодскіе воеводы, кн. Иванъ Ив. Одоевскій съ товарищами, выслали на Бѣлоозеро 35 пудовъ зелья (пороху) и 17½ пудовъ свинцу [2]); въ Іюнѣ пришелъ

---

[1]) Эта статья есть продолженіе помѣщенной въ Волог. Губер. Вѣдом., 1883 г. №№ 51, 52 и 53 и 1884 г. №№ 1, 2 и 3, статьи подъ заглавіемъ: „Дѣятельность городовъ нынѣшней Вологодской губерніи въ смутное время.“ И. Суворова.

[2]) См. Акт. Арх. Э. т. I, № 206.

изъ Вологды въ Ярославль отрядъ сѣверныхъ ратниковъ, подъ начальствомъ Петра Ивановича Мансурова, и назначенъ былъ въ походъ съ кн. Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкаскимъ противъ гетмана Хоткѣвича [1]). Самъ же кн. Д. М. Пожарскій только въ концѣ іюля нашелъ удобнымъ двинуться къ Москвѣ и 20 Августа явился къ столицѣ. Систематичность и осторожность въ принятіи разныхъ мѣръ для борьбы съ врагами государственнаго порядка и неуклонность въ исполненіи принятаго со стороны кн. Пожарскаго, а также страхъ, какой навели дѣйствія земскаго ополченія на буйныхъ казаковъ и разныхъ иностранцевъ, раззорявшихъ русскую землю,—успокоительно дѣйствовали на населеніе нашихъ сѣверныхъ городовъ; забывались недавнія тягости военнаго времени въ надеждѣ на скорое окончаніе смутъ; являлось желаніе скорѣе залечить раны, полученныя въ тревожное время, пополнить потери, уложить жизнь въ ея обычную колею; казались теперь излишними, тягостными и стѣснительными большія предосторожности при видѣ удаляющейся грозы. Въ Вологдѣ, на долю которой болѣе другихъ нашихъ городовъ пришлось перенести разныхъ ударовъ, скорѣе всѣхъ обнаружилось утомленіе послѣ прежней чрезмѣрно напряженной дѣятельности. Отдѣленные отъ врага огромнымъ земскимъ ополченіемъ, Вологжане, казалось, были вполнѣ безопасны; поэтому во многихъ изъ нихъ возбудила недоумѣнье проповѣдь святаго старца Галактіона, вдругъ послѣ продолжительнаго затворничества явившагося изъ своей уединенной кельи на окраинѣ города на рѣчкѣ Содемкѣ [2]) въ земскую избу передъ городскими

---

[1]) См. Собр. Госуд. Гр. и Договор. т. II, № 281; стр. 585; А. И., т. II, № 336; также изд. „Два лѣтописца: Вологодскій и Устюжскій.“ Вологда. 1874 г. стр. 27.

[2]) Преподобный Галактіонъ былъ сынъ кн. Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго; въ 1612-мъ году ему было около 76 лѣтъ. См. житіе

властями и предупреждавшаго жителей о наступающихъ событіяхъ, которыя онъ по благодати Божіей прозрѣвалъ духовными очами: „Прибѣгните, православные, къ покаянію; утвердите себя въ воздержаніи и молитвѣ: Господь Богъ послалъ на насъ праведный гнѣвъ свой и воздвигъ на насъ языки Польскихъ и Литовскихъ людей за наши беззаконія.“ Такъ говорилъ преподобный и совѣтовалъ для утоленія гнѣва Божія поскорѣе поставить единодневно храмъ во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы, указывая для постройки и мѣсто; „притеките къ Богоматери съ истинною вѣрою и слезами, и она умолитъ Сына Своего и Бога и сохранитъ нашъ городъ отъ нашествія иноплеменниковъ, какъ нѣкогда Великій Новгородъ.“ Строить еще храмъ при сорока существовавшихъ тогда въ городѣ [1]) и при томъ на мѣстѣ, указываемомъ преподобнымъ, гдѣ не вдалекѣ были двѣ церкви,— показалось инымъ пустою старческою затѣею, и земскій голова Нечай Ивановъ Щелкуновъ, обратившись съ рѣчью къ своимъ товарищамъ и къ преподобному, заявилъ, что эта постройка предлагается старцемъ изъ своекорыстія и будетъ въ убытокъ обществу, что старецъ потому и предлагаетъ построить церковь на извѣстномъ мѣстѣ, что самъ тамъ живетъ, и желаетъ только, чтобъ ему міромъ построили пустыню, что тутъ и безъ того близко двѣ церкви, св. Екатерины и свв. мучениковъ Флора и Лавра, куда онъ можетъ ходить молиться. Собраніе склонилось на сторону Нечая и не хотѣло думать о принятіи мѣръ къ устраненію приближающагося несчастія; тогда преподобный, отстраняя отъ себя упрекъ въ своекорыстіи въ

препод. Галактіона въ разныхъ изданіяхъ; между проч. въ сочин. свящ. І. Вѣрюжскаго: Историч. сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи. Вологда. 1880 г. стр. 609—627.

[1]) О храмахъ въ г. Вологдѣ въ разныя времена, см. въ Вологодскомъ Сборникѣ статей церковно-историч. содержанія, Вологда. 1869, статью Н. Суворова, на стр. 119—159.

томъ, что онъ намѣренно хочетъ ввести общество въ убытки, предсказалъ построеніе монастыря и прославленіе послѣ его смерти имени Божія на томъ мѣстѣ, гдѣ въ то время городское общество не хотѣло поставить церкви; а Нечаю за его недовѣріе и безразсудство предсказалъ раззореніе его дома и нѣкогда построеннаго обществомъ храма св. Троицы: „вамъ храмъ св. Троицы и домъ твой отъ тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ раззоренъ и травою поростетъ, и никто не будетъ жить тутъ отъ твоего рода“ [1]). Вышедши послѣ этихъ словъ изъ земской избы и проходя по торговой площади, гдѣ близь церкви Спасителя (нынѣ Николаевская Сѣнноплощадская) находилась выстроенная по недавнему (1609 года) обѣщанію церковь во имя преподобнаго Димитрія Прилуцкаго чудотворца, преподобный обратилъ вниманіе на происходившее около этой церкви шумное торжище и сказалъ находившимся тутъ: „вотъ святый великій чудотворецъ Димитрій проситъ у Спаса милости нашему городу, а нынѣ и его прогнѣвали тѣмъ, что вокругъ его святилища настроили лавокъ и завели торгъ и шумъ. Знайте, православные, что этотъ храмъ первый, прежде другихъ, раззорится, а что будетъ потомъ, то вы увидите сами.“ Встревоженные этимъ страшнымъ пророчествомъ, жители города во множествѣ стали приходить къ преподобному, который возвратился по прежнему въ затворъ, и со страхомъ спрашивали его каждый о своей участи. Между тѣмъ извѣстія, доходившія до Вологжанъ о ходѣ обще-земскаго дѣла, обѣщали благопріятный исходъ борьбы съ врагами вѣры и государства. Псковскаго вора не стало къ концу Іюля, буйные казаки подъ начальствомъ Заруцкаго ушли въ половинѣ Іюля отъ Москвы,

---

[1]) Въ „Описаніи дворовъ и мѣстъ въ г. Вологдѣ 7136 г. Апр. 6 дня“ упоминаются домы, принадлежавшіе Щелкуновымъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ города.

испугавшись силы земскихъ войскъ; переговоры со Шведами въ Новгородѣ и Ярославлѣ ведены были чрезвычайно искусно: Пожарскій поставилъ непремѣннымъ условіемъ для Шведскаго королевича, если онъ намѣренъ претендовать на русскій престолъ, принятіе православной вѣры, а русскихъ пословъ въ Швецію рѣшилъ не отправлять, чтобы не случилось тамъ съ ними того-же, что поляки сдѣлали съ отправленными къ нимъ русскими вельможами. Эти переговоры происходили въ теченіе Іюня и Іюля, и о ходѣ ихъ немедленно отъ Пожарскаго были посылаемы отписки въ Вологду, откуда онѣ были пересылаемы въ Устюгъ, Сольвычегодскъ и въ сосѣдніе города.

[1]) Надѣясь на полный успѣхъ и въ дальнѣйшемъ, Вологжане пренебрегли совѣтомъ преподобнаго Галактіона. Воеводы ограничивались въ своей дѣятельности, повидимому, только выдачею жалованья и содержанія стрѣльцамъ [2]) и, не видя впереди опасности для Вологды, не наблюдали за правильностью отправленія всякими ратными людьми военной службы. Отъѣзжіе караулы не ѣздили въ окрестности, города; сторожа не стояли на башняхъ, и на острогѣ, и на городовой стѣнѣ, не было поставлено и стрѣльцовъ; и пушкари и затинщики не занимали своихъ мѣстъ у наряду. И въ ту ночь 22-го Сентября, когда пришлось исполниться предсказанію преподобнаго Галактіона, большія городскія ворота случились не заперты и на караулѣ у воротъ было не много людей, да и тѣ не слыхали, какъ въ концѣ ночи вошли въ городъ польскіе и литовскіе люди и черкасы и казаки и русскіе воры и начали въ немъ хозяйничать. Это была разбойничья шайка, отдѣлившаяся отъ поль-

---

[1]) См. А. А. Э. т. II, №№ 208, 210.
[2]) См. А. А. Э. т. III, № 15, стр. 18.

скаго гетмана Хоткѣвича, который шелъ къ Москвѣ на помощь осажденнымъ Полякамъ, но послѣ четырехдневнаго боя (21—24 Августа) былъ отраженъ Пожарскимъ и отступилъ къ Можайску. Страшному раззоренію подверглась Вологда. Церкви Божіи были опоруганы; первою была раззорена и сожжена церковь св. Димитрія Прилуцкаго, за нею церковь св. Троицы, какъ предсказывалъ преподобный Галактіонъ; въ Ильинскомъ монастырѣ, который только что съ 1610 года началъ устраивать посадскій человѣкъ Кондратій Акишевъ, старый теплый храмъ во имя Варлаама Хутынскаго и кельи были сожжены, старцы избиты, много людей посѣчено, образы мѣстные окладные и пелены обобраны; всего въ Вологдѣ было сожжено до основанія шесть церквей, въ томъ числѣ церкви Евѳиміинская, препод. Діонисія Глушицкаго и Флоро-Лаврская; прочія подверглись въ большей или меньшей степени ограбленію; архіепископа Сильвестра разбойники взяли въ плѣнъ, четыре ночи держали у себя и много разъ грозили ему смертію, такъ что онъ едва живъ остался при уходѣ враговъ. Преподобный Галактіонъ скончался мученическою смертію: толпа разбойниковъ вломилась въ его келью, ища его дочери, которая, лишившись пріюта въ городѣ во время пожара, думала здѣсь спастись, но, замѣтивъ преслѣдовавшихъ ее, убѣжала отсюда и скрылась; не найдя дѣвицы, злодѣи бросились на старца и, схвативъ его за цѣпь, которою онъ приковывалъ себя въ затворѣ, стали волочить его по землѣ, ругаясь надъ нимъ и нанося тяжелыя раны; наконецъ, оставляя келью, они еще разъ ударили его по головѣ застрѣховою курицею, такъ сильно, что преподобный послѣ трехдневныхъ страданій скончался 24 Сентября, а 25 Сентября разбойники удалились. Воевода окольничій кн. Григорій Долгорукій и дьякъ Истома Карташевъ были убиты; а другой воевода, кн. Ив. Одоевскій

убѣжалъ въ Шуйскій городокъ за 90 вертъ отъ Вологды. Почти весь городъ и посады были сожжены; многіе жители посѣчены, а оставшіеся въ живыхъ „бѣгу яшася утеклецы“, кто куда могъ; вотчина архіерейская, Никольская Слободка (нынѣ Владычная Слобода), была выжжена до единаго двора; и слобожане ушли на Тотьму только „душею да тѣломъ.“ Вологда представляла изъ себя „зженое мѣсто,“ окрѣпити для насады и снарядъ прибрати некому, такъ какъ разбѣжавшіеся жители не смѣли собираться въ городъ. Въ Прилуцкомъ монастырѣ разбойники братью и служекъ и крестьянецъ многихъ посѣкли, и въ церкви Божіе милосердіе образы ободрали и казну монастырскую безъ остатковъ поимали. Бывшій на Бѣлоозерѣ воевода Григорій Образцовъ явился было для обереганья въ Вологду со своимъ полкомъ, но его никто тогда не слушалъ, другъ друга грабили [1]). О такомъ бѣдствіи, постигшемъ Вологду, архіепископъ Сильвестръ извѣстилъ кн. Пожарскаго, объясняя, что „все дѣлалось хмѣлемъ: пропили городъ Вологду воеводы“, и просилъ прислать воеводу крѣпкаго и дьяка буде впредь для земской помочи и для приморскихъ городовъ

---

[1]) О раззореніи Вологды, кромѣ житія препод. Галактіона, см. отписку архіепископа Сильвестра отъ 29 Сентября изъ Вологды въ Москву, напеч. въ сочин. Н. Суворова: Историч. свѣдѣнія объ іерархахъ древне-пермской и Вологодской епархіи. Вологда. стр. 58—59; и въ прил. къ описанію Вологодскаго Св.-Духова монастыря. СПБ. 1860 года стр. 53. Объ Ильинскомъ монастырѣ см. въ 1-мъ приложеніи къ Описанію Ильинской церкви въ Вологдѣ. Н. Суворова. Вологда. 1880 года. О раззореніи Никольской Слободы см. замѣтку Н. Суворова въ Волог. Епарх. Вѣд. 1873 г. подъ-заглавіемъ: Почему одна мѣстность въ г. Вологдѣ называется Владычною Слободою (стр. 291—299). О прилуцкомъ монастырѣ см. А. А. Э. т. III, № 15; житницы монастырскія въ 1613 г. едва-ли были раззорены, судя по нижеупомянутымъ выдачамъ въ Декабрѣ 1612 г. хлѣбныхъ запасовъ. Раззореніе Прилуцкаго монастыря, бывшее по „Двумъ лѣтописцамъ“ и по „Описанію Прилуцкаго монастыря“ въ Декабрѣ 1613 года, слѣдуетъ относить къ 1618 г. См. замѣтку Н. Суворова въ Волог. Губ. Вѣд. 1863 г. № 8.

захотятъ укрѣпить городъ Вологду. Воевода Образцовъ привезъ отписку изъ подмосковнаго лагеря отъ 9 Сентября, предостерегавшую о злыхъ умыслахъ казаковъ: казаки, наущаемые Иваномъ Шереметевымъ и старыми заводчиками всякаго зла, кн. Григоріемъ Шаховскимъ, Ив. Плещеевымъ, кн. Ив. Засѣкинымъ и др., учинили въ полкахъ и по дорогамъ грабежи и убивства великіе и хотѣли идти по городамъ, въ Ярославль и на Вологду и въ иные города, чтобъ ихъ засѣсть и православныхъ христіанъ раззорять. Въ виду такого поведенія казаковъ кн. Пожарскій совѣтовалъ Вологжанамъ жить съ великимъ опасеніемъ и отписать обо всемъ въ лагерь, какъ имъ, Вологжанамъ, противъ такихъ воровскихъ заводовъ стояти. Предостереженіе пришло поздно, уже послѣ того какъ Вологда подверглась раззоренію; теперь слѣдовало по возможности скорѣе возобновить укрѣпленія и собрать побольше ратныхъ людей. Но это было не легко сдѣлать въ то время, когда шайки воровъ разсѣялись во всѣ стороны и вездѣ нужны были защитники. Григорій Образцовъ, пробывъ немного дней въ Вологдѣ (приблизительно съ 29 Сент. до 1 Октября), отправился назадъ со своими людьми на Бѣлоозеро, согласно боярскому указу, къ дѣлу, у чего ему велѣно быть; онъ полагалъ, что на Вологдѣ быть ему не у чего, такъ какъ еще до его пріѣзда Литовскіе люди пошли отъ Вологды въ отходъ— далече; архіепископъ Сильвестръ благословилъ его на путь. Вскорѣ (не позже 1 Октября) архіепископъ и земскіе люди приговорили на мѣсто убитаго Долгорукаго быть воеводою Григорію Григорьевичу Пушкину, а не позже 9 Октября вернулся въ Вологду изъ Шуйскаго и другой воевода стольникъ кн. Ив. Одоевскій. Пушкинъ, кажется, болѣе всѣхъ былъ недоволенъ, что Образцовъ ушелъ со своимъ полкомъ назадъ, и 5 Октября изъ Вологды пришла грамота на Бѣлоозеро къ Образцову отъ

архіепископа Сильвестра, Пушкина и Вологжанъ, въ которой писавшіе упрекали его, что онъ мало того, что увелъ своихъ ратныхъ людей, не послушавъ челобитья Вологжанъ, а еще взялъ Вологодскихъ стрѣльцовъ человѣкъ съ 300 и сотника стрѣлецкаго Петра Жерлова, что его полчане грабятъ крестьянъ Вологодскаго уѣзда, а онъ не даетъ челобитчикамъ о грабежахъ управы. Вологжане просили его возвратить въ Вологду сотника стрѣлецкаго и стрѣльцовъ, сыскавши, а крестьянамъ, въ случаѣ жалобъ на полчанъ, давать сыскъ. Воевода Образцовъ, объясняя свое поведеніе архіепископу, оправдывался тѣмъ, что его никто на Вологдѣ не просилъ оставаться, а самъ онъ, архіепископъ, благословилъ его въ путь, что на Бѣлоозеро онъ пошелъ по боярскому указу, а стрѣльцовъ съ собою не бралъ; напротивъ, изъ его полку иноземцы, ротмистръ съ ротою [1]), остались на Вологдѣ своевольно, не по боярскому указу, и онъ, Образцовъ, ничего не говорилъ объ этомъ; что же касается жалобъ со стороны крестьянъ на грабежи ратныхъ людей, такъ тутъ можетъ быть простое недоразумѣніе: или грабятъ крестьянъ Вологодскіе же стрѣльцы изъ той сотни съ головою Иваномъ Мамонтовымъ, которой велѣно по боярскому указу идти на Бѣлоозеро и изъ которой еще ни одного человѣка не являлось къ нему, Образцову; можетъ быть, они, называясь Образцовскими, воруютъ въ уѣздѣ; или крестьяне ставятъ въ грабежъ взиманіе подводъ, которыя по боярскому указу и по подорожнымъ имали у крестьянъ атамоны и сотники стрѣлецкіе; жалобъ отъ крестьянъ самъ онъ не получалъ; вѣроятно, все это интрига Григорія Пушкина, который хочетъ его поссорить съ архіепископомъ. „А я,—заключалъ свою отписку Образцовъ,— атаманомъ и сотнику стрѣлецкому говорилъ, чтобъ они

---

[1]) Ротмистръ Иванъ Бобровскій. См. А. А. Э. т. II, № 218.

вашихъ Вологодскихъ стрѣльцовъ къ себѣ не пріимали; а у меня, господине, стрѣльцамъ и казакомъ за дьячьими приписьми подлинныхъ имянныхъ списковъ нѣтъ, велѣно мнѣ списки взяти у атамановъ стрѣлецкихъ, а иные воры меня и не прислушиваютъ, и я о томъ на нихъ писалъ къ боярамъ, что они воруютъ"[1]). Отвѣтъ Образцова былъ полученъ въ Вологдѣ 11 Октября. Въ это время Григорій Пушкинъ старался скорѣе удовлетворить стрѣльцовъ содержаніемъ для того, чтобы, удержавъ ихъ въ городѣ, прекратить начавшіеся безпорядки, а для увеличенія числа городскаго гарнизона позаботился о новомъ наборѣ ратныхъ людей; на монастыри возложена была обязанность выставить соразмѣрное величинѣ вотчинъ число ратниковъ; ратники должны были быть молоды и рѣзвы и стрѣляти изъ пищалей горазды и не воры и не бражники и не зерщики. И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ распоряженій Пушкина. 1-е Октября велѣно было Прилуцкому игумену Тихону дать Кондратью Алексѣев. Недовѣскову и его приказу изъ 70 стрѣльцовъ на недѣлю до 8 числа по 8 хлѣбовъ печеныхъ на день; на другой день опять потребовано было изъ Прилуцкаго монастыря Пушкинымъ на земскіе обиходы и на кормъ служилымъ людямъ 5 четвертей ржаной муки, 15 хлѣбовъ ржаныхъ печеныхъ, 5 четвертей овса[2]); 9 Октября, по указу бояръ Россійскія Державы Московскаго государства опять было выдано оттуда же сотнѣ Смоленскихъ стрѣльцовъ Кондратья Недовѣскова, 60-ти человѣкамъ, на четыре дня съ 9 по 13 число по хлѣбу на 10 человѣкъ и самому сотнику Кондратью по хлѣбу на день. 27 Октября Григорій Пушкинъ потребовалъ „въ городъ

---

[1]) См. Дополн. къ А. И. т. I, № 165.

[2]) Тогда же было приказано выдать вдовѣ дьяка Истомы Карташова съ людьми „для ея бѣдности" 2 четверти ржаной муки.

въ осадъ“ съ вотчины Прилуцкаго монастыря съ трехъ сохъ безъ трети и съ полчети сохи и съ додачи съ вотчины Корнильева монастыря съ полутрети и съ пол-полтрети сохи, а всего съ 3-хъ сохъ собрать 48 человѣкъ ратныхъ людей съ самопалами и съ запасомъ на пять мѣсяцевъ [1]).

Въ одно время съ тѣмъ, какъ на юго-западѣ Вологодскаго края начали по немногу собирать силы для защиты жителей отъ разбойничьихъ шаекъ, должны были и сѣверо-восточные города позаботиться на всякій случай о ратныхъ людяхъ и объ острожномъ и городовомъ дѣлѣ: 27 Ноября Василій Ѳедоровичъ Яновъ привезъ Яренскому воеводѣ Ѳедору Осиповичу Янову (можетъ быть своему отцу) грамоту отъ 4 Октября отъ воеводъ кн. Дмитрія Трубецкаго и кн. Дмитрія Пожарскаго. Они извѣщали объ отраженіи гетмана Хоткѣвича отъ Москвы и объявляли, что и впредь съ великимъ радѣньемъ будутъ доступать Московскаго государства, промышляя надъ Московскими сидѣльцами, Польскими и Литовскими людьми, но что только въ томъ случаѣ дѣйствія ополченія надъ врагомъ могутъ быть успѣшны, если всѣ, учинившіе въ Нижнемъ Новгородѣ и въ иныхъ городахъ общій совѣтъ, будутъ поддерживать взаимное общеніе и доставлять все, необходимое для ратнаго дѣла. Это напоминаніе о взаимопомощи было необходимо, ибо „многижда писали мы къ вамъ,—говорилось въ грамотѣ,— чтобы вы къ намъ въ полки денегъ прислали: и вы къ намъ денегъ ничего не присылывали; и для того, что жалованья дать нечего, многіе ратные люди хотятъ идти съ земскія службы розно“. Поэтому Трубецкой и Пожарскій просили „собрать тотчасъ, какъ ся грамота придетъ,

---

[1]) См. Акт. Юрид. № 339, II, III, IV и № 341, I.

съ Выми и съ Еренскаго городка и съ уѣзду, таможенные и кабацкіе, данные и оброчные и всякіе денежные доходы, на прошлые годы, на которые они не платили, и на 120 годъ (сент. 1611—сент. 1612) и собравъ отослать въ полки часа того ратнымъ людямъ на жалованье и велѣть отдать въ чети дьякамъ Андрею Иванову да Саввѣ Романчукову; если же не соберутъ и великому земскому дѣлу учиниться поруха, то Богъ взыщетъ того на нихъ, а начальные и всякіе ратные люди въ томъ будутъ невинны. Грамота заключалась извѣщеніемъ о раззореніи Вологды Литовскими людьми и Черкасами, которыя съ гетманскаго побою разбѣжались, и совѣтомъ жить съ великимъ береженьемъ, городъ и острогъ укрѣпити, а которыя худыя мѣста и тѣ подѣлать посадскими и уѣздными людьми, чтобы Литовскіе люди безвѣстно не пришли и дурна какова надъ городомъ не учинили и Вымскихъ мѣстъ не повоевали [1]).

Сольвычегодскому новому воеводѣ кн. Григорію Ивановичу Гагарину и земскимъ посадскимъ судьямъ и старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ также сдѣлано было грамотою отъ 1 Октября напоминаніе отъ Пожарскаго и Трубецкаго о немедленной высылкѣ въ полки подъ Москву денежныхъ доходовъ прошлыхъ годовъ, данныхъ, оброчныхъ, таможенныхъ, кабацкихъ денегъ и всякихъ четвертныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ по Семенъ день 1612 года. „Напередъ сего посыланы къ вамъ же многія грамоты о денежныхъ доходахъ“,—писали воеводы Гагарину,—но, какъ видно, прежнія грамоты оставлены были Вычегжанами безъ вниманія. Большій-ли успѣхъ имѣла эта грамота, не знаемъ [2]).

---

[1]) См. А. А. Э. т. II, № 213.

[2]) См. Волог. Губ. Вѣд. 1855 г. № 24. Изъ этой грамоты мы уз-

Обѣ послѣднія грамоты, въ Яренскъ и Сольвычегодскъ, были писаны послѣ примиренія главныхъ воеводъ, но еще до изгнанія поляковъ изъ Москвы; а пока въ города шли грамоты и по нимъ дѣлались распоряженія о высылкѣ требуемыхъ денегъ для великаго земскаго ополченія, Москва была уже очищена отъ враговъ: 26 Октября войска Трубецкаго и Пожарскаго вступили въ кремль. О такой милости Божьей, что надъ общими врагами, надъ Польскими и Литовскими людьми, всемогущій въ Троицѣ славимый Богъ нашъ намъ православнымъ крестьяномъ побѣду и одолѣніе показалъ, царствующій градъ Москву отъ нихъ злодѣевъ очистилъ и во многихъ мѣстахъ Польскихъ и Литовскихъ людей побили, и о обираньѣ государьскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ,—писаны были грамоты во всѣ города Московскаго государства въ первой половинѣ Ноября съ наказомъ, чтобъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства изо всякихъ чиновъ люди по 10 человѣкъ изъ городовъ для государственнымъ и земскихъ дѣлъ прислали къ Москвѣ [1]). Въ Вологду едва-ли могла придти такая грамота ранѣе начала Декабря, судя потому, что грамота въ Яренскъ изъ Москвы, отъ 4 Октября, шла болѣе 7 недѣль (получена 27 Ноября), и въ направленіи дѣятельности городскихъ властей не произошло, повидимому, перемѣны: Пушкинъ, по прежнему, собиралъ деньги на жалованье ратнымъ людямъ; такъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 25 числа велѣно было выдать изъ Прилуцкаго монастыря, по наказной Григорія Пушкина и дьяка Пет-

---

наемъ судьбу прежняго Сольвычегодскаго воеводы Семена Чемоданов ему по совѣту всея земли велѣно быть на земской службѣ въ Сибирь въ городѣ Березовѣ, но онъ не сразу отправился въ Сибирь, а жилъ въ Сольвычегодскѣ; теперь этою грамотою велѣно было тотчасъ выслать его на мѣсто службы.

[1]) См. Доп. къ А. И. т. I, № 166, стр. 294.

ра Новокщенова, Сибирскимъ казакамъ, атаману Бажену Кулаку съ товарищами, 61 человѣку, по полуосминѣ ржаной муки на человѣка, а всего 15 четвертей съ полуосминой изъ тѣхъ запасовъ, что взято съ монастырскихъ вотчинъ на кормъ ратнымъ людямъ; 28-го числа приказу Василья Лабутина 48 стрѣльцамъ выдано было 12 четвертей ржаной муки по стольку же на человѣка на мѣсяцъ съ 29 Ноября по 29 Декабря [1]).

Декабрь прошелъ весь въ тревогахъ въ Вологдѣ. Польско-Литовскій король, все еще надѣясь посадить на Московскій престолъ своего сына, двинулся въ Русскіе предѣлы, но послѣ безуспѣшной осады Волоколамска ушелъ въ концѣ Ноября назадъ въ Польшу; отъ его войска отдѣлились разбойничьи шайки и, дѣйствуя какъ бы отъ имени короля, разсыпались по всему краю на сѣверо-западъ отъ Москвы (по нынѣшнимъ Тверской, Новгородской и Олонецкой губерніямъ) и быстро стали проникать въ сѣверо восточные уѣзды государства. Предводители шаекъ разсылали отъ имени короля увѣщательныя грамоты о подданствѣ Сигизмунду съ угрозою раззоренія въ случаѣ ослушанія. Вологжане извѣщены были о замыслахъ короля боярами; вслѣдствіе чего приняты мѣры предосторожности; поставлены были заставы и разосланы разъѣзды. 11-го Декабря съ Южской заставы писали въ Вологду, что по полученнымъ отъ подъѣздчиковъ извѣстіямъ Литовскіе большіе люди стоятъ въ Весьегонскѣ, но куда они пойдутъ неизвѣстно; 13 числа кн. Ѳедоръ Андреевичъ Елецкой извѣщалъ Вологжанъ, что онъ по боярскому указу, идетъ изъ Ярославля па помощь въ Кирилловъ монастырь со многими ратными людьми, и на Вологду придетъ изъ Романова Барай-мурза Алѣевичъ

[1]) См. Акт. Юрид. № 339, V и VI.

Кутумовъ съ Татары и съ дворяны и съ дѣтьми боярскими, со многими-жь ратными людьми; 16-го же Декабря Иванъ Петровичъ Шереметевъ предупреждалъ Вологжанъ о новой опасности: онъ писалъ, что 13 Декабря подъ Устюжною объявился Наливайко съ Литовскими людьми и Русскими ворами. Вологодскіе воеводы отписали 20 Декабря въ Кирилловъ монастырь, что они намѣрены идти своими головами къ монастырю на помощь, лишь только прибудетъ на Вологду Барай-мурза Кутумовъ. Эти передвиженія войскъ были предположены послѣ того, какъ въ ночь на 11 Декабря на Кирилловъ монастырь напали разбойники, но послѣ многихъ приступовъ отошли отъ монастыря и прошли далѣе на сѣверъ къ городу Каргополю, посадъ котораго и сожгли 15-го Декабря. Отдѣлившіяся отъ главной шайки маленькія толпы грабителей пошли къ Кубенскому озеру и по берегу его раззорили Сямскій монастырь и прошли Кубенское село; на Сямѣ Вологжанамъ дѣтямъ боярскимъ удалось взять у Литовскихъ людей языка, Лаврикову жену да дѣтинку пахолка, и въ распросахъ они сказали: „приходилъ де подъ Кирилловъ монастырь полковникъ панъ Кристопъ Песотцкой да двоюродный братъ его Лаврикъ, а съ ними-де было всякихъ людей человѣкъ съ 700, а того-де полковника пана Кристопа да и двоюроднаго брата его Лаврика, а тоѣ женки мужа, подъ Кирилловымъ монастыремъ на приступѣ убили, а съ ними-де убили человѣкъ со сто, а изъ подъ Кириллова монастыря пошло ихъ человѣкъ съ 600 и меньши всякихъ людей, и нынѣча-де имъ идти за озеро къ Шуйскому городку по волостямъ, а первые-де люди пошли изъ-подъ Кириллова монастыря къ Каргополю, а подъ Каргомъ-де полемъ стоять, а сходитца-де обоимъ людемъ вмѣстѣ, а идти-де имъ къ Великому посаду, что на Двинѣ близко моря.“ [1])

[1]) См. Доп. къ А. И. т. I, №№ 169, 170, 171 и 172.

Намѣреніе свое—идти къ Великому посаду что на Двинѣ близко моря—Поляко-Литовцы осуществили и на обратномъ пути пошли отъ Холмогоръ вверхъ по Двинѣ рѣкѣ, „рыкая вельми, яко лютіи звѣріе,“ 22 Января 1613 года они приступили съ южной стороны къ богатому Сольвычегодску. Горожане и поселяне, собранныя изъ уѣзда, для защиты города, продолбили посреди рѣки ледъ на нѣсколько верстъ длины и нѣсколько саженей ширины и при приближеніи къ рѣкѣ непріятеля начали съ нимъ сраженіе, стрѣляя изъ пушекъ и мелкаго орудія; но когда непріятели, которыхъ было до 3-хъ тысячъ, подъ начальствомъ пана Яцкаго, подойдя къ прорубленному каналу, съ своей стороны, отвѣтили „жестокимъ стрѣляніемъ,“ то граждане, устрашенные такимъ нападеніемъ, имѣя нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, отступили съ рѣки на берегъ къ Благовѣщенскому собору; непріятели, видя отступленіе гражданъ, иные объѣхавъ по концамъ каналъ, а другіе переправившись какъ могли приблизились къ самому берегу, вторично открыли бой и заставили горожанъ отступить въ самый городъ; большая часть жителей разошлись по домамъ спасать своихъ домашнихъ и имѣніе отъ расхищенія; а остальные, стрѣльцы и уѣздные крестьяне, по приказанію городскаго воеводы, собрались къ дому Строгановыхъ въ обширную ограду, гдѣ уже было не мало строгановскихъ служителей подъ начальствомъ самого хозяина Андрея Семеновича Строганова. Враги не тронули двора Строгановыхъ, а прорвались въ большой городской деревянный острогъ, но тутъ встрѣтили у торговыхъ лавокъ на площади небольшой отрядъ горожанъ подъ начальствомъ одного священника Леонтія. Убивъ Леонтія и съ нимъ 26 человѣкъ, а остальныхъ взявъ въ плѣнъ, Поляки начали на другой день грабить городъ. Ограбивши соборъ, церкви, дома гражданъ и торговыя лавки съ амбарами и пере-

бивши не мало жителей, разбойники на третій день вдругъ зажгли много домовъ и съ награбленнымъ имѣніемъ выступили изъ города по Устюжской дорогѣ мимо Пачеозерской и Песчанской волостей [1]).

Узнавъ о приближеніи Польскихъ и Литовскихъ людей, Устюжскій воевода Михаилъ Александровичъ Нагой предложилъ гражданамъ возобновить укрѣпленіе по большой городской осыпи, дабы заградить тѣмъ Успенскій соборъ и церкви Устюжскихъ чудотворцевъ. Въ тоже время находился въ Устюгѣ нѣкто безмольствующій монахъ Левкій; онъ, „изостривъ языкъ свой и глаголавъ яснымъ языкомъ,“ проповѣдывалъ жителямъ—построить церковь въ одинъ день во имя собесѣдника блаженнаго Прокопія, преподобнаго Варлаама Хутынскаго, каковаго храма въ Устюгѣ тогда не было. Граждане обѣщались это исполнить, но нашествіе Поляко-Литовцевъ удержало ихъ на нѣкоторое время отъ этого намѣренія. Устюжане, укрѣпивъ городъ, ожидали непріятельскаго нападенія; Поляки же, не дошедъ пяти верстъ до города, остановились. Это происходило 25 Января. Потомъ, устроившись начали приближаться къ городу и достигли рѣки Стриги; конница ихъ не могла сойдти на ледъ, покрывавшій рѣку; поэтому они вознамѣрились идти отъ села Цареконстантиновскаго на южную сторону за Двину и оттуда сдѣлать приступъ къ городу, пославъ притомъ нѣсколько человѣкъ въ слободу зажечь обывательскіе домы. Получивъ объ этомъ извѣстіе, граждане Устюга отправились подъ начальствомъ воеводы Пушкина [2]) съ прочими рат-

[1]) См. Исторію города Соли-Вычегодской, А. Соскина, отдѣльн изд. стр. 46—48, и въ Волог. Епарх. Вѣдом. 1881 года № 21; также Волог. Губ. Вѣд. 1855 г. № 34 и 1862 г. № 49.

[2]) Вѣроятно Никита Пушкинъ, прежде бывшій воеводою въ Вологдѣ, а въ это время въ Холмогорахъ, откуда и появился въ Устюгѣ.

ными людьми и, поймавъ одного знатнаго Поляка, зажигавшаго Троицкій монастырь, привели въ городъ и потомъ казнили; съ Поляками-же учинили бой, въ которомъ послѣдніе, потерявъ много людей, отступили за Сухону и ночью сожигали лежащія въ предмѣстіи города деревни [1]). Между тѣмъ граждане, дѣлая частыя вылазки, доставляли непріятелю большое безпокойство, чему способствовалъ и бывшій тогда великій морозъ. На другой день злодѣи покушались еще зажечь Троицкій монастырь, дабы, взявъ оный, удобнѣе разглядѣть съ Гледенской горы укрѣпленія города, однакоже и это покушеніе ихъ осталось безъ успѣха. Послѣ сего гражданамъ удалось захватить еще одного Поляка, и, узнавъ отъ него о слабомъ положеніи единоземцевъ его, они вторично отправлялись съ воеводою Пушкинымъ и съ довольнымъ количествомъ войска; увидя это, Поляки обратились въ бѣгство, сожигая на пути лежащія селенія; когда же до-

---

[1]) Въ лѣтописномъ сказаніи о нашествіи на Устюгъ Поляковъ и Литовцевъ упоминается еще о томъ, что во время битвы Устюжанъ за городомъ съ врагами граждане совершали внутри города крестный ходъ изъ Успенскаго собора къ иконѣ Нерукотвореннаго Образа, которая въ 1447-мъ году поставлена была надъ городскими воротами и къ которой съ этого года установленъ былъ обычай совершать во все лѣто въ среды и въ пятницы крестные ходы; и когда пришли къ этому образу,—„тутъ иные падали на землю, иные возводили очи свои на небо, иные руки воздѣвали горѣ и всѣ со слезами молились Спасителю: о Владыко, Человѣколюбче, всесильный Царю Христе, пріими насъ грѣшныхъ рабъ Твоихъ, припадающихъ къ Тебѣ и не предаждь насъ, Господи, въ руки врагомъ нашимъ, сокруши силу ихъ, разсыпли совѣты ихъ, угаси прещеніе ихъ, низложи возносимую ихъ гордыню, да не похвалятся о насъ врази наши, да не рекутъ: гдѣ есть Богъ ихъ? Ты бо еси Богъ нашъ и мы людіе Твои; къ Тебѣ припадаемъ и молимся и просимъ, сотвори съ нами по милости Твоей, отпусти грѣхи наша и помилуй насъ, Твои бо есмы рабы, да ся не постыдимъ, да не надолзѣ умножится злоба діаволя, губителя душъ нашихъ, да не порадуются о насъ врази наши, виждь немощь нашу и пошли намъ въ помощь благодать Твою, во отгнаніе враговъ нашихъ и во избавленіе граду Твоему и намъ, рабомъ Твоимъ, уповающимъ на Тя, яко имя Тебѣ—Человѣколюбецъ.“ См. статью. свящ. Арс. Попова въ Волог. Епарх. Вѣд. 1867 г. стр. 185—186,

стигли Кичменскаго городка, то жители онаго вышедъ побили больше 200 человѣкъ Поляковъ, освободивъ при томъ изъ плѣна 300 гражданъ, взяли не малое число Поляковъ въ плѣнъ, остальныхъ же преслѣдовали до предѣловъ Галицкихъ на разстояніи 300 верстъ [1]).

Не избѣгли раззоренія и Вага, и Тотьма. При нападеніи Поляко-Литовцевъ на Тотьму, жители города твердо рѣшились защищаться до послѣдней крайности и въ надеждѣ на небесную помощь выставили на городское укрѣпленіе Смоленскую икону Божіей Матери; стрѣлы враговъ, ударяясь въ икону, сдѣлали на ней проломъ; при видѣ этого поврежденія великій ужасъ напалъ на осаждающихъ, всѣ они мгновенно ослѣпли и безсмысленно ползали по берегу Песьей Деньги, гдѣ Тотмяне всѣхъ ихъ и побили [2]).

И Вологда терпѣла въ то же время своего рода раззореніе. Бояре и воеводы кн. Трубецкой и кн. Пожарскій, желая подавить волненіе среди казаковъ, постоянно требовавшихъ за свою службу платы и производившихъ въ Москвѣ изъ-за этого безпорядки, приговорили вмѣстѣ

---

[1]) О раззореніи Устюга см. „Два лѣтописца“ стр. 113—114 и Волог. Епарх. Вѣдом. 1881 года № 21, стр. 373—374,—въ описаніи Варлаамовской ц. въ г. Устюгѣ. О Кичменскомъ городкѣ см. въ Вол. Губ. Вѣдом. 1848 г. № 36, замѣтку Пл Черняева подъ заглавіемъ: „Кичменскій городокъ.“ Село или погостъ подъ этимъ названіемъ находится въ нынѣшнемъ Никольскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 100 отъ Устюга и въ 63-хъ отъ Никольска по почтовому тракту. Въ замѣткѣ Пл. Черняева приведено народное преданіе о нападеніи „пановъ“ на городокъ.

[2]) О Вагѣ и Вельскомъ посадѣ см. „Историч. свѣдѣнія о городѣ Вельскѣ, собранныя М. Мясниковымъ“ въ Волог. Епарх. Вѣдомост. 1883 г. № 20, стр. 368. О Тотьмѣ см въ статьѣ: „Богоявленскій Соборъ въ г. Тотьмѣ,“ въ Волог. Епарх. Вѣд. 1883 г. № 15, стр. 262. О Смоленской иконѣ Божіей Матери, нынѣ находящейся въ правомъ придѣлѣ верхней соборной церкви по лѣвую сторону царскихъ вратъ, см. тамъ-же, № 17, стр. 297.

съ великимъ земскимъ совѣтомъ—требуемыя кормы и шубы и подводы для доставленія припасовъ въ Москву собрати тотчасъ чрезъ нарочныхъ посланныхъ и къ Москвѣ привезти вскорѣ безо всякаго мотчанья, чтобы казаки съ земскія службы съ голоду не разбрелися и земскому великому дѣлу порухи никоторыя не учинилось, а на Москвѣ съ тѣми кормами и шубами явитись въ Дворцовомъ приказѣ дьякомъ думному Сыдавному Васильеву да Ивану Сафонову да Гуляю Золотареву. Согласно этому опредѣленію, 19 Декабря пріѣхалъ въ Прилуцкій монастырь есаулъ станицы атамана Якова Мокѣева Яковъ Поликарповъ съ 13-ю казаками, а 20 Декабря атаманъ Андрей Шиловъ съ 22 казаками собирать кормы и шубы: первый на станицу Якова Мокѣева 75 человѣкъ, и второй на 130 человѣкъ казаковъ своей станицы. Эти посланные должны были собирать запасы съ вотчинъ архіепископскихъ и съ вотчинъ монастырей Прилуцкаго, Каменнаго, Павлова и Корнильева. Якову Поликарпову велѣно было крестьянамъ и всякимъ людямъ говорити, что служилые люди, прося у Бога милости, дому Пречистыя Богородицы и царствующаго града Москву, доступили, не щадя головъ своихъ, а нынѣ они на земской службѣ безъ запасу помираютъ голодомъ и крестьяне однолично кормы собрали бы къ Москвѣ, привезли бы безъ всякаго ослушанія. А на ослушниковъ приказано было тому и другому посланному имати на Вологдѣ у воеводы Григорія Пушкина и у дьяка Петра Новокщенова пушкарей и затинщиковъ и стрѣльцовъ, сколько человѣкъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, колико людьми тѣ кормы доправити мочно. При этомъ атаману Андрею Шилову, какъ болѣе значительному лицу сравнительно съ есауломъ, и потому могшему допустить себѣ большее, сдѣланъ былъ наказъ: „посуловъ и поминковъ не имати ни у кого ничего, и въ правежѣ крестьяномъ не норо-

вити и сроковъ не давати"; въ случаѣ же если по его мѣшкотности или оплошности земскому великому дѣлу учинится какая поруха, и ему за то бояре и воеводы велятъ учинити смотря по тому, до чего доведется. Не смотря на недавнее раззореніе края и на немалыя требованія посланныхъ, все было доправлено сполна и отправлено въ Москву [1]).

На защиту же Бѣлозерска по боярской грамотѣ велѣно было взять въ Вологдѣ 25 пудовъ пороху и 10 пудовъ свинцу, но воеводы Одоевскій и Пушкинъ послали 31 Декабря только 5 пудовъ пороху и столько же свинцу, такъ какъ въ Вологдѣ пороху и свинцу было тогда мало: „вся зелейная казна отпущена была боярамъ къ Москвѣ, а иная по боярскимъ же грамотамъ разослана по городамъ и по засѣкамъ", а когда привезутъ съ Колмогоръ достальную зелейную казну, тогда воеводы обѣщали прислать въ Бѣлозерскъ все, сколько требуется. Въ Вологду „для осаднаго времени" изъ близлежащаго села Выпрягова Прилуцкаго монастыря были приведены въ началѣ Января 1613 года всѣ крестьяне съ пѣшнями и съ топорами и съ ратнымъ оружіемъ [2]), а въ половинѣ Января пріѣхалъ въ Вологду Сибирскій царевичъ Араслaнъ Алеевичъ, назначенный по боярскому указу и по приговору всея земли быть въ походѣ противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и русскихъ воровъ; въ его отрядѣ были дворяне разныхъ городовъ, безпомѣстные дѣти боярскіе, Татары и казаки; а кормъ людской и конскій бояре приговорили по совѣту всея земли брать

---

[1]) О количествѣ затребованныхъ и полученныхъ запасовъ см, А. А. Э. т. II, № 216, А. Юрид. № 216, XIII. А. А. Э. т. III, № 15, стр. 18; въ Памятной книжкѣ для Вологодской губерніи на 1860 годъ въ отд. „Историч. воспоминанія и матеріалы" замѣтку „О состояніи Вологодскаго края въ 1613 году."

[2]) См. Доп. къ А. И. т. I, № 175; А. Юр. № 341, II.

съ Вологодскаго уѣзда. За нимъ невдолгѣ спустя пріѣхалъ съ Романова Барай мурза Алеевичъ, „по царевичеву письму.“ Каковы были эти оберегатели сравнительно съ ворами-раззорителями, видно изъ тѣхъ челобитныхъ, какія были на нихъ поданы изъ Вологды въ Февралѣ 1613 года боярамъ Московскаго государства и архіепископу Сильвестру, а впослѣдствіи ново-избранному царю Михаилу Ѳеодоровичу.

Какъ только царевичъ Арасланъ и дьякъ Богданъ Тимоѳеевъ пріѣхали на Вологду съ военнымъ отрядомъ, тотчасъ они разослали татаръ и казаковъ во весь Вологодскій уѣздъ для кормовъ, а велѣно было править на царевича съ сохи по 15 четвертей муки ржаной, 20 четвертей сухарей; толокна и крупъ по 10 четвертей каждаго, по 30 четвертей овса, по 30 полтей мяса свинаго, по 30 курицъ, по 10 барановъ, по 30 возовъ сѣна [1]. Какъ производились эти сборы, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ вотчину Вологодскаго архіепископа, на Лѣжскій Волочекъ и въ Засодимье, какъ и въ другія мѣста, были отправлены отряды сборщиковъ; доправивши съ крестьянъ все требуемое и, сверхъ того, еще себѣ 33 руб. привезли они тотъ запасъ въ Вологду къ царевичу на крестьянскихъ лошадяхъ; здѣсь опять взяли съ крестьянъ полозоваго съ лошади по 2 алтына, съ дуги по алтыну, 3 барана по полугривнѣ, съ полти по алтыну, съ курицы по 2 деньги, съ человѣка „съ носу“ по алтыну,—и цѣлую недѣлю не разгружали возовъ. Когда же сняли запасъ съ возовъ, то не стали отдавать лошадей; крестьяне обратились къ царевичу, но царевичъ вмѣсто того велѣлъ крестьянъ раздать за при-

---

[1] См. А. Ю. № 339, VII. Ср. вышеупомянутую замѣтку въ памятной книжкѣ и А. А. Э. т. III, № 15, гдѣ подробно исчислены всѣ поборы царевича и мурзы.

ставовъ и перековать Сынъ боярскій архіепископскій Патрикѣевъ явился къ царевичу бить челомъ объ отпускѣ крестьянъ и отдачѣ имъ лошадей; тогда царевичъ и его дядька да дьякъ Богданъ и толмачъ велѣли его кинуть въ подполье и держали его въ цѣпяхъ и желѣзахъ три дня и три ночи и вымучили 56 рублей съ полтиною денегъ. Въ Прилуцкомъ монастырѣ крестьяне, днемъ мучимые на правежѣ, на ночь безъ рубашекъ были сажаемы въ подполья и вѣшаемы вверхъ ногами; многіе послѣ такого мученья лежали недѣль по пяти и по шести. Воины другаго оберегателя Барай мурзы стояли у Всемилостиваго Спаса на Прилукѣ девять дней и его полку татары и казаки дошли до Кубенскаго погоста и въ Кубенской волости и въ Ракулѣ всѣ деревни разграбили и крестьянъ перемучили, а въ архіепископскомъ селѣ Ивановскомъ наѣздомъ по два дни выграбили все, что было овса молоченаго; въ прочихъ мѣстахъ, по селамъ и деревнямъ служекъ и крестьянъ грабили и жгли огнемъ и деньги и платье всякое и подворную рухлядь и хлѣбъ всякій, насыпая въ возы. имали и на Вологдѣ продавали и къ себѣ въ Романовъ и на Галичъ отсылали; а управы на тѣхъ ратныхъ людей царевичъ и мурза не давали. (1)

Но кончалось уже темное время самоуправства и безурядицы. Съ начала 1613 года въ Москву начали съѣзжаться изо всѣхъ городовъ власти и выборные люди лучшіе для государьскаго обиранья, согласно грамотѣ, которая въ Декабрѣ 1612 года разослана была отъ земскаго совѣта, собраннаго Пожарскимъ и Трубецкимъ послѣ очищенія Москвы. Этою грамотою извѣщая жителей городовъ объ окончательномъ очищении государства

---

1) См. тамъ-же.

отъ Польско-Литовскаго короля, о возстановленіи прежней лѣпоты въ православныхъ Божіихъ церквахъ и о необходимости немедленнаго выбора Государя, такъ какъ „безъ государя Московское государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется и воровство многое множится, а попечителя о православной Христіанской вѣрѣ и о святыхъ Божіихъ церквахъ и людми Божіими промышлять и городовъ у Литвы и Нѣмцевъ доступать некому и впредь Московскому государству безъ государя никоторыми дѣлы строиться не мочно“ (1), бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства приглашали, чтобъ изо всѣхъ городовъ всероссійскаго царствія митрополиты и архіепископы и епископы и архимандриты и игумены были къ нимъ, боярамъ и воеводамъ къ Москвѣ, и изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ гостей и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей выбравъ лучшихъ крѣпкихъ и разумныхъ постоятельныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго великаго совѣту и для государьскаго обиранія прислали къ Москвѣ же, и чтобъ власти и выборные люди ѣхали, договорясь въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государьскомъ обираньѣ полные договоры (2). И изъ горо-

---

1) См. Дворцовые разряды, т. I, стр. 10—11.

2) Подъ грамотою Россійскихъ чиновъ объ избраніи Михаила Ѳедоровича, напечатанною въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, часть V, мѣс. сентябрь, СПБ. 1774 года, и въ Собр. Госуд. Гр. и Догов. т. I, въ числѣ подписей встрѣчаемъ подписи слѣдующихъ лицъ изъ Вологодскаго края: „Смиренный Сильвестръ, епископъ Корѣльскій и Вѣшскій“ (въ Вологдѣ писавшійся архіеписк. Волог. и Великоперм); „съ Вологды Кименнаго монастыря архимандритъ Нитиримъ; съ Вологды Прилуцкаго монастыря игуменъ Кириллъ; съ Вологды Корнильева (а въ Вивліоѳикѣ: Арсеньева) монастыря игуменъ Симеонъ. Никита Пушкинъ (бывшій въ Вологдѣ, а потомъ въ Холмогорахъ и оттуда удалившійся въ Устюгъ). Ѳедоръ Яновъ (вѣроятно Яренскій воевода) въ Вологдѣ выборной Михайло Матвѣевъ Остолоповъ и въ товарищевъ своихъ выборныхъ дворянъ мѣсто руку приложилъ.“

довъ власти и выборные люди лучшіе къ Москвѣ съѣхались и о государьскомъ обираньѣ мыслили многое время. И по многіе дни, Февраля въ 21 день, уговѣвъ первую недѣлю великаго поста, на сборное воскресенье, по милости Божіи и Пречистыя Богородицы и по умоленію всѣхъ святыхъ и по всемірному, благосоюзному общему совѣту, а по благословенію Московскаго государства митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго вселенскаго собора, бояре и окольничіе, и чашники и стольники и стряпчіе и дворяне большіе и дворяне же и дьяки думные и дворяне изъ городовъ и дьяки думные и дворяне и жильцы и всякіе приказные люди и дѣти окольничьи и головы и сотники и атаманы и козаки и стрѣльцы и торговые и посадскіе и всего Московскаго государства всякіе всѣхъ чиновъ люди всякъ возрастъ, отъ мала и до велика, до сущихъ младенецъ выбрали Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи Михаила Ѳеодоровича Романова—Юрьева.

И. Суворовъ.

ПАНСКІЙ НАѢЗДЪ.

(*Изъ народныхъ преданій о смутномъ времени въ Вологодскомъ краѣ.*)

„Въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ княжъ „Ивановской вотчинѣ Васильевича Пѣн„кова съ прошлаго 121 году многіе де„ревни опустѣли, крестьяня сошли въ „міръ отъ казачья разоренья, а иныхъ „литовскіе люди побили... А пашня тѣхъ „крестьянъ не пахана.“

(Изъ дозорной книги 7124 (1616) года, князя Б. Касаткина-Ростовскаго да дьяка Жд. Малафѣева.)

* *
*

1612-й годъ былъ на исходѣ; кончались годы „злого лихолѣтія“, но шайки поляковъ и разныхъ воровъ еще бродили по Руси, производя всяческія безчинства надъ мирнымъ населеніемъ. Онѣ только отхлынули отъ Москвы на сѣверъ и въ другія украины государства, гдѣ все еще могли разсчитывать на добычу при полной безнаказанности. Сказанія объ этомъ сохранились въ мѣстныхъ лѣтописяхъ; между прочимъ въ Вологодской лѣтописи встрѣчается извѣстіе, что въ Сентябрѣ 1612 г. польскіе и литовскіе люди съ черкасами и казаками пришли на Вологду безвѣстно, „изгономъ“, городъ и посады выжгли и подъ предводительствомъ пана Голеневскаго, гетмана Шелковецкаго и атамана Баловня воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали. Шайки

ихъ разсыпались по всему сѣверному краю и доходили даже до Холмогоръ (*).

Съ той поры миновало много лѣтъ, но въ народной памяти сохраняются отголоски этого ужаснаго времени. Разсказываютъ старые люди, что когда-то давно жили въ лѣсахъ какіе-то паны и наѣзжали грабежемъ на деревни и села; вотъ говорятъ, тамъ-то былъ у нихъ притонъ, тамъ зарыли они въ землю награбленное добро, а здѣсь раззорили и сожгли господское село.

Предлагаемый разсказъ пріурочивается къ одному изъ подобныхъ подвиговъ польскихъ шаекъ въ Вологодскомъ краѣ.

Въ началѣ XVII вѣка Вологодскій край былъ малолюденъ и покрытъ вѣковыми лѣсами. Ярко зеленѣли они въ теплое, хотя и короткое, лѣто; осенью отливали золотомъ и пурпуромъ березъ и осинъ, а въ долгую и суровую зиму серебрились пушистымъ инеемъ и обсыпались снѣжными мятелями. Плотная масса ихъ легко выдерживала бури; злыя зимнія вьюги бушевали на лѣсныхъ опушкахъ, пригибая къ землѣ молодые побѣги, лѣсные же великаны лишь меланхолически шептались другъ съ другомъ. Въ ихъ величавомъ спокойствіи проглядывала мощная сила, присущая суровой сѣверной природѣ

Въ этой лѣсной пустынѣ человѣкъ казался пигмеемъ, и людскія поселенія были рѣдки Лишь въ мѣстности, прилегавшей къ областному городу, и на побережьяхъ Кубенскаго озера населеніе было плотнѣе; здѣсь чаще встрѣчались поселки и деревушки, въ которыхъ ютились два-три двора, грубо построенные изъ крупнаго лѣса съ

(*) Вологод. Губ. Вѣдот. за 1857 г.: „Новая историч. лѣтопись“. Устюгскій лѣтописецъ, изд. Н. Суворова, Вологда, 1874 г.

пузырчатыми оконцами и убогой внутренней утварью. Тѣсная избенка и клѣтушка жались другъ къ другу подъ желобяной кровлей; кое-какъ сложенная печь выпускала дымъ прямо черезъ крышу, и неотесанныя стѣны избъ скоро чернѣли. Грубо сдѣланные полати, лавки и полавочники составляли все убранство избы, а единственнымъ украшеніемъ ея были иконы съ потемнѣвшими ликами святыхъ, чаще всего мѣдные складни. Но это было убожество почти первобытной жизни, незнавшей еще другихъ потребностей, кромѣ самыхъ насущныхъ, которыя дѣвственная почва удовлетворяла тогда съ избыткомъ. При малолюдьѣ, житье въ этой сторонѣ было привольное: земли—вдоволь; мало еще знали ей, кормилицѣ, граней и межъ! Паши столько, сколько силы сягутъ; не полюбится одна пашня,—заводи другую: перелоговой и лѣсопорослой земли—непочатый уголъ. Правда трудъ былъ упоренъ: приходилось вырубать дремучіе лѣса, корчевать пни и на росчистяхъ раздирать новь,—за то онъ вознаграждался обильными урожаями. Въ лѣсахъ было множество всякаго цѣннаго звѣря и птицы, въ водахъ—рыбы.... Правду сказываютъ старые люди, что хорошее было тогда житье! И трудился сѣверный крестьянинъ лѣто Божье въ потѣ лица, а зимой отдыхалъ, варилъ сытную брагу на „велики дни“, но зелена вина пилъ мало; что буде при торгу при базарахъ, въ лютые морозы, зайдетъ во царево кружало и выпьетъ хмѣльного. Мало зналъ тогдашній мужикъ промысловъ, да и не было ему въ нихъ нужды. Избу срубить умѣлъ всякъ про себя; на ноги лапти и поршни можно было также каждому отъ бездѣлья сдѣлать, а сукманину и холстъ на одежду готовила мужику жена, она-же и обшивала семью.

Разсказываютъ старые деревенскіе люди, что въ давніе годы народъ былъ простосердеченъ и совѣстливъ: не

было тогда нужды въ крѣпкихъ запорахъ и замкахъ; не береглись другъ друга сосѣди; опасались только разбойныхъ людей, таившихся въ лѣсныхъ трущобахъ и нападавшихъ на малолюдныя деревни. Оттого крѣпко хранили въ тѣ времена зажиточные поселяне свою лучшую рухлядь и деньги, зарывали ихъ въ землю, складывали въ потайные погреба: отсюда находимые изрѣдка въ наше время клады. Наѣзды свои разбойники чинили по большей части въ праздники, когда взрослые люди уходили къ церкви и на торгъ, и въ деревняхъ оставались только старый да малый. Пограбивъ деревеньку, лихіе люди не довольствовались этимъ и пускали краснаго пѣтуха. Когда пріютившаяся въ какомъ либо лѣсу шайка начинала уже черезъ чуръ пошаливать—противъ нее подымались двѣ-три сосѣднія волости, дѣлали облавы и въ случаѣ поимки разбойниковъ,—тутъ-же расправлялись съ ними, не дожидая воеводскаго суда и волокиты. Въ мѣстныхъ сказаніяхъ указывается даже способъ разбойничьей казни: ихъ „покореняли". Обрубивши съ одной стороны корни большаго дерева, его нѣсколько приподымали, въ образовавшееся углубленіе втискивали преступника, затѣмъ дерево опускали на свое мѣсто,—и человѣка какъ не бывало. Замѣчательно, что, въ своихъ припоминаніяхъ о разбойникахъ народъ зоветъ ихъ панами. Это весьма характерно и исторически вѣрно: разбойничьи подвиги пановъ—поляковъ въ смутное время такъ глубоко врѣзались въ память народа, что и обычныхъ разбойниковъ онъ потомъ сталъ называть панами.

* * *

Стоитъ осень, и время листопада. Слегка поблѣднѣла зелень хвойнаго лѣса; подъ его вѣтвями, на зеленомъ

мху, какъ на роскошномъ бархатномъ коврѣ, краснѣетъ брусника и высовываютъ головки грибы и рыжики, а въ низинахъ и болотахъ, подернутыхъ блѣдно-розовымъ мхомъ, качаются на волосообразныхъ стебелькахъ темно-красныя ягоды клюквы и желтѣютъ разнообразныхъ породъ маслушки. На деревьяхъ рѣзвыми стаями возятся бѣлки, порхаютъ рябчики и съ рѣзкимъ свистомъ проносятся стада косачей; изъ кустовъ стремительно вырываются куропатки; звонко работаютъ дятли. На укромную полянку выбѣгаютъ полакомиться зайцы; осторожно крадется межъ кочками лиса; тихо бредетъ, высматривая добычу, волкъ и, грузно ступая, проходитъ царь сѣверныхъ лѣсовъ—медвѣдь. Любитъ онъ полакомиться овсомъ и досаждаетъ мужику, но лѣсныя нивы уже сжаты и блѣдно-желтыми полосами тянутся среди перелѣсковъ. Деревеньки обставились скирдами и одоньями, а околицы ихъ изукрасились ярко-красными гроздьями родимой рябины. Минулъ день Симеона Лѣтопроводца, но время стоитъ еще теплое. Ярко свѣтитъ солнышко, воздухъ чистъ и прозраченъ, и только на вечерней и утренней заряхъ—попахиваетъ холодкомъ. Избывши страдное время, деревенскій людъ собираетъ по лѣсу грибы и ягоды, запасая ихъ на долгую зиму. Отправляются изъ деревень артелями, подъ руководствомъ пожилыхъ людей, и идутъ проторенными тропами, чтобы не заплутать въ лѣсной трущобѣ. За этой легкой и веселой работой молодежь заводитъ пѣсни, въ которыхъ слышатся отголоски языческой старины, величавшей мать сыру-землю: гулко разносятся онѣ по лѣсу и далеко отпугиваютъ дикого звѣря.

Раннимъ утромъ вышла такая артель изъ деревни Пескишева на Кубенскомъ пріозерьѣ въ Вологодскомъ уѣздѣ, перешла въ бродъ небольшую рѣчку Кихть и направилась въ лѣсъ, виднѣвшійся не вдалекѣ темною грядою. Близъ

дороги, по которой шли эти люди, на возвышенномъ рѣчномъ берегу, находилось строеніе, замѣтно отличавшееся по виду отъ крестьянскихъ избъ. Къ большому, крытому желобомъ, двору примыкала изба съ горницею на подклѣтѣ; на островерхой крышѣ шелъ рѣзной гребень и подымалась высокая труба, изъ которой вился сизый дымокъ, а въ узенькихъ оконцахъ свѣтилась слюда. Постройка была новая и нарядная; кругомъ ея виднѣлось нѣсколько хозяйственныхъ службъ, огороженныхъ тыномъ.

Не опоздали сегодня въ Ногавицинѣ затопить печь: знать, что готовятся къ свадебкѣ, сказала шедшая впереди пожилая баба.

Счастлива Власова дочка, замѣтила другая, въ какую семью попадаетъ: чай, и во снѣ-то ей не видѣлось быть за нашимъ прикащикомъ.

Ну, тетка Дарья, не суди, отозвался высокой рыжій мужикъ, дѣло это—не нашего разума, а скажи лучше: дай имъ Богъ совѣтъ да любовь... Доброй человѣкъ—Микифоръ, не изгоняетъ насъ, не брезгаетъ и родниться съ нашимъ братомъ, а будетъ другой набольшой,—завоешь, пожалуй, кубенскимъ волкомъ: нынѣ не жди Юрьева дни,—не сойдешь къ другому помѣщику!

Вѣрно толкуешь дядя Пайно, подхватила молодежь въ толпѣ, не грѣхъ пожелать добра хорошему человѣку: дай имъ Богъ совѣтъ да любовь... А намъ сегодня, чуръ, далеко въ лѣсъ не отходить, чтобъ удалось посмотрѣть на столованье.

Солнце стояло уже въ дерево и золотило стволы могучихъ елей и сосенъ; утренній туманъ опустился къ самой землѣ; съ сѣвера тянулъ чуть замѣтный вѣтерокъ и разгонялъ набѣгавшія на небо бѣловатыя облачка.

Толпа вошла въ лѣсъ и раздалась хватающая за сердце пѣсня:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?

* *
*

Слышанныя нами рѣчи велись о прикащикѣ Никифорѣ Ѳедоровѣ, жившемъ во дворѣ помѣщика своего, Ивана Андреева сына Яропкина, въ сельцѣ Ногавицинѣ (*). Въ недавніе годы сельцо это съ нѣсколькими окольными деревнями дано было въ помѣстье господину его за ратную службу подъ Чигириномъ. Вотчинныя владѣнія Яропкина находились въ Коломенскомъ уѣздѣ, откуда и посланъ былъ Никифоръ въ новопожалованное помѣстье блюсти боярскія выгоды и собирать дани и оброки. Выросъ онъ въ потѣшныхъ мальчикахъ при своемъ бояринѣ; возмужавши, хаживалъ съ нимъ въ ратные походы, былъ вѣрный и преданный слуга. Дѣятельно хозяйничалъ онъ въ Ногавицинѣ. Ежегодно рубилъ подсѣки и увеличивалъ запашки, разводилъ пчелинные ульи, выкармливалъ на господскую потѣху добрыхъ коней; снимая хорошіе урожаи, нагружалъ возы хлѣбомъ и всякими деревенскими припасами и по первому зимнему пути отсылалъ ихъ въ Коломну. Помѣщикъ держалъ его въ любви и приближеніи, съ помѣстными мужиками жилъ онъ въ ладахъ и былъ самымъ почетнымъ человѣкомъ во всемъ Егорьевскомъ приходѣ. Бывало, какъ придетъ въ церковь или на базаръ,—вездѣ отдавали ему честь и мѣсто. Года три хозяйничалъ уже Никифоръ въ Нога-

(*) Въ отдѣльной выписи Василія Скоробѣева 121 году между прочимъ написано: „въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ волости села Егорьевскаго, за Иваномъ Андреевымъ сыномъ Яропкинымъ въ помѣстьѣ: деревня Ногавицино, а въ ней дворъ помѣщиковъ, а въ немъ живетъ прикащикъ Микифорко Ѳедоровъ“.

вицинѣ, живя здѣсь бобылемъ—вдвоемъ съ матерью; прискучило ему одинокое житье на чужой сторонѣ; годами былъ онъ не старъ и собой изряденъ: засматривались порой красныя дѣвицы на его русые кудри и молодецкую поступь и заслушивались складной московской рѣчи. Не мудрено по этому, что на дняхъ было у Никифора рукобитье: сосваталъ онъ невѣсту въ селѣ Егорьевскомъ—дочь своего помѣстнаго, прожиточнаго мужика, Власа Паута. Приглянулась ему Власова Анна: красой вышла, и дѣло у ней всякое въ рукахъ спорилось; съ исподоволь присматривался онъ къ ней на работахъ въ Ногавицинѣ и рѣшилъ, что лучшей жены искать не надобно.

Съ изстари повелось такъ, что въ деревняхъ складываются свадьбы зимой да осенью; оно и понятно: въ это время мужикъ и богатъ и досуженъ. И вотъ, убравши хлѣбъ съ поля и наваривши пива, изготовился Никифоръ праздновать сегодня свою свадьбу по обычаямъ завѣтной старины.

Снарядился веселый поѣздъ. Были въ немъ всѣ обычные свадебные чины: тысяцкій, сватъ, свахи, дружка съ поддружьемъ въ бѣлыхъ перевязяхъ черезъ плечо, и нѣсколько гостей безъ чиновъ, приглашенныхъ изъ одного почета для полноты поѣзда. Все это были чужіе Никифору люди, такъ какъ родныхъ у него въ томъ краѣ не было. Въ чисто прибранной горенкѣ, передъ блестѣвшимъ на божницѣ большимъ складнемъ, затеплили восковую свѣчу; по обычаю присѣвшіе передъ отъѣздомъ, гости встали въ торжественномъ молчаніи. Мать благословила жениха—сына, трижды обнеся его голову образомъ, который передала тысяцкому; дружка взялъ свадебную перепечу, и всѣ чинно направились къ выходу; передъ женихомъ несли икону и мели вѣникомъ путь, чтобъ не попало подъ ноги какого лиха

Молодцовато вскочилъ на коня Никифоръ Ѳедоровичъ. Ловко сидѣлъ на немъ кафтанъ, обхваченный узорчатымъ поясомъ, къ которому на цѣпи привѣшенъ былъ ножъ— „рушникъ“, составлявшій тогда необходимую принадлежность мужскаго костюма; красиво пошелъ вороной конь, побрякивая удилами и цѣпочками уздечки. Осеннее солнышко привѣтливо освѣщало группу поѣзжанъ въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ и играло на блестящихъ пуговицахъ, которыми были изукрашены лѣтники и сарафаны. Матеріи были грубы, но цвѣта ярки, и въ общемъ поѣздъ казался наряднымъ.

---

* *
*

Уже стало вечерѣть, когда вернулся изъ села Егорьевскаго Никифоръ Ѳедоровичъ съ молодой женой и подгулявшими поѣзжанами Началась свадебная пирушка. Гости весело пили и часто заставляли молодыхъ подслащать поцѣлуями воображаемую горечь питій; запѣвались пѣсни, а кое-кто уже пустился въ плясъ. Было шумно и весело. Въ задней части избы, подъ палатями, толпились любопытные, преимущественно женщины и подростки изъ сосѣднихъ деревень; одни выходили, другіе приходили, и всѣ любовно хвалили молодыхъ и желали любви и совѣта.

Вдругъ, протѣснившись сквозь толпу зѣвакъ, блѣдный и испуганный, явился знакомый намъ мужикъ Пайно.

—Микифоръ Ѳедоровичъ, не осуди на словѣ, не ко времени оно,—да дѣлать нечего, торопливо заговорилъ онъ. Шли мы изъ лѣсу проселкомъ, почуялась намъ прыткая лошадинная поступь... Свернули мы въ сторону, притаилися... И видимъ—ѣдутъ прямо сюда человѣкъ около сотенки вершниковъ съ ножами и пищалями...

Знать—лихіе люди. Вотъ я и бросился напрямикъ лѣсомъ—тебѣ вѣсть подать.

Произошелъ общій переполохъ. Народъ бросился изъ избы безъ оглядки; у гостей хмѣль какъ рукой сняло, и они спѣшили также убраться по добру по здорову; шумная изба быстро опустѣла.

Дрогнулъ и смутился Никифоръ: въ какое время Господь посылаетъ злую напасть! Что ему дѣлать? Бѣжать-ли вмѣстѣ съ прочими, или встрѣтить бѣду лицемъ къ лицу?

Молодая жена въ испугѣ смотрѣла на него, старуха начинала голосить; Пайно стоялъ у притолоки, трепеща всѣмъ тѣломъ.

Горькое раздумье овладѣло Никифоромъ. Но вотъ онъ перекрестился и какъ бы опомнился. Чему быть—тому не миновать. Не пристало ратному человѣку хорониться какъ бабѣ. Бѣги скорѣй, Пайно, въ помѣстныя наши деревни, вели бабамъ забирать пожитки и бѣжать въ лѣсъ, а мужиковъ гони сюда, на выручку, съ вилами и рогатинами.

Полно, родимой, пожалѣй ты свою молодуху.. Пойдемъ-ка со мной, схороню я васъ на своей пасѣкѣ.

Возможность избѣжать опасности была обаятельна: впереди улыбались долгіе годы счастья съ молодой женой, въ почетѣ и довольствѣ.

Никифоръ еще разъ смутился... Но бѣжать было уже поздно: шайка, подъ начальствомъ пана Голеневскаго, окружила усадьбу. Были въ ней поляки, и литовцы, и русскіе воры, даже замѣшалось нѣсколько татаръ. Съ улицы доносилось гиканье и слышались крики послѣднихъ изъ разбѣгавшихся со свадьбы людей, которыхъ поляки били въ догонку нагайками.

* *
*

Въ наружную дверь тотчасъ-же послышались сильные удары.

Никифоръ понималъ, что сопротивленіе невозможно, и рѣшился не раздражать нежданныхъ гостей.

Не плачьте, молвилъ онъ женѣ и матери, Богъ милостивъ: можетъ не выдастъ на погибель лиходѣямъ. Къ нему вернулось обычное самообладаніе; спокойно направился онъ къ выходу.

—Не ломитесь такъ, добрые люди, въ чужой дворъ, а скажите по началу—кто вы и что вамъ надобно?

—Отпирай скорѣй, пусти въ свои палаты обогрѣться ясневельможнаго пана.

Никифоръ растворилъ дверь. При свѣтѣ мѣсяца онъ увидѣлъ людей съ усатыми лицами, въ кунтушахъ, забрызганныхъ грязью; среди ихъ выдавалась фигура предводителя шайки. Панъ Голеневскій былъ видный человѣкъ въ венгеркѣ съ серебряными шнурами, сверхъ которой былъ накинутъ подбитый дорогимъ мѣхомъ плащъ; голову покрывала высокая шапка изъ чернобурой лисицы, быть можетъ, захваченная у какого нибудь боярина.

Наклонивъ голову, прикащикъ обратился къ нему.

—Господинъ честной, сегодня справляю я свою свадьбу и радъ гостямъ званнымъ и незваннымъ... Милости прошу—отвѣдать моего хлѣба-соли.

Сановитая фигура Никифора и его степенная рѣчь произвели на поляка впечатлѣніе.

—Мы попали къ ласковому москалю, панове. . Однако свяжите его,—посмотримъ, что будетъ далѣе?. Ты здѣшній помѣщикъ? —Нѣтъ, честной господинъ, я—прикащикъ своего осударя, Ивана Андреевича Яропкина.

—Значитъ у тебя водятся денежки? Вотъ ихъ-то намъ и подавай, панъ-прикащикъ.

Опасаясь засады, Голеневскій приказалъ обыскать

домъ, но кромѣ двухъ женщинъ никого не оказалось. Пайно счелъ за лучшее забраться въ лежавшее на сараѣ громадною кучею сѣно и выждать удобное время для бѣгства.

Войдя въ избу, ясновельможный увидѣлъ въ растворенную дверь горницы столы, уставленные брачными питьями и яствами, и былъ пріятно удивленъ красотою Анны.

—Это твоя женка?

—Да, господине.

Послѣдовало приказаніе—связать женщинъ и молодую отвести въ горницу, а старуху бросить гдѣ нибудь на дворѣ.

Начался повальный грабежъ. Обшарены были всѣ чуланы, клѣти и амбары, но цѣнныхъ вещей было мало. Попалось кое-что изъ одежды и нашлось не много разнороднаго оружія, даннаго Никифору господиномъ на случай вывода изъ помѣстья ратныхъ людей на царскую службу. За то хлѣба и всякихъ снѣдей было довольно. Взято было все, что можно. Кто потеплѣе пріодѣлся, кто принарядился, и всѣ всласть напились и наѣлись, но денегъ не оказывалось, а онѣ были всего дороже полякамъ: для денегъ они покинули свою веселую отчизну и скитались въ суровой московщинѣ.

—Ну, панъ-прикащикъ, подавай твои денежки.

—Нѣтъ ихъ у меня, господине; были два рубля серебряными копѣйками, и тѣ издержалъ на свадьбу.

— О всѣ москали поютъ одну пѣсню, точно сговорились... И чѣмъ богаче—тѣмъ упорнѣй! Будь-же ласковъ, укажи денежки, или съ головой прощайся: снимемъ ее какъ разъ!

—Какъ передъ Богомъ говорю—нѣтъ у меня денегъ, господине.

—Гей, хлопцы! Рѣжьте ему ухо, да не торопясь, авось укажетъ свою казну.

Густая борода прикащика окрасилась кровью. Онъ скрежеталъ зумами отъ боли, но молчалъ.

Принялись за другое ухо.

Никифоръ стоналъ и молчалъ.

—Упоренъ москаль! Чортъ съ нимъ, пусть-же пропадаетъ вмѣстѣ со своими деньгами.

Никифора вывели на дворъ и удавили.

* *
*

Голеневскій рѣшилъ переночевать въ Ногавицинѣ. Оставилъ при себѣ для охраны отрядъ гайдуковъ, онъ приказалъ остальной ватагѣ пограбить сосѣднія деревни и вернуться къ разсвѣту, чтобы ударить съ налета на село Егорьевское. Ему было приготовлено походное ложе въ горницѣ, гдѣ томилась связанная Анна. Положеніе ея было ужасно: все случилось такъ быстро, такъ неожиданно! Давно-ли счастливой молодой сидѣла она за столомъ, а теперь?.. Она не могла даже плакать, впадала въ оцѣпѣненіе и только тихо стонала. Эти стоны скоро наскучили Голеневскому; онъ приказалъ убрать ее, какъ дикарку, неудобную для панскихъ ласкъ, и несчастная женщина стала жертвою его гайдуковъ. Сначала они ревностно несли свою сторожевую службу: осмотрѣли дворъ, накрѣпко примкнули ворота и прислушивались къ малѣйшему шороху. Но вокругъ все было тихо, и вотъ стали они попивать пиво и тѣшиться надъ молодицей, которую помѣстили связанною въ сѣняхъ. Было уже далеко за полночь, какъ охмѣлѣвшіе поляки вздремнули. Въ избѣ стало тихо, и только въ сѣняхъ слышались слабые стоны Анны.

Пайно сильно скорбѣлъ въ своемъ убѣжищѣ, откуда

ему было слышно почти все, происходившее въ домѣ Сердечно жалѣлъ онъ Никифора, который всегда отличалъ его отъ другихъ помѣстныхъ мужиковъ и помогалъ въ нуждѣ; поруганіе же невѣсты—вдовы глубоко возмутило его простую душу.

—Погибла одна христіанская душа, думалъ онъ, погибаетъ и другая .. Нехристи, кровопійцы!

Въ немъ шевельнулось злое чувство и мало по малу выросло до желанія отмстить лиходѣямъ Нервная дрожь пробирала его, но умъ дѣятельно работалъ въ этомъ направленіи. Вдругъ онъ вспомнилъ, что при немъ трутъ и огниво, которые въ тѣ времена брали съ собой, идя въ лѣсъ, чтобъ можно было развести огонь, неравно придется заплутать въ трущобѣ.

Это обстоятельство дало опредѣленный ходъ его мыслямъ.

Онъ снялъ лапти, прокрался къ двери и прислушался: въ избѣ слышалось храпѣніе.

Мѣсяцъ освѣщалъ сѣни въ надворотное оконце. Въ одномъ концѣ ихъ виднѣлась фигура Анны, лежавшей въ полузабытьѣ, —на другомъ блѣдный, какъ полотно, стоялъ Пайно.

Но вотъ онъ поспѣшно приперъ дверь въ избу и бросился къ Аннѣ. При его приближеніи, молодая женщина нервно вскрикнула.

—Не пужайся Аннушка, это я, Пайно... Видя. что молодица слаба, онъ вынесъ ее къ воротамъ и быстро вернулся. Задыхаясь отъ волненія, присѣлъ онъ у сложеннаго сѣна. Сердце его тревожно билось, въ ушахъ стучало, въ избѣ слышался шорохъ... Дрожжащими руками вынялъ онъ огниво и быстро извлекъ искру... Пламя вспыхнуло, свѣтлымъ снопомъ ударило въ крышу и стало лизать ее огненными языками.

Пайно выбѣжалъ на дворъ и, увлекая за собой нѣсколько опомнившуюся Анну, бросился въ лѣсъ.

* *
*

Шумъ начавшагося пожара скоро разбудилъ поляковъ.

—Ахъ чортъ возьми, мы заснули! вскричалъ дюжій литвинъ, протирая глаза. Вотъ что значитъ не во время пить московское пиво... Но что это? Въ избѣ гарь и дымъ... Панове, подымайтесь живѣй, домъ въ огнѣ!

Тѣ вскочили сонные, растерянные, бросились къ двери и никакъ не могли отворить ее.

На шумъ съ проклятіями вбѣжалъ въ избу Голеневскій. Его нагайка придала мужества сонливымъ тѣлохранителямъ. Имъ удалось сломать дверь, но пришлось сейчасъ-же затворить ее, такъ какъ бушевавшее пламя устремилось въ избу.

Панъ бросился къ окну въ горницѣ, которое казалось ему болѣе оконъ избы, выбилъ раму и успѣлъ выскользнуть со своими хлопцами при шумѣ и свистѣ пламени, охватившемъ всю крышу зданія.

Придя въ себя, поляки бросились искать виновниковъ приготовленной имъ гибели, но въ усадьбѣ не было ни души; даже мать Никифора ушла куда-то со двора, вѣроятно въ лѣсъ- -вслѣдъ за Пайномъ. Наткнулись они только на трупъ ея сына, съ остервенѣніемъ бросили его въ пожарище и подожгли всѣ усадебныя службы.

Когда забрежжилось утро, надъ Ногавицинымъ подымались столбы густаго дыма и неслись къ сумрачному осеннему небу; поляки же весело скакали къ селу Егорьевскому — на новые подвиги грабежа и насилія.

А. Е. Мерцаловъ.

Свадебные и похоронные обычаи жителей села Устьнемскаго, Устьсысольскаго уѣзда.

(*Этнографическій очеркъ*).

Свадебные и похоронные обычаи жителей села Устьнемскаго весьма интересны и отличаются чрезвычайною оригинальностію.

Молодой устьнемецъ, какъ только вздумаетъ вступить въ бракъ,—или вѣрнѣе сказать, когда родители вздумаютъ женить его, такъ какъ здѣсь молодые люди почти не имѣютъ никакого права голоса, а ихъ судьбою прямо распоряжаются ихъ родители,—то прежде всего приглашаетъ своихъ крестныхъ—отца и мать, по приходѣ которыхъ зажигаютъ передъ образами свѣчу и молятся, кладя нѣсколько разъ земные поклоны; затѣмъ женихъ обязанъ поклониться въ ноги роднымъ и крестнымъ отцу и матери, прося у нихъ благословенія на вступленіе въ бракъ. По окончаніи этого, женихъ, въ сопровожденіи крестныхъ—отца и матери, въ качествѣ сватовъ, отправляется въ домъ невѣсты. Посылать же кого-нибудь въ качествѣ свата или свахи, одного безъ жениха, здѣсь въ обычаѣ нѣтъ, а непремѣнно долженъ самъ женихъ явиться къ невѣстѣ; хотя впрочемъ нѣкоторые иногда и посылаютъ кого-нибудь изъ родственниковъ и въ особенности родственницъ, но тѣ всегда почти возвращаются безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ невѣста, хотя и совсѣмъ бы не думала выйдти за сватающагося жениха, всегда приглашаетъ самого жениха, выражаясь приблизительно такъ: „даромъ и самъ

женихъ придетъ, да и не разъ еще, пусть сапоги-то свои поизноситъ". Вообще надо сказать, что здѣсь невѣсты очень разборчивы относительно жениховъ и вступить въ бракъ для мужчины здѣсь не такъ-то легко. Пришедши въ домъ невѣсты, всѣ трое, поздоровавшись съ хозяиномъ дома, останавливаются у порога входныхъ дверей, а крестный отецъ жениха,—по мѣстному *„вежай"*, —начинаетъ говорить о цѣли ихъ прихода приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „Хозяинъ у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ, мы пришли купить вашъ товаръ". Отецъ же невѣсты обыкновенно приглашаетъ садиться, говоря, что на ногахъ правды нѣтъ, а лучше сидя на лавкѣ потолковать; такимъ образомъ и начинается сватовство и, хотя сватовство иногда продолжается безпрерывно цѣлыя сутки, не при этомъ ни жениху, ни сватамъ, не приносятъ совсѣмъ ничего ни пить, ни ѣсть. Чуть только разнесется слухъ, что въ такомъ-то домѣ идетъ сватовство, то немедленно же невѣстина изба наполняется массою любопытныхъ, и вотъ тогда начинаются цѣлыя пренія: одни совѣтуютъ невѣстѣ выйдти за сватающагося и уговариваютъ въ томъ ея родителей, а другіе напротивъ отговариваютъ; та и другая сторона при этомъ, конечно, выставляетъ свои доводы. По полученіи согласія со стороны родителей невѣсты, послѣ такого продолжительнаго сватовства, бываетъ рукобитіе, которое состоитъ въ томъ, что невѣста, зажегши свѣчу передъ образами и принесши на столъ хлѣбъ и соль, молится и проситъ благословенія у своихъ родителей точно также, какъ женихъ передъ выходомъ изъ дому для сватовства, затѣмъ подаетъ руку жениху, а родные рознимаютъ руки. Обрученія же никогда не бываетъ. Весьма многія невѣсты и, по рукобитіи, отказываются отъ выхода замужъ. Послѣ рукобитія обыкновенно бываетъ обязательная уже попойка, и тогда соби-

рается вся болѣе или менѣе близкая родня и короткіе знакомые со стороны жениха и невѣсты. Если жениху просватанная невѣста нравится, или если былъ онъ съ ней ранѣе въ близкихъ отношеніяхъ, то непремѣнно уже онъ и на ночь остается у невѣсты; а такъ какъ здѣсь, если только бракъ происходитъ не по принужденію родителей, обыкновенно женятся на тѣхъ лицахъ, съ которыми были уже ранѣе въ близкихъ интимныхъ отношеніяхъ, то вплоть до самой свадьбы женихъ, съ вѣдома родителей, является на ночь къ своей невѣстѣ; вообще надо сказать, что мѣстныя дѣвицы не отличаются строгою нравственностію, и почти каждая изъ нихъ до выхода замужъ уже живетъ съ кѣмъ-либо, но за то, по выходѣ, рѣдкая изъ нихъ измѣняетъ своему мужу. Въ день же рукобитія или помолвки съ той и другой стороны происходятъ условія на счетъ подарковъ. Подарки со стороны невѣсты состоятъ изъ рубахъ, штановъ, платковъ, чулокъ, перчатокъ и поясовъ домашней работы, а женихъ даетъ деньгами отъ 10 до 25 р., или же даритъ отцу невѣсты пару бахилъ или сапоговъ, братьямъ невѣсты по парѣ же сапоговъ, матери, т. е. тещѣ, 2 или $1^1/_2$ конца китайки, а сестрамъ, невѣсткамъ и теткамъ по платку. Свадьба, послѣ рукобитья, обыкновенно бываетъ дня черезъ 4 — 5 или же никакъ не дольше недѣли. Въ теченіи всего дня на канунѣ вѣнчанія невѣста со всѣми своими подругами, которыя, идя по улицѣ, сопровождаютъ ее съ пѣснями, ходитъ въ гости по своимъ роднымъ и отъ каждаго изъ нихъ получаетъ подарки. Кромѣ дѣвицъ съ невѣстой бываетъ еще одна замужняя женщина — оффиціальная плакальщица, — которая у каждаго родственника управляетъ причетомъ, какъ пѣсенникъ хоромъ; невѣста при этомъ плачетъ, а остальныя дѣвицы причитаютъ и такъ заунывно, что и постороннему при этомъ трудно удержаться отъ слезъ; это по

мѣстному называется „*бурсисьны*“. Невѣстѣ, по правдѣ сказать, нельзя и не плакать: по выходѣ замужъ, она становится на всю жизнь рабою какъ мужа, такъ свекра и свекрови; въ особенности послѣдніе обыкновенно постоянно притѣсняютъ сноху и обращаются съ нею хуже всякой приживалки; отъ мужа же жена вполнѣ зависима: безъ его дозволенія она не имѣетъ права сдѣлать шагу никуда, ни въ чемъ не смѣетъ возражать мужу, а должна выносить все, рѣшительно все, безропотно, а про побои со стороны мужа и говорить нечего, это уже почти обязательно; даже встрѣчаются такіе деспоты, что сѣкутъ розгами своихъ женъ; мужъ, сказавши женѣ, что онъ намѣренъ ее высѣчь, приказываетъ ей принести для себя розги, что она въ точности и исполняетъ, а принесши розги, сама добровольно ложится для экзекуціи; впрочемъ подобная расправа мужей надъ женами въ послѣднее время, какъ видно изъ разговоровъ, начинаетъ нѣсколько уменьшаться, хотя далеко еще не совсѣмъ прекратилась.

Ночью же, на канунѣ вѣнчанія у невѣсты бываетъ дѣвичникъ, по мѣстному „*колипъ*“, гдѣ время проводятъ въ играхъ, пляскѣ и въ пѣніи обыкновенныхъ русскихъ пѣсенъ, но только, конечно, на зырянскій ладъ, т. е. изковеркавъ не только слова, но и всю пѣсню. Въ назначенный для вѣнчанія день женихъ собираетъ у себя тѣхъ лицъ изъ родственниковъ и близкихъ друзей, человѣкъ 10—15, которыхъ желаетъ взять съ собою въ составъ свадебнаго празднества; всѣ эти лица вмѣстѣ съ женихомъ до обѣда парятся въ банѣ. Въ свадьбѣ же должны быть собственно три, такъ сказать, оффиціальныя лица: это крестный отецъ жениха и два шафера—дружки, одинъ называется „старшій дружка“, а другой „младшій дружка“. У старшаго дружки за поясомъ долженъ быть кнутъ, а у младшаго къ лѣвой рукѣ дол-

женъ быть привязанъ колоколецъ, которымъ онъ звенитъ, идучи въ церковь; черезъ плечи же у обоихъ бываютъ перекинуты полотенца, а на плечахъ у всѣхъ участвующихъ въ свадьбѣ мужчинъ, не исключая и жениха— шелковыя шали.

Суевѣрія и при свадьбѣ играютъ немаловажную роль: такъ помолвленный женихъ не смѣетъ никуда выйдти, не приколовъ въ лѣвую полу верхняго платья безушной иголки, которая, по ихъ понятію, охраняетъ отъ лихихъ людей. Когда свадьба соберется уже въ полномъ составѣ, то тогда охранять свадьбу отъ лихихъ людей лежитъ на обязанности старшаго дружки, который, взявши изъ-подъ образовъ одну восковую свѣчу, разрѣзываетъ ее на столько частей, изъ сколькихъ лицъ состоитъ свадьба, и каждому изъ нихъ прикрѣпляетъ на оборотѣ шейнаго крестика по кусочку свѣчки, что дѣлается тоже въ охрану отъ лихихъ людей. По исполненіи всего этого, весь свадебный персоналъ садится за столъ обѣдать, а послѣ обѣда жениха всѣ, по старшинству, начиная съ родителей его, благословляютъ, по обыкновенію, хлѣбомъ-солью, при чемъ каждый изъ благословляющихъ одаряетъ его нѣсколькими монетами денегъ съ различными пожеланіями. По окончаніи благословенія, весь свадебный персоналъ, сдѣлавшій вокругъ стола противъ солнца три круга, при чемъ впереди всѣхъ идетъ старшій дружка, отправляется въ домъ невѣсты. Пришедши или пріѣхавши въ домъ невѣсты, поѣзжане останавливаются на крыльцѣ дома, крылечныя же двери бываютъ заперты; старшій дружка, взявъ въ руки кнутъ, кнутовищемъ, вслухъ трижды прочитывая „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, стучитъ въ крылечныя двери; за дверями ему отвѣчаютъ „аминь“, и тогда только отпираютъ двери и впускаютъ въ избу, вошедши куда всѣ садятся за столъ. Невѣста же въ это время со всѣми своими под-

ружками, съ плакальщицей во главѣ, находится гдѣ-нибудь у родственника. Гости сидятъ тихо и скромно, не допуская никакого веселья, никакихъ разговоровъ; однимъ словомъ тишина и порядокъ въ это время соблюдаются также, какъ въ церкви. Къ приходу невѣсты заряжаютъ холостымъ зарядомъ ружье, а при появленіи ея въ избѣ, дѣлаютъ выстрѣлъ; это собственно для того, чтобы невѣста вздрогнула. Невѣста, пришедши, со всѣми своими подружками садится у окна, и тогда начинаются разные причеты и плачъ, по окончаніи которыхъ невѣсту точно также, какъ жениха, всѣ, по старшинству, благословляютъ и одаряютъ по силѣ возможности, а она всѣмъ должна кланяться въ ноги. По окончаніи всего этого, невѣсту уводятъ близкія родственницы въ отдѣльную избу одѣвать къ вѣнцу, въ это же самое время и женихъ одѣваетъ на себя невѣстины подарки: штаны, чулки, поясъ и перчатки; когда туалетъ у обоихъ кончится, то невѣсту и жениха садятъ рядомъ, и женихъ садясь, внезапно долженъ наступить на невѣстину ногу въ знакъ того, что онъ подчиняетъ ее уже своей власти. Затѣмъ начинается попойка всего свадебнаго персонала, исключая жениха и невѣсты, которые ничего не пьютъ и не ѣдятъ. Передъ выходомъ изъ дома въ церковь, старшій дружка проситъ благословеніе на принятіе вѣнца сначала у людей старшихъ, потомъ среднихъ и наконецъ младшихъ, выражаясь на мѣстномъ языкѣ такъ: „благословитэ ыджидъ езъясъ золотой вѣнечъ примитны, благословитэ шеръ - полосъ езъясъ золотой вѣнечъ примитны, благословитэ посъни полосъ езъясъ золотой вѣнечъ примитны“, что въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „благословите старшіе люди золотой вѣнецъ принять, благословите средніе - золотой вѣнецъ принять, благословите младшіе—золотой вѣнецъ принять“. Получивши благословеніе на принятіе

вѣнца, всѣ выходятъ изъ избы на улицу, но прежде чѣмъ отправиться въ церковь, всѣ у крыльца становятся рядомъ, а старшій дружка, взявъ въ руки кнутъ, обходитъ, ударяя плетью о землю крестообразно, вокругъ всѣхъ три раза; это дѣлается тоже въ охрану отъ порчи жениха и невѣсты лихими людьми. У старшаго дружки на головѣ бываетъ узелокъ, вверху котораго привѣшиваютъ маленькій образокъ какого нибудь святаго, а въ узелкѣ маленькій коровай хлѣба съ солью, который молодые, по уводѣ ихъ на ночлегъ въ отдѣльную избу, обязаны ѣсть. Подъѣхавъ или подошедши къ церкви, дѣлаютъ изъ ружья нѣсколько выстрѣловъ, а младшій дружка продолжаетъ исполнять свою обязанность—звенѣть колокольцомъ. Послѣ вѣнца пиръ всегда бываетъ у жениха, а отнюдь не у невѣсты, да вообще всякіе расходы должны быть со стороны жениха. Пришедши изъ церкви, всѣ входятъ въ домъ жениха черезъ хлѣвъ, сарай и заднія двери, а не по крыльцу; при этомъ одинъ изъ родителей молодаго на сараѣ осыпаетъ головы молодыхъ птичьими перьями, дабы они жили счастливо и въ довольствіи, а другой встрѣчаетъ поѣзжанъ въ сѣняхъ съ чашкой пива, съ хлѣбомъ и солью, и всѣ должны, прежде чѣмъ зайдти въ избу, закусить хлѣба и выпить чарку пива По приходѣ въ избу, молодыхъ садятъ за столъ на лавку, на которую для нихъ стѣлютъ шубу, а надъ головами ихъ у полки, въ знакъ уваженія, ставятъ двѣ зажженныя свѣчи Затѣмъ начинается и пиръ, который сначала, пока на нѣкоторыхъ изъ гостей не повліяютъ дары бахуса, идетъ очень тихо и скромно, какъ только же охмѣлѣютъ, то немедленно молодыхъ, въ сопровожденіи всѣхъ участвующихъ въ брачномъ пиру гостей, съ пѣніемъ какого-нибудь знакомаго празднича-го тропаря, уводятъ на покой въ отдѣльную избу. Приведя въ отдѣльную комнату, молодыхъ угощаютъ

подслащенной кашей, по мѣстному *„кашъ-рокъ“*, что почти невозможно перевести на русскій языкъ, приблизительно же значитъ „изъ кашъ каша“. На постелю первый ложится молодой, а молодая, по мѣстному *„ичьмонъ“*, должна раздѣвать своего молодаго супруга, при чемъ ему въ руки даютъ кнутовище, самый же кнутъ въ рукахъ держитъ старшій дружка; если дружка по шутливѣе, то кнутъ онъ не разъ выпускаетъ изъ рукъ своихъ, и при этомъ молодой каждый разъ ударяетъ плетью свою супругу. На другой день брака съ утра младшій дружка затопляетъ баню, которая тогда носитъ названіе *„ичьмонъ пывсянъ“*, что приблизительно означаетъ „баня молодой“. Въ баню сначала ходятъ мужчины и съ ними молодой, а послѣ нихъ женщины съ молодой; въ банѣ послѣднія не столько моются, сколько шутятъ между собою, поютъ пѣсни и пьютъ пиво; послѣ бани бываетъ обѣдъ, а послѣ обѣда молодая раздаетъ подарки, при чемъ каждому, кого даритъ, кланяется въ ноги; во время же раздачи подарковъ родители молодаго, одѣтые, какъ обыкновенно бываютъ одѣты женихъ и невѣста, сидятъ рядомъ за столомъ. При раздачѣ подарковъ не мало бываетъ и шуму со стороны недовольныхъ подарками, за частую разбрасываютъ даже ихъ по полу; получившіе подарки молодую отдаряютъ деньгами, конечно, только въ количествѣ нѣсколькихъ копѣекъ. Послѣ окончанія раздачи опять начинается пиршество, при чемъ обязанности хозяевъ уже исполняютъ молодые. Такимъ образомъ и заканчивается свадебное пиршество для болѣе дальнихъ родственниковъ, ближайшіе же — еще пируютъ дня два.

Похоронные обычаи мѣстныхъ жителей, насколько я могъ замѣтить, таковы: какъ только скончается человѣкъ, тотчасъ раздѣваютъ его и обмываютъ все его тѣло начиная съ головы; затѣмъ облекаютъ въ погребальное

платье, которое, обыкновенно, состоитъ для мужчинъ изъ слѣдующихъ принадлежностей: рубахи изъ холста домашней работы, подштанниковъ, на ногахъ—черные шерстяные домашней работы чулки и коты, но ни въ какомъ случаѣ не сапоги: въ нихъ предстать передъ судомъ Божіимъ считается предосудительнымъ; вмѣсто верхняго платья надѣваютъ на покойника халатъ, или просто холщевую рубашку, разрѣзанную спереди съ ворота до подола и опоясываютъ кушакомъ, а на голову надѣваютъ шапку. Въ то время, когда покойника обмываютъ, и одѣваютъ, созванные сосѣди и родственники дѣлаютъ очень незатѣйливый гробъ: берутъ кое-какія доски, сколачиваютъ ихъ наскоро желѣзными гвоздями, и гробъ готовъ; гроба бываютъ одинаково просты какъ у бѣдныхъ, такъ и у зажиточныхъ. Въ гробъ, подъ покойника, накладываютъ листья отъ вѣниковъ, а подъ его голову, вмѣсто подушекъ—куделю. Гробъ, который обыкновенно всегда дѣлаютъ на улицѣ подъ окномъ дома, какъ только будетъ готовъ, то всѣ орудія, какія только употреблялись, при его дѣланіи, кладутся въ него и съ ними гробъ вносится въ избу; орудія изъ гроба берутся обратно тогда, когда кладутъ въ него покойника; оставшіяся на улицѣ щепки отъ гроба взгребаютъ и зажигаютъ, а всѣ, участвующія въ мытьи и одѣваніи покойника, лица непремѣнно должны грѣть на этомъ огнѣ свои руки, чтобы онѣ впослѣдствіи не стали бояться холода. Если покойника везутъ въ церковь, то, прежде чѣмъ тронуться съ мѣста, хозяинъ дома долженъ, наклонившись до земли, сзади взглянуть изъ подъ саней между полозьями на ноги лошади; это дѣлается для того, чтобы лошадь, везущая гробъ не стала впослѣдствіи спотыкаться, по мѣстному „*джомдавны*"; для этой же цѣли не рѣдко въ хомутъ втыкаютъ безъушную иголку. Во время похоронъ, на могилѣ раздаютъ милостыню ни-

щимъ, при чемъ женщины, съ различными причитаніями, плачутъ, или, вѣрнѣе сказать, просто на просто голосятъ, такъ какъ рѣдко случается встрѣчать искреннія слезы; мужчины же почти никогда не плачутъ. Кромѣ этого на похоронахъ не бываетъ никакихъ особенныхъ церемоній; но есть у устьнемцевъ одно повѣрье, что ангелъ покойнаго, по мѣстному *„ловъ-видзись“*, послѣ смерти, пребываетъ въ домѣ покойнаго до 40-го дня, и во все это время не дозволяется въ томъ углу, гдѣ божница, сидѣть никому не только изъ постороннихъ, но и домашнимъ; на гвоздикѣ же въ этомъ углу виситъ въ теченіи всего этого времени полотенце, до котораго также никто не долженъ прикасаться, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, будто тѣмъ полотенцемъ утирается только *„ловъ-видзись“*. Въ сороковой день одна или двое, преимущественно женщины, около обѣденнаго времени, провожаютъ изъ дому *„ловъ-видзися“*, т. е. ангела, съ хлѣбомъ, солью и пивомъ; при этомъ, конечно, тоже не обходится безъ рыданій и причитаній, а полотенце, въ которое въ теченіи 40 дней утирался *„ловъ-видзись„*, вымывши убираютъ.

За похороны въ пользу священно-служителей, кромѣ денегъ, даваемыхъ по силѣ возможности каждымъ, поступаетъ все, что бываетъ на гробѣ, при выносѣ покойника въ церковь, а на гробъ обыкновенно, кладутъ: холстъ въ длину его и что нибудь изъ домашней утвари, какъ напримѣръ: шубы, разныя мужскія и женскія верхнія платья, по мѣстному называемыя „дукосы“, а иногда даже овчины, опойки и прочее.

Странно то, что здѣсь, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ деревняхъ отстоящихъ отъ церкви верстъ за 30 и болѣе, но и въ ближнихъ деревняхъ, отстоящихъ верстъ за 10, большею частью, и даже весьма не рѣдко похороны происходятъ безъ отпѣванія священника,

самими крестьянами, и хоронятъ обыкновенно гдѣ-нибудь около дома покойнаго, а отпѣваніе и панихида бываютъ въ церкви, послѣ похоронъ, спустя нѣсколько недѣль, иногда—мѣсяцевъ, даже случается, что время протекаетъ до полугода.

А. Фроловъ.

УСТЮГЪ ВЕЛИКІЙ

въ первой четверти XVII вѣка.

Историко-экономическій очеркъ А. Е. Мерцалова.

Составленъ по сотной книгѣ города Устюга Великаго, письма и мѣры Никиты Вышеславцова да подъячаго Агея Ѳедорова 7138 (1630) года).

Краткія историческія свѣдѣнія о началѣ г. Устюга Великаго.

По сказанію устюжскихъ лѣтописцевъ, въ глубокой древности, на горѣ Глядинѣ, (въ 4 верстахъ отъ нынѣшняго Устюга), стоялъ городокъ, называвшійся по имени ея *Гляденомъ*, жители же его именовались *устюжа-*

самими крестьянами, и хоронятъ обыкновенно гдѣ-нибудь около дома покойнаго, а отпѣваніе и панихида бываютъ въ церкви, послѣ похоронъ, спустя нѣсколько недѣль, иногда—мѣсяцевъ, даже случается, что время протекаетъ до полугода.

А. Фроловъ.

УСТЮГЪ ВЕЛИКІЙ

въ первой четверти XVII вѣка.

Историко-экономическій очеркъ А. Е. Мерцалова.

Составленъ по сотной книгѣ города Устюга Великаго, письма и мѣры Никиты Вышеславцова да подъячаго Агея Ѳедорова 7138 (1630) года).

Краткія историческія свѣдѣнія о началѣ г. Устюга Великаго.

По сказанію устюжскихъ лѣтописцевъ, въ глубокой древности, на горѣ Глядинѣ, (въ 4 верстахъ отъ нынѣшняго Устюга), стоялъ городокъ, называвшійся по имени ея *Гляденомъ*, жители же его именовались *устюжа-*

нами вслѣдствіе нахожденія ихъ городка при устьѣ рѣки Юга [1]). Впослѣдствіи [2]) они переселились въ „Черный Прилукъ“ на мѣсто, нынѣ занимаемое городомъ. Мѣстная лѣтопись не объясняетъ причину этого переселенія и выражаетъ лишь предположеніе, что оно было вызвано непріятельскими нападеніями, столь обычными въ ту эпоху. Не безъ вліянія на переселеніе осталось и то обстоятельство, что рѣка Югъ, обмывающая гору Гляденъ, стала годъ отъ году все болѣе ее подрывать. Жить становилось не надежно, и пришлось покинуть гору, имѣвшую, по словамъ лѣтописи, „прекрасное мѣстоположеніе, ибо съ поверхности ея на всѣ окрестныя страны глядѣть удобно“. Ко времени этого переселенія относится основаніе въ Устюгѣ первоначальной крѣпости—*стараго городища*. Въ 1438 г., въ княженіе Василія Темнаго, подъ присмотромъ воеводы князя Львова, была устроена въ Устюгѣ другая крѣпость—*большой острогъ*,—значительно превышавшая размѣрами старое городище, къ которому она примыкала. Въ концѣ царствованія Ивана Грознаго, въ 1582 г., городовыя укрѣпленія Устюга были заново поправлены и башни снабжены пушками.

Приведенныя свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ Устюжскаго лѣтописца, [3]) служатъ необходимымъ поясненіемъ текста сотной книги города Устюга Великаго, письма и мѣры Вышеславцева да подъячаго Агея Ѳедорова, 7138 (1630) года, къ изложенію содержанія которой мы и переходимъ. [4])

1) Усть-югане—измѣнилось въ устюжане.

2) Мѣстная лѣтопись пріурочиваетъ это событіе ко времени княженія Всеволода 3-го Юрьевича (1176—1212 г.).

3) См. Устюжскій лѣтописецъ, Вологда, 1874 г.: страницы: 81, 94 и 100.

4) См. Устюгъ Великій: матеріалы для исторіи города XVII и XVIII в., Москва, 1883 г., изданія А. К. Трапезникова in folio; страницы: 1—41.

I.

Устюгскія крѣпости: старое городище и большой острогъ. Стѣны, валы (осыпи). башни, ворота. Посады и слободы. Улицы и площади въ городищѣ и большомъ острогѣ. Слободскія улицы и урочища. Дворы жилые, осадные, мірскіе и пустые; общее число ихъ на городскомъ посадѣ и въ слободахъ; дворовыя мѣста. Общее количество населенія въ Устюгѣ того времени.

Сотная книга Великаго Устюга 1630 года начинается описаніемъ старой „осыпи", или городища. Оно находилось на лѣвомъ берегу рѣки Сухоны и было обнесено отчасти деревянною стѣною (77½ саж.), въ большей же части землянымъ валомъ, или осыпью (197¼ саж.), занимая пространство въ 300¾ саженъ въ окружности. По осыпи нѣкогда былъ пронесенъ тынъ „стоячей", но во время писцовъ онъ во многихъ мѣстахъ оказался сгнившимъ и развалившимся. По формѣ городище имѣло видъ неправильнаго четыреугольника, длиннѣйшая сторона котораго (97¾ саж) примыкала къ берегу Сухоны, а три другія были окружены рвами. По стѣнѣ и по осыпи были расположены семь деревянныхъ башенъ: Спасская, Срѣтенская, Водяная, Наугольная, Средняя [1]), Дмитріевская и Вознесенская; изъ нихъ три первыя помѣщались надъ воротами, ведшими съ трехъ сторонъ въ городище. Главными изъ воротъ были Спасскіе —съ образомъ Спасителя на верху—и Срѣтенскія, по этому стоявшія надъ ними башни были снабжены двухъ-ярусными бойницами; третьи ворота, Водяные, выходили на р. Сухону. Башни и ворота занимали протяженіе въ 26 саженъ.

Большой острогъ начинался отъ Наугольной башни на старой осыпи у рѣки Сухоны Имѣя въ виду, что

---

1) Эта башня въ 1630 г. была уже ветха.

въ сотной книгѣ, при подробномъ его описаніи, на пространствѣ 797 саженъ [1]) не упоминаются *угловыя* башни, которыя означали бы повороты крѣпостной стѣны, слѣдуетъ предполагать, что на этомъ протяженіи острогъ шелъ овальною линіею, а отъ Круглой башни тянулся по берегу Сухоны, внизъ по ея теченію, на пространствѣ 507 саженъ, и примыкалъ къ той же Наугольной башнѣ на старой осыпи, отъ которой начался, занимая всего въ окружности 1304 сажени. Однако въ 1630 году крѣпостная стѣна на всемъ этомъ протяженіи уже не существовала, такъ какъ въ 1620 году часть ея, (429 саженъ: отъ Пречистенскихъ воротъ на берегу Сухоны до Наугольной башни на старой осыпи), сгорѣла вмѣстѣ съ Команихиной башней и воротами Рождественскими, Никольскими и Свинскими. Такимъ образомъ, при писцахъ крѣпостной стѣны оказалось въ наличности только 875 саженъ, считая въ томъ числѣ башни и ворота. Башенъ было 13: Кабацкая, Спасская, Архангельская, Леонтьевская, Пречистенская, Корелина, Коровкина, Ивановская, двѣ Круглыя, Дресвянская, Воскресенская, и Наугольная круглая. Изъ нихъ первыя пять помѣщались надъ воротами, ведшими въ крѣпость, и были снабжены трехъ-ярусными бойницами; рублены онѣ были въ 4-е угла, чѣмъ отличались отъ глухихъ (т. е. непроходныхъ) стѣнныхъ башенъ, которыя были всѣ шестиугольныя. Пять крѣпостныхъ воротъ назывались по именамъ стоявшихъ надъ ними башенъ. Противъ Спасскихъ, Архангельскихъ и Леонтьевскихъ воротъ, съ наружной стороны укрѣпленія, были выкопаны вы глубиною до $1^1/_2$, шириною до 4-хъ саженъ; у р

---

[1]) Именно отъ помянутой башни до Круглой—наугольной башни, находившейся также на берегу Сухоны.

Кабацкихъ же и Пречистинскихъ воротъ рвовъ не было.

Здѣсь не лишнее замѣтить, что встарину только такія укрѣпленныя мѣста назывались „городами“ въ отличіе отъ прилегавшихъ къ нимъ посадовъ и слободъ, которые почти всегда были обширнѣе собственно „городовъ“, служившихъ лишь убѣжищемъ для посадскихъ и слобожанъ во время непріятельскаго нападенія. Но въ Устюгѣ было нѣсколько иначе. Какъ мы увидимъ далѣе, онъ представлялъ не многолюдное городское поселеніе, а между тѣмъ обладалъ двумя крѣпостями, по этому весьма естественно, что большая часть городскаго посада умѣстилась внутри укрѣпленій, и внѣ ихъ оставались однѣ слободки.

Въ городищѣ было мало жилыхъ дворовъ. Здѣсь находилась только одна улица, шедшая отъ водяныхъ до Срѣтенскихъ воротъ, не названная по имени, и три односторонка [1]). Одинъ изъ нихъ былъ расположенъ на право отъ Спасскихъ воротъ, второй у Водяныхъ воротъ, а третій окружалъ площадку противъ церкви Варлаама Хутынскаго. Особнякомъ у Срѣтенскихъ воротъ стояли осадные амбары.

Городское населеніе главнымъ образомъ сосредоточивалось въ большомъ острогѣ. Здѣсь было 14 улицъ, 4 проулка, 10 односторонковъ и 4 площади. Изъ улицъ Архангельская, Рождественская, Никольская и Аѳанасьевская, вѣроятно, получили свои названія отъ находившихся на нихъ, или нѣкогда существовавшихъ въ этихъ мѣстахъ, церквей; названія другихъ произошли отъ способа расположенія на нихъ построекъ, формы протяженія и направленія (Широкая, Клинъ, Поперечная, Выставка

---

[1]) Подъ односторонкомъ надо понимать совокупность дворовъ, построенныхъ въ одинъ рядъ, а не въ два, какъ обыкновенно бываетъ на улицѣ.

и Надозерная); частію же отъ мѣстныхъ урочищъ: Овсятина, Вздыхальная, Корчагина, Гулыня и Адова. Проулки служили соединеніемъ улицъ и отличались отъ нихъ только незначительностію своего протяженія; изъ нихъ лишь одинъ—Дресвянскій—названъ по имени; другой велъ изъ овсятины улицы на Пречистинскую площадь, а два остальные шли отъ острожной стѣны къ Вздыхальной улицѣ. Односторонніе рядки домовъ находились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было неудобно строиться улицею, т. е. въ два ряда, напр. по берегу Сухоны, подлѣ крѣпостной стѣны, или вокругъ площадей. Изъ этихъ послѣднихъ важнѣе другихъ была Богословская, куда съѣзжались волостные крестьяне и ставились со всякими привозными товарами; длиною она была 38, а поперегъ 16 саженъ. На Вознесенской площади торговля производилась зимою; всякіе уѣздные люди торговали здѣсь скотомъ; длиною она была 30, поперегъ 26 саж. На Варварской площади торговали также въ зимнюю пору дровами, сѣномъ и соломою; длина ея—40, ширина 15 саженъ. Была еще менѣе значительная „площадка“ у церкви Пречистыя Богородицы, которая торговаго значенія, по видимому, не имѣла.

На городскомъ посадѣ, находившемся внѣ устюжскихъ укрѣпленій, писцами отмѣчены четыре „слободы“: Дымкова, Песья, Мироносицкое сельцо и Леонтьевскій конецъ; три улицы: Заозерная, Петровская и Лѣнивица и шесть односторонковъ. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ окружалъ Мироносицкую площадку, другой былъ на урочищѣ Запольѣ и четыре остальные шли, одинъ за другимъ, по берегу Сухоны, отъ старой осыпи—внизъ по теченію.

На посадѣ въ старомъ городищѣ, въ большомъ острогѣ и по слободамъ было 803 двора [1]) всякихъ чи-

[1]) Подъ дворомъ (по писцовой книгѣ) надобно понимать не одно зданіе дома, но извѣстныхъ размѣровъ земельной участокъ, на которомъ помѣщались жилыя хоромы, хозяйственныя строенія, сады и огороды.

новъ людей, въ томъ числѣ 15 пустыхъ. 6 осадныхъ [1]) и 10 земскихъ, или мірскихъ, устроенныхъ для гонцовъ, посланниковъ и вообще пріѣзжихъ людей, слѣдовательно собственно жилыхъ дворовъ въ Устюгѣ того времени было 772. Незастроенныхъ дворовыхъ мѣстъ, но имѣвшихъ своихъ хозяевъ, числилось 21, никому же непринадлежавшихъ дворовыхъ мѣстъ, т. е совершенно пустыхъ, было 65. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести также 50 мѣстъ, отведенныхъ въ особой слободкѣ подъ стрѣлецкіе дворы, которые во время писцовъ не были еще выстроены; такимъ образомъ всего пустыхъ дворовыхъ мѣстъ въ Устюгѣ было 136. Кромѣ осадныхъ дворовъ, въ старомъ городищѣ находились 9 осадныхъ же амбаровъ, поставленныхъ посадскими и волостными крестьянами для „осаднаго времени“, когда въ нихъ складывали, для большей сохранности, товары и цѣнное имущество.

Для опредѣленія общаго количества городскаго населенія въ 1630 году, мы имѣемъ слѣдующія данныя: 1) изъ 772 жилыхъ дворовъ въ 689-ти (тяглыхъ) находилось 838 человѣкъ, разумѣется, однихъ взрослыхъ мужчинъ, такъ какъ женщины и подростки въ писцовыя книги невносились. Если же принять, что въ каждомъ изъ этихъ дворовъ помѣщалось семейство, состоявшее среднимъ числомъ изъ 4-хъ душъ, то мы найдемъ, что въ тяглыхъ дворахъ было 3352 души обоего пола и всякаго возраста; 2) въ 83-хъ (не тяглыхъ) дворахъ число жителей вовсе не указано, но если мы по предыдущему примѣнимъ здѣсь тотъ же составъ двора, то получимъ въ нихъ 332 души; 3) затѣмъ намъ извѣстно, что въ Устюгѣ было 50 стрѣльцовъ; если семейный составъ ихъ, какъ людей захожихъ и военныхъ,

---

[1]) Осадными дворами назывались тѣ, которые служили убѣжищемъ во время непріятельскаго нападенія.

уменьшить вдвое противъ постоянныхъ обывателей, то получимъ 100 душъ.

Подведя общій итогъ, найдемъ, что населеніе Устюга доходило тогда приблизительно до 3,784, или вѣрнѣе, до 3,500 человѣкъ обоего пола и всякаго возраста.

II.

Перечень церквей на городскомъ посадѣ и въ слободахъ. Церкви: Соборная, Успенская и во имя Св. Прокопія Устюгскаго. Число дворовъ бѣлаго духовенства, дворы монастырскіе. Монастыри: Архангельскій, Ивановскій и Спасскій—Дѣвичій.

Въ 1630 году, въ Великомъ Устюгѣ было 27 церквей, изъ нихъ двѣ соборныя: одна въ городищѣ,—во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, - деревянная, построенная *клѣтски* [1]), съ двумя предѣлами—- во имя Чуда Архистратига Михаила и Великомученицы Екатерины; другая въ большомъ острогѣ—во имя Успенія Пресвятыя Богородицы,—каменная, пятиглавая, съ предѣлами Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи и преподобнаго Михаила Малеина. Этотъ предѣлъ помѣщался на хорахъ („вверху—на полатехъ"). Успенскій соборъ былъ холонный, но при немъ имѣлась и теплая церковь во имя Безсребренниковъ Космы и Даміана—деревянная, построенная клѣтски.

Остальныя церкви распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ городищѣ одна—во имя Варлаама Хутынскаго, деревянная, построенная клѣтски, съ предѣломъ Пречистыя Богородицы. Въ большомъ острогѣ 13-ть: 1, Прокопія Праведнаго, Устюжскаго Чудотворца,—дере-

---

1) Слово клѣтски происходитъ отъ клѣть и указываетъ, что такія церкви срубались въ видѣ клѣти—невысоко, тогда какъ шатровыя возводились вверхъ.

вянная, пятиглавая, съ предѣлами во имя Бориса и Глѣба и Георгія Побѣдоносца; 2, при ней теплая церковь Алексѣя, Митрополита Московскаго, съ предѣломъ Василія Блаженнаго, Московскаго Чудотворца; 3, на Пречистенской площадкѣ церковь Происхожденія Честнаго и Животворящаго Креста Господня—съ предѣломъ Праведнаго Іоанна, Устюжскаго Чудотворца,—деревянная, шатровая; 4, при ней церковь Св. Власія—теплая, въ которой служили только зимою, и на это время утварь приносилась изъ предыдущей церкви.—На берегу Сухоны: 5, церковь Рождества Христова, съ предѣломъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы,—деревянная, построенная клѣтски; 6, Димитрія Прилуцкаго—теплая, шатровая и 7, новосозданная церковь Николая Чудотворца.—На торговой площади: 8, церковь Вознесенія Господня—деревянная, шатровая; при ней 9, теплая церковь во имя Богоявленія Господня—деревянная, построенная клѣтски, съ предѣломъ Воздвиженія Честнаго Креста; 10) новосозданная церковь во имя Воскресенія Христова, шатровая о пяти верхахъ, съ предѣлами Нерукотвореннаго образа и Царевича Димитрія; 11, при ней теплая церковь Іоанна Богослова съ предѣломъ во имя Николая Чудотворца и Іоанна Златоуста—деревянная, построенная клѣтски. 12, у Гостиннаго двора церковь Живоначальныя Троицы съ предѣломъ во имя Фрола и Лавра и при ней 13, теплая Великомученицы Варвары съ предѣломъ во имя Аѳанасія Александрійскаго—обѣ деревянныя, построенныя клѣтски.—Внѣ городскихъ укрѣпленій, въ слободахъ, было 10 церквей. Въ Мироносицкомъ сельцѣ: 1) Срѣтенія Господня—холодная, деревянная, построенная шатромъ; при ней 2, теплая святыхъ Женъ Мироносицъ—тоже деревянная, шатровая. Въ Петровской улицѣ: 3, теплая церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы—деревянная, по-

строенная клѣтски; 4, при ней церковь во имя св Апостолъ Петра и Павла—холодная. На берегу Сухоны: 5, Симеона Столпника - холодная и 6, Василія Кесарійскаго—теплая, обѣ деревянныя, шатровыя; 7, холодная церковь пророка Иліи—деревянная, шатровая; при ней 8, теплая во имя Зосимы и Савватія—деревянная, построенная клѣтски. Въ Дымковѣ слободѣ: 9, церковь во имя Димитрія Селунскаго—деревянная, шатровая; при ней 10, теплая, деревянная же Сергія Радонежскаго, построенная клѣтски.

Изъ предыдущаго видно—во-первыхъ, что изъ 27-ми Устюжскихъ церквей только одна была каменная, остальныя всѣ—деревянныя, построенныя клѣтски или шатромъ, при чемъ замѣчается, что по первому типу устроены большею частію теплыя, а по второму холодныя церкви. Это весьма легко объясняется тѣмъ, что шатровыя церкви возводились высоко, и отапливать ихъ было-бы очень затруднительно. Во вторыхъ, изъ перечисленныхъ церквей только 15 были самостоятельны, остальныя 12 хотя и были выстроены отдѣльно, но состояли при другихъ церквахъ, слѣдовательно въ Устюгѣ того времени было 15 приходовъ, изъ которыхъ въ 3-хъ находилось по одной, а въ 12-ти по двѣ церкви

Такое обиліе церквей въ немноголюдномъ Устюгѣ даетъ право заключать, что жители его отличались любовію къ созиданію и—какъ увидимъ далѣе—къ украшенію храмовъ. Изъ нихъ особымъ благолѣпіемъ и богатствомъ утвари отличались церкви соборная Успенская и во имя св. Прокопія Устюжскаго, покровителя города. Въ главномъ предѣлѣ Успенскаго собора царскія двери были рѣзныя, золоченныя, а противъ нихъ такой же амвонъ; по правую сторону ихъ помѣщались четыре мѣстные образа: 1) Пречистыя Богородицы Одигитріе—въ

кіотѣ, обложенъ серебромъ, „возглавіе“ [1]) унизано жемчугомъ и украшено дорогими камнями; вѣнцы рѣзные съ разноцвѣтными камнями и *вѣслымъ* жемчугомъ; по сторонамъ (полямъ) образа помѣщались изображенія святыхъ, украшенныя рѣзными вѣнцами и такими же гривнами [2]). Кромѣ того на образѣ на гайтанѣ были привѣшены 8 крестовъ серебряныхъ каменныхъ и раковинныхъ [3]), шесть иконъ, обложенныхъ сканнымъ серебромъ, и три ручки серебряныя [4]), вызолоченныя, съ дорогимъ каменьемъ и жемчугомъ. Пелена [5]) у этого образа была очень богато изукрашена: на ней по тафтѣ были вышиты разноцвѣтными шелками — вверху образъ Живоначальныя Троицы, внизу — Преч. Богородицы; у перваго возглавіе унизано жемчугомъ и вѣнецъ шитъ золотомъ; у втораго возглавіе изъ камки, и надъ нимъ деисусъ [6]) — вышитъ золотомъ и серебромъ. На кіотѣ висѣлъ камчатный убрусъ (полотенце), съ краями, унизанными жемчугомъ. Слѣдующій образъ — Успеніе Преч Богородицы обложенъ серебромъ, съ вызолоченными вѣнцами, украшенными камнями и жемчугомъ; кромѣ того на образѣ находились 9 серебряныхъ вызолоченныхъ гривенокъ и аспидный крестъ въ окладѣ изъ позолоченнаго серебра.

---

1) Т. е. верхняя часть иконы, около главъ Преч. Богородицы и Предвѣчнаго Младенца.

2) Привѣски у иконъ разныхъ формъ и металловъ.

3) Вѣроятно перламутровыхъ.

4) Такъ я понимаю привѣску, названную въ сотной книгѣ лапою Въ обычаѣ и теперь у простонародья, въ случаѣ болѣзни рукъ или ногъ,—отливать изъ металловъ изображенія этихъ членовъ и помѣщать въ видѣ привѣсокъ у иконъ, особенно чтимыхъ.

5) Пеленами назывались матерчатыя подвѣсы внизу иконъ.

6) Отъ греческаго слова Деисусъ „моленіе“. Такъ называлась въ древности икона съ изображеніемъ въ срединѣ Спасителя, по сторонамъ Бож. Матери и Іоанна Предтечи. Но этимъ же словомъ называлось еще и собраніе иконъ поставленныхъ въ храмѣ надъ мѣстными—въ одинъ или нѣсколько рядовъ. —См. Н. И. Суворова: Описаніе Заоник. пустыни, стр. 13.

Пелена у образа была лазореваго бархата съ вышитымъ золотомъ крестомъ. Третій мѣстный образъ Софіи, Премудрости Божіи, четвертый „Предста Царица“, — у нихъ 14 вѣнцовъ, да 6 гривенъ съ привѣсками изъ вызолоченнаго чеканнаго серебра, со вставками изъ камней и хрусталя; пелены у образовъ были изъ нѣмецкой выбойки.

По другую сторону царскихъ дверей первый образъ — Преч. Богородицы „съ дѣяньемъ“ [1]), въ серебряномъ окладѣ, вѣнцы и гривна изъ чеканнаго серебра, и въ нихъ вставлены 20 разноцвѣтныхъ камней; возглавіе унизано жемчугомъ. На гайтанѣ привѣшены 8 крестовъ серебряныхъ и каменныхъ, обложенныхъ сканнымъ серебромъ. Второй образъ Спаса Вседержителя — „на золотѣ“ [2]); вѣнецъ и гривна изъ чеканнаго серебра, вызолочены, и въ нихъ вставлены 10 разноцвѣтныхъ камней; пелена при образѣ изъ выбойки съ тафтянымъ крестомъ. Третьимъ въ ряду былъ большой образъ „Апостольское дѣянье“ — на краскѣ, безъ всякихъ украшеній. За нимъ помѣщались восемь небольшихъ образовъ, повидимому, соединенныхъ въ одномъ кіотѣ; всѣ они были писаны на золотѣ, у нихъ 16 вѣнцовъ и гривенъ серебряныхъ и вызолоченныхъ. Передъ мѣстными иконами стояли 13 свѣчъ, росписанныхъ красками, а передъ чудотворной иконой Богородицы висѣла лампада съ неугасимой свѣчей.

Надъ царскими дверями помѣщался „Деисусъ большой“: во второмъ ряду иконостаса, — надъ мѣстными иконами, — изображенія праздниковъ, въ третьемъ — пророковъ, въ четвертомъ — праотцевъ, причемъ у каждаго

---

1) Т. е. съ изображеніемъ событій изъ жизни Пресв. Богородицы.

2) Иначе: по вызолоченному фону. Менѣе окрашенными считались тѣ иконы, у которыхъ фонъ и самыя изображенія были писаны красками; онѣ такъ и назывались: иконы на краскѣ.

образа имѣлось по гривнѣ серебряной и вызолоченной. Предъ Деисусомъ висѣли три паникадила: большое, среднее и малое; въ большомъ 24 свѣчи, росписанныя красками; на немъ же, на одной сторонѣ,—изображеніе Нерукотвореннаго образа, на другой—Пречистыя Богородицы—въ серебряномъ окладѣ, съ 5 вѣнцами и 3 гривнами изъ сканнаго позолоченнаго серебра. Въ алтарѣ запрестольный образъ Богородицы выносной, по этому изображеніе Божіей Матери находилось на обѣихъ сторонахъ доски („на оба лица"), обложены золоченнымъ серебромъ съ 4-мя такими же вѣнцами и двумя гривнами украшенными разноцвѣтными камнями; за престоломъ же крестъ выносной, писанъ на золотѣ; на жертвенникѣ образъ Пречистыя Богородицы также писанъ на золотѣ, а у него двѣ гривны серебряныя, вызолоченныя. На престолѣ: 4-е рѣзныя панагіи съ изображеніями праздниковъ владычныхъ и богородичныхъ, обложены серебромъ; одна съ мощами; крестъ „благословенной" въ окладѣ изъ сканнаго серебра съ камеьями; два креста деревянные, рѣзные, по концамъ обложены серебромъ; четыре евангелія: 3 печатныя и одно письменное—обложены позолоченнымъ серебромъ, на одномъ распятіе и евангелисты серебряные, литые, вызолочены. Сосуды церковные: потиръ, дискосъ, лжица, звѣзда, 2 блюда, ковшъ и кадило—серебряные; другіе сосуды оловянные; третьи—деревянные. „Воздухъ" большой съ изображеніемъ положенія во гробъ, два воздуха не большіе,—всѣ шиты золотомъ, серебромъ и шелками; два кадила, два укропника, два ковшика—мѣдные; чаша мѣдная же, луженая—въ ведро для освященія воды; такая же миса, два блюда оловянныя и чашка—„кандія булатная". Церковная ризница изобиловала священными облаченіями. Ризы служебныя—камчатныя съ оплечьями изъ золотнаго атласа; епитрахиль и поручи атласные съ серебряными

пуговицами; двои ризы миткалинныя съ оплечьями золотнаго бархата; пятеры ризы полотнянныя, съ оплечьями изъ бархатели; ризы траурныя („постныя“) миткалинныя, оплечья камкасейныя. Четыре сулка, 4-же ширинки—шиты золотомъ съ шелковыми кистями, 2 пояса шелковые; напрестольный покровъ изъ темнокрасной тафты съ зелеными каймами и пять матерчатыхъ покровцевъ. Въ книгохранительницѣ имѣлись слѣдующія богослужебныя книги: два апостола, евангеліе толковое воскресное, двѣ тріоди (постная и цвѣтная), два октоя, двѣ псалтири, 12 миней мѣсячныхъ, одна общая, три пролога, книга „Златоустъ“, 4-е „соборника четьихъ“ (т. е сборники изъ четьи-минеи), два канонника, ирмологій, стихиры, часословъ и два трифологія—всѣ печатные. Письменныхъ было менѣе: евангеліе повседневное толковое, уставъ, псалтырь, 3 минеи мѣсячныя.

Въ предѣлѣ Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи двери царскія на краскѣ; образъ мѣстный Іоанна Предтечи—„большая пядница“ [1]) въ серебряномъ окладѣ, на немъ два вѣнца изъ сканнаго серебра: одинъ съ дорогими камнями, другой съ финифтью, и 6 чеканныхъ серебряныхъ гривенъ со вставками; по другую сторону царскихъ дверей образъ Пречистыя Богородицы—на золотѣ; надъ дверями Деисусъ—образа на краскѣ. Въ предѣлѣ Св. Михаила Малеина двери царскія на краскѣ; по одну сторону ихъ образъ преподобнаго Михаила обложенъ серебромъ, вѣнецъ и гривна чеканные; по другую—образъ Пресвятыя Богородицы на золотѣ; надъ царскими дверями Деисусъ писанъ на краскѣ.

Въ церкви Прокопія праведнаго царскія двери рѣз-

1) Пядницами назывались иконы мѣрою въ пядень, или въ четверть. Онѣ раздѣлялись на большія, среднія и меньшія. —Описаніе Заоникіевой пустыни Н. И. Суворова, стр. 14.

ныя, золочены, надъ ними Деисусъ, а въ немъ 21 образъ—обложены чеканною вызолоченною мѣдью. Надъ Деисусомъ въ первомъ ряду изображенія праздниковъ 22 образа, во второмъ—пророковъ, поясные 21 образъ, въ третьемъ праотцевъ 27 образовъ; всѣ 70 иконъ писаны на золотѣ, а вверху надъ праотцами образъ Нерукотворенный съ ангелами. По сторонамъ царскихъ дверей образа мѣстные: 1) Всемилостиваго Спаса обложенъ чеканнымъ серебромъ, подъ золотомъ, вѣнецъ серебряной рѣзной, золоченъ; 5 гривенъ серебряныхъ чеканныхъ и позолоченныхъ съ разноцвѣтными камнями. Пелена у образа камчатная съ опушкою изъ желтаго бархата; крестъ вышитъ серебромъ. Противъ Спасова образа находилась гробница Прокопія праведнаго, обложенная желтою камкою съ темно-красными каймами; передъ ней лампада съ неугасимой свѣчей. Гробница была покрыта пятью покровами, положенными одинъ на другомъ: нижній--изъ двоеличной камки, второй—чернаго бархата, края опушены темно-красною камкою; на немъ крестъ и дадпись вышиты серебромъ—и 46 „плащей“ серебряныхъ и вызолоченныхъ; третій атласный темнокраснаго цвѣта, съ жемчужнымъ крестомъ; четвертый изъ желтой камки съ крестомъ изъ серебрянаго атласа; пятый—наружный покровъ былъ изъ алой тафты, а на немъ образъ Прокопія чудотворца вышитъ разноцвѣтными шелками, а вѣнецъ—золотомъ. На гробницѣ находился образъ праведнаго Прокопія въ окладѣ изъ чеканнаго серебра, вѣнецъ, гривна и цата -рѣзные, вызолочены и украшены 10-ю разноцвѣтными камнями. Кругомъ гробницы рѣшетка желѣзная, луженая. Второй мѣстный образъ Пречистыя Богородицы и прав. Прокопія „въ моленіи“ (т. е. въ молитвенномъ положеніи), „да въ облакѣ Спасовъ образъ“ на одной дскѣ, обложенъ рѣзнымъ серебромъ, вѣнцы сканные, золочены; у Преч. Богородицы и у прав. Проко-

пія возглавіе низано жемчугомъ, цаты съ серебряными вызолоченными провѣсками: пелена изъ чернаго рытаго бархата, окаймлена лазоревою камкою, а крестъ низанъ жемчугомъ. 3) образъ Благовѣщенія „съ тропари, кондаки и съ икосы“, во облакѣ Господь Саваоѳъ, обложенъ чеканнымъ серебромъ, вѣнцы и гривна серебряные, вызолочены; пелена—камка желтая 4) Образъ прав. Прокопія „въ моленіи“, съ дѣяньемъ, въ облакѣ Преч. Богородица съ предвѣчнымъ Младенцемъ, обложенъ чеканнымъ серебромъ, вѣнцы и цаты съ подвѣсками вызолочены и украшены 29 разноцвѣтными камнями; пелена изъ желтой камкасеи. 5) Образъ Іоанна Богослова съ дѣяньемъ на золотѣ; 6) образъ прав. Прокопія обложенъ чеканнымъ серебромъ съ золоченнымъ вѣнцомъ; 7) образъ того же святаго и Варлаама Хутынскаго на одной дскѣ, въ облакѣ изображеніе Спасителя, обложенъ чеканнымъ серебромъ, съ золочеными вѣнцами и серебряными гривнами, въ которыхъ заключались 6 дорогихъ каменьевъ [1]). Шесть предыдущихъ иконъ были заключены въ одномъ деревянномъ кіотѣ, обложенномъ оловомъ и вызолоченномъ. По другую сторону царскихъ дверей: 1) образъ Преч. Богородицы Одигитріи обложенъ позолоченною мѣдью, вѣнцы и гривны серебряные, вызолочены; на иконѣ привѣшены были 4 серебряные креста и 3 иконы, обложенныя вызолоченнымъ серебромъ; пелена зеленая, камкасейная; около образа кіотъ деревянный, обложенъ оловомъ. 2) Подлѣ сѣверныхъ дверей [2]) образъ Алексѣя митрополита съ дѣяньемъ обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнецъ и гривна рѣзные, золочены, съ 6 драгоцѣнными камнями; пелена изъ бархатели. 3) Преч.

---

1) Такой же образъ находился на аналоѣ.

2) На самыхъ дверяхъ былъ изображенъ Благоразумный разбойникъ—на краскѣ.

Богородицы и праведнаго Прокопія въ моленіи, въ облакѣ образъ Спасителя, на одной дскѣ, обложенъ чеканнымъ серебромъ, вѣнцы и гривна вызолочены, съ 17 дорогими камнями; пелена тафтяная. 4) Николая Чудотворца—рѣзной, въ кіотѣ съ притворами, на которыхъ изображено житіе святителя. 5) Преч. Богородицы Одигитріи—на золотѣ. 6) Преч. Богородицы и праведнаго Прокопія въ моленіи, съ дѣяньемъ, середина обложена чеканнымъ серебромъ, вѣнцы и гривна вызолочены. 7) Николая Чудотворца съ дѣяньемъ—на краскѣ, вѣнецъ и гривна серебряные, вызолочены. 8) Священно-мученика Власія и Георгія Побѣдоносца—на одной дскѣ съ дѣяньями обоихъ святыхъ; вѣнцы и гривны изъ позолоченнаго серебра. 9) Пречистыя Богородицы—на золотѣ, съ чеканною гривною, которую украшали 3 камня. 10) Праведнаго Прокопія—на краскѣ, у образа двѣ серебряныя гривны. Предъ иконами находились девять свѣчъ большихъ, росписанныхъ разными красками,—въ подсвѣчникахъ изъ „нѣмецкаго“ желѣза, и висѣли 8 паникадилъ мѣдныхъ: одно большое о 12-ти шандалахъ съ подвѣскою въ видѣ яйца и шелковой кистью, 2 среднихъ и 5 малыхъ.

Въ алтарѣ престольная одежда изъ „зендени“; на престолѣ находились: евангеліе Московской печати съ заставками, писанными золотомъ; обѣ дски, распятіе и евангелисты обложены чеканнымъ серебромъ, вызолочены и украшены 6 драгоцѣнными камнями и двумя перламутровыми вставками; другое евангеліе—литовской печати, распятіе и евангелисты изъ чеканнаго серебра; третье—письменное; распятіе и евангелисты также серебряные. За престоломъ: 1) крестъ „воздвизальный“—обложенъ серебромъ, распятіе—серебряное, литое, украшенное 4-мя драгоцѣнными камнями; 2) образъ Пречистыя Богородицы—въ серебряномъ окладѣ, вѣнцы и ца-

ты рѣзные, золочены; въ нихъ 3 камня зеленые да 5 темно-красныхъ; на другой сторонѣ этого образа написаны святые: Алексѣй Митрополитъ, Василій Блаженный, Прокопій и Іоаннъ Устюжскіе,—въ серебряномъ окладѣ, вѣнцы и гривны, - рѣзные, вызолочены; пелена у образа съ одной стороны изъ вишневаго атласа съ серебрянымъ крестомъ, съ другой—темнокрасная съ вишневыми каймами и серебрянымъ же шитымъ крестомъ.

На жертвенникѣ: образа Благовѣщенія и Усѣкновенія Іоанна Предтечи—на золотѣ; Воплощенія (Знаменія) Пресвятыя Богородицы—на краскѣ, съ серебряною гривною. Потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица и кадило—серебряные; двои сосуды—оловянные, два кадила, чаша и 3 блюда—мѣдныя, двѣ чаши „булатныя“ и два блюдца оловянные; въ ризницѣ: двои ризы изъ бѣлой адамашковой камки съ оплечьями изъ золотнаго атласа, стихарь дьяконской камчатной съ бархатнымъ оплечьемъ, такія же поручи и орарь; ризы изъ бѣлаго атласа съ оплечьемъ рытаго темно-краснаго бархата. Ширинка бѣлая, тафтяная, шита золотомъ и серебромъ; три ширинки миткалинныя также вышиты золотомъ и серебромъ, съ шелковыми кистями; покровъ изъ темнокрасной камки съ зелеными каймами. Церковныя книги на половину были печатныя (евангеліе толковое, 3 апостола, 2 октоя, псалтирь, часословъ, три тріоди, минея общая и 7 миней мѣсячныхъ), на половину письменныя: 2 октоя, псалтирь, минея общая, 2 соборника, житіе и празднество Св. Прокопія, стихиры, синоксарь, трифологій, „богородичникъ“ и 7 миней мѣсячныхъ.

При церкви Прокопія чудотворца имѣлась колокольня, рубленная „шестирикомъ“, т. е. о шести стѣнахъ, а на ней 6 колоколовъ, вѣсъ которыхъ не обозначенъ.

Въ большомъ острогѣ и за острогомъ по слободамъ находилось 58 дворовъ, принадлежавшихъ лицамъ бѣла-

лаго духовенства, въ томъ числѣ 2 двора протопоповъ, 1 ключаря, 30 священническихъ, 7 дьяконскихъ, 6 дьячковыхъ, 11 пономарскихъ и 1 просвирни. Земельное пространство дворовъ священническихъ и причетническихъ было не одинаково, и размѣръ двора не всегда соотвѣтствовалъ рангу хозяина, такъ что иногда у священника онъ былъ менѣе дьяконскаго. Привожу здѣсь нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Дворъ Пречистенскаго протопопа Василія Кондратьева, имѣлъ въ длину 20, поперегъ $6^1/_2$ саженъ [1]); дворъ Пречистенскаго же священника 27 саженъ въ длину и $5^3/_4$ поперегъ; дворъ священника Прокопіевской церкви—20 саж. въ длину и $6^1/_2$ поперегъ; дворы той же церкви: дьякона—въ длину 20, поперегъ 5 саженъ, дьячка—въ длину $9^1/_4$, поперегъ 6 саженъ; дворъ дьякона при церкви св. Іоанна Юродиваго—въ длину 34, поперегъ $2^1/_2$ сажени; той же церкви пономаря въ длину 29, поперегъ 4 сажени; дворъ Ильинскаго дьячка—въ длину $27^1/_2$, поперегъ 3 сажени; дворъ Никольскаго пономаря—въ длину 14, поперегъ $4^1/_2$ сажени.

Монастырскихъ дворовъ (или подворій) въ городѣ было 10, два двора монастырскихъ служекъ и 4-е дворовыя мѣста. Мѣстному Архангельскому монастырю принадлежали 4 двора (одинъ жилой—въ длину 24, поперегъ $4^1/_4$ сажени, 2 осадныхъ и пустой) и 2 дворовыя мѣста. Дворъ Соловецкаго монастыря „на пріѣздъ и для мірскаго обиходу“—въ длину $27^1/_4$, поперегъ 24 сажени; 2 двора Никольскаго монастыря „на пріѣздъ игумену съ братіею“—въ длину $10^1/_4$, поперегъ $4^1/_4$ сажени; дворъ Троицкаго монастыря, что на Гляденѣ, тоже для пріѣзда игумена, въ длину 22, поперегъ

1) Выраженіе: въ длину—означаетъ мѣру отъ улицы въ глубь двора, а поперегъ—мѣру по протяженію улицы.

$6^3/_4$ сажени; дворъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря въ длину $65^1/_2$, поперегъ 7 саженъ; дворъ Ростовскаго митрополита Варлаама „на пріѣздъ десятильникомъ [1])— въ длину $17^1/_2$, поперегъ 15 саженъ. Монастыри Троицко-Сергіевъ и Печенгскій владѣли на Никольской улицѣ двумя дворовыми мѣстами, на которыхъ хоромнаго строенія не было.

За острогомъ, противъ Архангельскихъ воротъ, находился монастырь Архангельскій, а въ немъ церковь во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы—деревянная, теплая, съ трапезою, строена шатромъ на подклѣтѣ. При ней деревянная же шатровая колокольня, на которой было 9 колоколовъ—большихъ, среднихъ и зазвонныхъ—и желѣзные боевые часы. Въ монастырѣ находились 21 келья братскихъ, а въ нихъ братій 125 старцевъ; келья архимандрита Варлаама, кельи келарская и казначейская да 3 кельи больничныхъ. За монастырскою оградою стояли дворы: конюшенный, скотій и два жилыхъ, изъ которыхъ въ одномъ жили монастырскіе служебники и служки, а въ другомъ церковные дьячки и мастеровые люди.

По зади Архангельскаго монастыря, на горѣ—подъ боромъ, стоялъ монастырь Ивановскій. [2]) Въ немъ церковь во имя Іоанна Предтечи—холодная, да теплая во имя трехъ Святителей,—обѣ деревянныя, шатровыя. Монастырскихъ келій здѣсь было не много: братскихъ всего три, четвертая больничная, однако въ нихъ помѣщались 30 старцевъ; затѣмъ 4-е кельи монастырскаго началь

---

1) Т. е. митрополичьимъ чиновникомъ. До 1682 года В. Устюгъ входилъ въ составъ Ростовской эпархіи, а въ этомъ году учреждена Великоустюжская эпархія. (Устюжскій лѣтописецъ, стр. 122).

2] Нынѣ это—Іоанно Предтечевъ дѣвичій монастырь. (См. Описаніе его стр. 3, составленное протоіереемъ А. Поповымъ. Вологда, 1877).

ства: игумена Іереміи, строителя, келаря и казначея. За монастырскою оградою находились: дворъ конюшенный, въ которомъ жили служки и служебники; дворъ скотій, гдѣ жили монастырскіе „дѣтеныши“, и дворъ гостинный для пріѣзжихъ людей.

За острогомъ же, противъ Спасскихъ воротъ, находился монастырь Спасскій—дѣвичій; въ немъ холодная церковь во имя Преображенія Господа нашего Іисуса Христа—деревянная, шатровая, да теплая во имя Срѣтенія Господня—деревянная же, построена клѣтски. Въ церквахъ образы, книги, ризы, сосуды и всякое церковное строеніе было мірское—приходныхъ людей, слѣдовательно этотъ монастырь былъ приходскій, какихъ нынѣ уже не встрѣчается на руси. Въ монастырѣ было 13 келій; въ одной изъ нихъ жила игуменья Мароа, въ остальныхъ находились 54 старицы „Кормившіяся въ міру Христовымъ именемъ“.

III.

Принадлежности Управленія: дворы начальныхъ людей и земскіе; избы: съѣзжая, схожая. таможенная, кабацкая и сторожевая; Тюрьмы. Средства городской защиты: зелейный дворъ и артиллерійскій запасъ. Служилые люди: подъячіе и стрѣльцы.

Въ большомъ острогѣ, близъ церкви Рождества Христова, на берегу Сухоны, находились дворы: воеводскій—въ длину 32½, поперегъ 30 саженъ, и дьячій—на пріѣздъ дьякамъ и приказнымъ людямъ—въ длину 29, поперегъ 14¼ саженъ. На Богословской площади, въ томъ же острогѣ, стояли избы: *съѣзжая*, куда пріѣзжали воеводы и дьяки для отправленія государевыхъ дѣлъ и земскія расправы; *таможенная* и *кабацкая*, гдѣ засѣдали таможенные головы и цѣловальники, собиравшіе ежегодно всякіе государевы таможенные и кабацкіе до-

ходы и *схожая*, въ которой собирались посадскіе земскіе судьи, старосты и цѣловальники—для отправленія всѣхъ земскихъ дѣлъ [1]). На случай пріѣзда въ Устюгъ гонцовъ, посланниковъ и вообще „государевыхъ пріѣзжихъ людей"—на городскомъ посадѣ, въ разныхъ мѣстахъ, находилось 10 дворовъ земскихъ или *мірскихъ*, названныхъ такъ, конечно, потому, что они были устроены и содержались на земскій счетъ.

Въ городищѣ, или старой осыпи, вблизи Спасскихъ воротъ, стояли три тюрьмы: *опальная*, *бражная* и *разбойно-татинная*, предназначавшіяся для заключенія преступниковъ различныхъ категорій. Въ первую сажали служилыхъ людей, подпавшихъ государевой опалѣ, во вторую гулякъ и бражниковъ, такъ что примѣнительно къ современнымъ понятіямъ, опальная тюрьма можетъ быть названа гауптвахтой, бражная—полицейской частью, и лишь разбойная была собственно тюрьмой для уголовныхъ преступниковъ. Близь тюремъ находилась *сторожевая изба*, въ которой жили тюремные сторожа.

Въ городищѣ же помѣщался дворъ государевъ *зелейный* (пороховой), огороженный тыномъ, въ длину $13^3/_4$, поперегъ $4^1/_2$ сажени. Здѣсь хранился крѣпостной нарядъ (артиллерія) въ слѣдующемъ составѣ: 2 полуторныя пищали [2]) желѣзныя, нѣмецкаго издѣлія, обѣ—по 12 четвертей въ длину, въ станкахъ на колесахъ; ядеръ къ нимъ не имѣлось, а нужно было по калибру къ одной въ 8, а къ другой въ 7 гривенокъ [3]) вѣсомъ ядъ-

---

1) На той же площади находились двѣ богадѣленныя избы, поставленныя міромъ, въ которыхъ жили нищіе люди, питавшіеся въ міру.

2) Подъ „пищалями" надобно разумѣть разныхъ формъ и величинъ пушки; онѣ бывали въ станкахъ, на колесахъ, т. е. на лафетахъ.

3) Гривенка была не много болѣе ½ фунта.

ро. Пищаль желѣзная, нѣмецкаго издѣлія, 10 четвертей, на колесахъ; ядеръ къ ней не было, а требовалось ядро вѣсомъ въ 6 гривенокъ. Двѣ пищали желѣзныя нѣмецкаго издѣлія: одна въ 9, другая въ 8 четвертей—на колесахъ же; къ нимъ имѣлось 62 ядра желѣзныхъ, вѣсомъ каждое въ 4-ре гривенки. Пять пищалей желѣзныхъ нѣмецкаго издѣлія: одна 7, а 4-ре по 8 четвертей—на колесахъ; ядеръ для нихъ не было, а нужно было по размѣру въ 3 гривенки ядро. Двѣ пищали желѣзныя, нѣмецкаго дѣла, по 8 четвертей—на колесахъ; къ обѣимъ—488 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; 5 пищалей—„волконеекъ",—желѣзныя, нѣмецкаго издѣлія, длиною въ 9 четвертей; 4-ре пищали на колесахъ, а 5-я пищаль горѣлая—испорчена; къ нимъ 280 ядеръ, каждое вѣсомъ по полугривенкѣ. Двѣ пищали полковыя желѣзныя—русскаго издѣлія, длиною 7 четвертей; ядеръ къ нимъ не было, а нужно было по вѣсу въ гривенку ядро. Двѣ пищали „скорострѣльныя"—нѣмецкаго дѣла, съ зарядами: одна 5-ти, другая 4-хъ четвертей. Четыре *тюфяки* [1]) мѣдныя, по 3 четверти каждая; *дробу* (картечи) къ пищалямъ и тюфякамъ было 4 пуда, да къ тюфякамъ же 150 ядеръ каменныхъ. Двѣ пищали мѣдныя, не долиты, мѣстнаго устюжскаго издѣлья: одна 6, другая 5 четвертей; стрѣлять изъ нихъ было можно, но пригодныхъ ядеръ не имѣлось, а нужны были ядра вѣсомъ по $2^1/_2$ гривенки каждое. Двѣ пищали затинныя [2])—мѣдныя, въ ложахъ, московскаго издѣлія: одна $5^1/_2$, другая 3-хъ четвертей; 128 пищалей затинныхъ желѣзныхъ, устюжскаго издѣлія, по 7 четвертей каждая; 16 такихъ же пищалей по $5^1/_2$ четвер-

1) Пушки небольшаго размѣра.

2) Т. е. застѣнныя, помѣщавшіяся не на стѣнѣ, а за нею—въ бойницахъ, или крѣпостныхъ амбразурахъ.

тей, всѣ въ ложахъ; къ нимъ желѣзныхъ пулекъ $12^3/_4$ пуда. Девяносто три пищали ручныя (ружья) съ жаграми [1]) (т. е. безъ замковъ), русскаго издѣлія, въ ложахъ и безъ ложъ; 72 самопала [2]) нѣмецкой работы, съ замками; 9 пищалей затинныхъ, изъ которыхъ стрѣлять было нельзя. Сто одно ядро для полковыхъ пищалей, вѣсомъ по $1^1/_2$ гривенки каждое, не подходившія по калибру ни къ одной пищали. Каракулекъ [3]) желѣзныхъ изъ казеннаго желѣза $1^1/_2$ пуда; сдѣланы онѣ были въ 1619 году для отраженія польскихъ и литовскихъ людей.

Въ зелейномъ же дворѣ находился сосновый погребъ, поставленный мірскими людьми, въ длину 3-хъ, поперегъ $2^1/_2$ саженъ, въ которомъ хранился порохъ (зелье) въ количествѣ 84 пудокъ 12 гривенокъ и 33 пуда 30 гривенокъ свинцу.

Въ 1630 году мы встрѣчаемъ мало служилыхъ людей въ Великомъ Устюгѣ. Я думаю объяснить это тѣмъ, что самоуправленіе, дарованное Иваномъ Грознымъ сѣвернымъ городскимъ и сельскимъ общинамъ, продолжало существовать здѣсь въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, по этому воеводско-приказное управленіе и не успѣло еще получить того развитія, какимъ отличалось впослѣдствіи. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ Устюгѣ, каки мы видѣли, были *выборные земскіе судьи* и *цѣловальники*, чего около этого времени не было уже не только въ городахъ центральной Руси, но даже въ Вологдѣ. Какъ бы то ни было, но изъ приказнаго люда мы находимъ въ Устюгѣ того времени только 8 подъячихъ, изъ которыхъ 7 служили въ съѣз-

---

3) Жагра или пальникъ—особое орудіе, приспособленное для запаливанія огнестрѣльныхъ орудій.

4) Огнестрѣльное оружіе:—пищаль съ замкомъ.

5) Желѣзныя рогульки, которыя кидали подъ ноги непріятельскихъ лошадей.

жей избѣ и одинъ въ таможнѣ. Дворы ихъ, числомъ восемь же, находились въ большомъ острогѣ и въ Петровской слободѣ и были довольно обширны сравнительно съ дворами вологодскихъ подъячихъ. Вотъ напримѣръ дворъ Третьяка Гнилякова: въ длину 48, поперегъ 4 сажени; дворъ Максима Хомякова—въ длину 27½, поперегъ 4 сажени.

Наиболѣе важнаго класса служилыхъ того времени—помѣщиковъ мы вовсе не находимъ въ Устюгѣ. Изъ ратныхъ людей встрѣчаются одни стрѣльцы, которыхъ было 50 человѣкъ; начальствовалъ надъ ними пятидесятникъ Аѳанасій Чесноковъ. При писцахъ они жили еще на городскомъ посадѣ „врознь по своимъ дворамъ", но по государеву указу дворы ихъ велѣно было отсюда „снести" въ нарочито отведенную на Симановѣ полянкѣ стрѣлецкую слободку. Въ ней было предназначено 5 улицъ, по 10-ти дворовъ въ каждой, и подъ каждый дворъ съ огородомъ отведено мѣсто въ длину 5, поперегъ 4 сажени, не безъинтересно, что улицы въ слободкѣ названы были по фамиліямъ начальныхъ стрѣлецкихъ людей: улица Чеснокъ—по пятидесятнику Чеснокову; улицы: Вострая, Прахова, Бальчуха и Шилова по прозвищамъ десятниковъ: Ивана Вострова, Ивана Прахова, Бажена Бальчухи и Якова Шилова.

Кромѣ подъячихъ и стрѣльцовъ, въ сотной книгѣ упоминаются 7 приставовъ, изъ которыхъ 4 служили при съѣзжей избѣ; 8 площадныхъ дьячковъ, нѣсколько тюремныхъ сторожей и по сторожу при съѣзжей и таможенной избахъ. Но этихъ лицъ едва ли можно причислять къ разряду служилыхъ, потому что пристава, по всей вѣроятности, были люди выборные, исполнявшіе свои обязанности въ видѣ повинности; тоже можно сказать и о сторожахъ, если они не были просто наемными людьми. Что же касается площадныхъ дьячковъ, то не сомнѣнно,

что ихъ занятіе,—писаніе на площадяхъ желающимъ всякаго рода отписокъ,—было дѣло совершенно частное, а не служебное. Къ такого же рода занятіямъ слѣдуетъ причислить и профессію толмача нѣмецкаго (переводчика), которую исполнялъ тогда въ Устюгѣ нѣкто Сергѣй Елисѣевъ. Былъ ли это иноземецъ, обучившійся по русски, или русскій, побывавшій въ чужихъ краяхъ,—на то указаній нѣтъ. Не лишнее замѣтить здѣсь, что толмачъ былъ нуженъ для устюжанъ потому, что городъ ихъ лежалъ на большомъ торговомъ пути отъ Архангельска къ Москвѣ, и въ немъ часто бывали торговые иноземцы.

IV.

Бѣлые и тяглые дворы: число тѣхъ и другихъ. Посадскіе тяглые: число людей и дворовъ; дворы лучшіе, средніе, молодшіе и худые; величина дворовъ. Дворовыя мѣста: число ихъ и сдача на оброкъ. Оброчныя статьи: полянки, островки и рыбкыя ловли. Занятія посадскихъ и ихъ податное обложеніе.

Городскіе обыватели въ до-Петровской Россіи дѣлились на два разряда относительно права владѣнія своими дворами. Одни изъ нихъ, владѣя дворами на правѣ собственности, не платили за нихъ никакихъ податей и сборовъ въ пользу государства. Это были такъ называемые *бѣлые* дворы духовенства и вообще служилыхъ людей, на которыхъ лежало одно *уличкое тягло*, т. е. разнаго рода сборы, шедшіе на потребности того городскаго поселенія, въ которомъ находились льготные дворы. Такихъ дворовъ въ Великомъ Устюгѣ было 80 и 6 дворовыхъ мѣстъ. Посадскіе же люди владѣли своими дворами *на правѣ тяглом*; это значитъ, что ихъ земельные дворовые участки входили въ составъ тяглой городской сотни и подлежали платежу государевыхъ по-

датей и „всѣхъ мірскихъ розметовъ, чѣмъ кого посадскіе люди въ тяглѣ обложатъ“. Тяглыхъ дворовъ на Устюжскомъ посадѣ, въ острогѣ и слободахъ, было 689, и въ нихъ жили 838 человѣкъ. Дворы эти дѣлились на лучшіе, средніе, молодшіе и худые. Лучшихъ было 13 дворовъ, и въ нихъ 23 человѣка; среднихъ 92, а людей въ нихъ 139 человѣкъ; молодшихъ 278 дворовъ, людей въ нихъ 343 человѣка; самыхъ худыхъ дворовъ было 306 съ 334-мя человѣками. Для ознакомленія съ ихъ земельными размѣрами, возьмемъ нѣсколько дворовъ посадскихъ всѣхъ разрядовъ и различныхъ профессій. Вотъ дворы торговыхъ, лучшихъ людей: 1) Безсона Денисова—въ длину 52, поперегъ $3^1/_2$ сажени; 2) Исака Ревякина—въ длину 48, поперегъ 16; Михайла и Богдана Прохоровыхъ дѣтей Березовскихъ—въ длину $23^1/_2$, поперегъ 7 саженъ. Среднихъ: дворъ Семена и Филиппа Техониныхъ, торговцевъ хмѣлемъ, въ длину 34, поперегъ $4^1/_4$ сажени; 2) Ждана Кононова, мелочнаго торговца, въ длину 42, поперегъ 4 сажени; 3) Богдана Ростовца, торговца рыбою, въ длину 34, поперегъ 3 сажени. Дворы молодшихъ: 1) Терентія Колмака, огородника, въ длину 49, поперегъ 9 саженъ; 2) крупеника Ѳедора Евсевьева въ длину $32^1/_2$, поперегъ $3^1/_2$ сажени; 3) сапожника Ивана Родіонова—въ длину 32, поперегъ 6 саженъ; 4) Василья Толстова, судоваго лоцмана, въ длину 22, поперегъ $3^1/_4$ сажени; 5) плотника Якова Михайлова—въ длину 20, поперегъ 3 сажени; серебреника Семена Берендѣева - въ длину 10, поперегъ 4 сажени. „Дворики“ самыхъ молодшихъ, или худыхъ людей: 1) Ярофея Мальцева, кормящагося міромъ, въ длину $4^1/_2$, поперегъ $3^1/_4$ сажени; 2) Петра Парамонова, тоже нищаго, въ длину 5, поперегъ 4 сажени; 3) Семена Яковлева, который „бродитъ межь дворы“, въ длину 5, поперегъ $2^1/_2$ сажени. Незастроенныхъ дво-

ровыхъ мѣстъ на городскомъ посадѣ и въ слободахъ числилось 82; изъ нихъ до писцовъ были уже отданы 17 мѣстъ посадскимъ людямъ для возведенія на нихъ двороваго строенія, остальныя 65 стояли „впустѣ“, частію потому, что хозяева ихъ были настолько бѣдны, что не могли поставить хоромъ и „бродили межъ дворы“, или потому, что ихъ уже не было на лицо. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, другіе сошли „безвѣстно“, или „забрели въ Сибирь отъ податей“, иногда отъ долговъ, заложивши свои дворовыя мѣста другимъ лицамъ, а одинъ посадскій, Брага Моисѣевъ, просто „пропилъ свое мѣсто на кабакѣ“ за два рубля, вслѣдствіе чего оно и стало *государево* (т. е. казенное), а самъ сбѣжалъ отъ долгу „безвѣстно“. Случай этотъ не безъинтересенъ: онъ показываетъ—къ какимъ аномаліямъ приводила виноторговля, производившаяся отъ казны: любой гулякa могъ тогда *пропить прямо въ казну* свое достояніе,—въ явный ущербъ благосостоянію той тяглой общины, къ которой онъ принадлежатъ, а отъ благосостоянія этихъ общинъ зависѣла бездоимочная уплата государевыхъ податей, т. е. богатство той же казны.

Кромѣ указанныхъ дворовыхъ мѣстъ, принадлежавшихъ тяглой городской сотнѣ, на окраинахъ слободскаго посада было 48 дворовыхъ мѣстъ, не входившихъ въ составъ тяглой земли, которыя сдавались въ аренду „отъ государя“ разныхъ чиновъ людямъ. Большею частію это были пахотныя мѣста, или по крайней мѣрѣ удобныя для пашни, лежавшія подъ паромъ; въ числѣ арендаторовъ ихъ мы встрѣчаемъ архимандрита Архангельскаго монастыря, нѣсколькихъ священниковъ, подъячаго и 8 человѣкъ посадскихъ, которые владѣли 28 мѣстами. Величина арендной платы обусловливалась размѣрами мѣста (онѣ бывали отъ 42 до 150 саженъ) и количествомъ

земли; наименьшая равнялась 2-мъ, наибольшая—5-ти алтынамъ въ годъ.

Въ видѣ государевыхъ оброчныхъ статей, сдавались также въ аренду *полянки, островки, рыбныя ловли и перевозы.*

Подъ „полянкою" надобно разумѣть мѣсто, расчищенное изъ подъ лѣса и обращенное въ пахоту; размѣръ ихъ въ сотной книгѣ не указанъ, но надобно думать, что онѣ вообще были обширнѣе дворовыхъ мѣстъ и лежали внѣ черты городской осѣдлости, такъ напримѣръ одна изъ нихъ находилась въ сосѣдствѣ съ посадскою подскотиною. Всѣхъ полянокъ было 8; три изъ нихъ арендовалъ Спасскій дѣвичій монастырь, 2-вѣ Архангельскій; остальныя состояли за церковными старостами церквей Петропавловской, Мироносицкой и Семіона Столпника. Это послѣднее обстоятельство наводитъ на предположеніе, что полянки арендовались отъ названныхъ церквей и обработывались въ ихъ пользу приходными людьми. Наибольшая арендная плата за полянку была 18 алтынъ 2-вѣ деньги; наименьшая—3 алтына въ годъ.

„Островками" назывались сѣнокосныя мѣста—пожни. Ихъ было всего 4-ре: островъ Коневецъ, сдававшійся въ аренду всей тяглой городской сотнѣ за 25 алтынъ въ годъ; Новоприсадный островъ (на Двинѣ) арендовалъ крестьянинъ Панфилъ Кошкодавовъ за 20 алтынъ; острова: Верхняя Изголовь и Охлябининъ находились въ арендѣ у посадскихъ людей Григорія Ременникова и Исака Ревякина, съ платою за первый рубля, за второй 16 алтынъ 4 денегъ въ годъ [1]).

---

1) Тогдашній рубль равнялся 14-ти нынѣшнимъ. [См. Изслѣдованіе Ключевскаго: Русскій рубль въ XVI—XVIII стол.; Москва, 1885 года). Въ старинномъ рублѣ было 33 алтына и двѣ деньги, въ алтынѣ 3 копѣйки, въ копѣйкѣ 2 деньги.

Рыбныя ловли были въ 3-хъ мѣстахъ: 1) на Сухонѣ —въ арендѣ у посадскаго человѣка Якима Усова за 13 алтынъ 2 деньги; 2) на озеркѣ съ истокомъ, что за Дымковою слободой, и 3) на Ивашевской курьѣ,—обѣ арендовалъ посадскій Калина Пыховъ за 10 алтынъ въ годъ.

Единственный перевозъ на р. Сухонѣ держалъ на откупу Архангельскій Архимандритъ съ братіею, платя въ государеву казну 4 рубля, 16 алтынъ и 4 деньги въ годъ.

Со всѣхъ же пяти арендныхъ статей собиралось въ годъ государева оброка 32 рубля, 3 алтына и 3 деньги.

При подворномъ перечисленіи посадскихъ людей въ сотной книгѣ указанъ также родъ занятій большинства домохозяевъ. Изъ этихъ указаній видно, что посадскіе были по преимуществу промышленные люди, и лишь весьма не значительное меньшинство ихъ оставалось безъ промысловъ и ремеслъ,—вѣроятно, тѣ, которые имѣли возможность въ предѣлахъ своего двора заняться земледѣліемъ.

По роду своей дѣятельности, промышленники посадскіе могутъ быть соединены въ нѣсколько группъ.

1) Обработкою *хлѣбныхъ продуктовъ* и *вообще изготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ* занимались: хлѣбники, пирожники, пряничники, колачники, кисельники, солоденики, крупеники, толоконники, винокуры, пивовары, квасники, мельники; далѣе идутъ: мясники, рыбные прасолы, рыболовы (среди ихъ выдѣляются удники), зеленщики, луковники и хмѣлевщики.

2) По обработкѣ вообще *сырыхъ продуктовъ* (животныхъ, древесныхъ, минеральныхъ) упоминаются: кожевники, овчинники, скорняки, кошечники, сыромятники, моржечные мастера (выдѣлывавшіе моржевыя кожи), поршевники (дѣлавшіе поршни—обувь изъ сырой кожи);

свѣчники, гребенщики; токари, ложечники, ситники, ведерники, веретенники; горшечники, волошники (дѣлавшіе волохи) и жерноковы.

3) Обработкою *металловъ* занимались: серебряники, пугвичники, пушкари—литейщики [1]), сабельные мастера, котельники и кузнецы. Посадскимъ принадлежали 47 кузницъ, съ которыхъ шло оброка 7 руб. 10 денегъ, съ каждой кузницы по 5-ти алтынъ въ годъ. Такое обиліе кузницъ, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что въ зимнее, а частію и въ осеннее, время товары отправлялись изъ Москвы къ Архангельску (и на оборотъ) гужомъ—на лошадяхъ, которыя перековывались въ Устюгѣ, какъ въ одномъ изъ промежуточныхъ пунктовъ, гдѣ бывали неизбѣжныя остановки.

4) Въ числѣ обыкновенныхъ ремесленниковъ встрѣчаются: портные, сапожники, шапочники, рукивичники, хомутинники, оконичники (дѣлавшіе оконныя рамы), плотники, коновалы, иконники (живописцы).

5) *Отхожими* промыслами занимались: извощики на лошадяхъ и извощики на дощенникахъ (лодкахъ), ярыжные (лоцмана) на судахъ, судовые же носовщики и кормщики; щепетинники, ходившіе „съ кузовами по деревнямъ“, т. е. торговцы мелочью въ разносъ.

Въ до-Петровской Руси городскія и уѣздныя земли *верстались въ сохи*; разница между ними была лишь въ томъ, что податною единицею, какъ частью сохи, въ *городѣ былъ дворъ*, въ качествѣ земельно-промышленнаго участка, а въ *уѣздѣ—выть*, т. е. извѣстное, но не вездѣ одинаковое, количество пашни. Въ Устюгѣ городская земля дѣлилась, по выраженію сотной книги, „на одиннадцать малыхъ устюжскихъ сохъ и пол-полтреть

1) Припомнимъ, что въ Устюгѣ имѣлись пушки мѣстнаго издѣлія.

($^1/_{12}$) сохи“ [1]). Количество дворовъ въ каждой сохѣ было далеко не одинаково и зависѣло отъ состоятельности ихъ хозяевъ: чѣмъ зажиточнѣе они были, тѣмъ менѣе дворовъ требовалось въ соху. Лучшихъ людей полагалось въ соху 13 дворовъ, среднихъ 30, молодшихъ 70 и самыхъ худыхъ людей 100 дворовъ. Такая раскладка дворовъ объясняется тѣмъ, что всѣ сохи были обложены одинаковою податью въ количествѣ 29-ти рублей съ каждой, которые разверстывались (по старинному *розметывались*) между отдѣльными дворами. Отсюда становится понятнымъ, что состоятельные хозяева, владѣя большими земельными участками, безъ затрудненія уплачивали причитавшіяся за нихъ подати, бѣднымъ же это было не по силамъ, и потому приходилось, въ видахъ исправной уплаты посошныхъ денегъ, испомѣщать ихъ на болѣе мелкихъ дворовыхъ участкахъ, или иначе—соединять въ болѣе многочисленныя податныя группы) Мы знаемъ, что въ Устюгѣ было 13 дворовъ лучшихъ и въ нихъ 23 человѣка, слѣдовательно во владѣніи этого разряда посадскихъ состояла одна соха, при чемъ посошной подати причиталось среднимъ числомъ $2^1/_4$ рубля со двора и $1^1/_4$ р. съ человѣка. Среднихъ было 92 двора съ 139 человѣками; полагая по 30 дворовъ въ соху, находимъ, что посадскіе этого разряда владѣли не много болѣе 3-хъ сохъ; подати слѣдовало 30 коп. со двора и 21 коп. съ человѣка; молодшихъ считалось 278 дворовъ съ 343 человѣками; полагая по 70 дворовъ въ соху, находимъ во владѣніи ихъ почти 4-ре сохи;

---

2) Встарину поземельною мѣрою была четверть, т. е. такое пространство, на которомъ можно было посѣять четверть бочки зерна (Костомаровъ: Истор. въ жизнеоп., томъ 1-й, стр. 295). Въ большой сохѣ было 2,400 такихъ четвертей; въ малыхъ сохахъ, смотря по мѣстности, можно полагать отъ половины до трети этого количества четвертей.

средняя подать равнялась 11 копѣйкамъ со двора и $8^1/_2$ съ человѣка. Худыхъ дворовъ было 306, и въ нихъ 334 человѣка; верстая по 100 дворовъ въ соху, опредѣляемъ, что посадскіе послѣдняго разряда владѣли не много болѣе 3-хъ сохъ, при чемъ причиталось подати $9^1/_2$ коп. со двора и $8^1/_2$ коп. съ человѣка. Со всѣхъ же сохъ уплачивалось въ годъ 321 рубль, 13 алтынъ и 5 денегъ [1]), взимавшихся въ видѣ разнаго рода налоговъ, число которыхъ было весьма значительно. Во первыхъ, посадскіе люди платили: собственно посошную дань, дворовойоброкъ, поворотную пошлину и поголовныя деньги; во вторыхъ, за намѣсничъ кормъ [2]), за присудъ и въ доходъ пошлинныхъ людей (за право суда и судебныя издержки); пошлины: казначееву, дьячую, подъячую и праветчикову (при взысканіи долговъ на правежѣ); въ третьихъ: за городовое, засѣчное и емчужное дѣло (на городовыя укрѣпленія), за помѣсячные черные соболи, соколій оброкъ, поплужную пошлину, ямскія и приметныя деньги.

V.

Торговое значеніе Устюга. Мѣстные торговые люди. Собственники торговыхъ помѣщеній. Торговые иногородцы. Гостинный дворъ. Ряды: ихъ названія, число торговыхъ помѣщеній въ каждомъ ряду. Общее число лавокъ, амбаровъ и другихъ торговыхъ помѣщеній; ихъ размѣры и торговый оброкъ. Харчевныя избы, кабаки и баня. Общій податной итогъ.

Въ сотной книгѣ посадскіе лучшіе и средніе называются прямо *торговыми людьми*. Изъ нихъ

---

1) Эта сумма получается отъ умноженія числа сохъ ($11^1/_{12}$) на 29 руб., т. е. на количество подати съ каждой сохи.

2) Т. е. на продовольствіе намѣстника той области, къ которой принадлежалъ Устюгъ.

Въ Устюжскомъ лѣтописцѣ подъ 1553 годомъ замѣчено: „когда англичане и голландцы начали производить торговлю съ Россіею, то нѣкоторые изъ нихъ, живя въ Устюгѣ, селились на лугу близь Іоанно-Предтеченскаго монастыря: по этому это мѣсто получило названіе „*Нѣмчинова ручья*“ [1]) Такимъ образомъ открытіе морскаго торговаго пути къ Архангельску не осталось безъ вліянія на Устюгъ, ставшій важнѣйшимъ послѣ Вологды промежуточнымъ пунктомъ между Москвою и Архангельскомъ. Выгодное положеніе города при сліяніи Сухоны съ Югомъ особенно способствовало поднятію его торговаго значенія и развитію въ немъ торговой и промышленной дѣятельности. Мы уже видѣли, что устюжскіе посадскіе были по преимуществу промышленные люди; въ числѣ промысловъ видное мѣсто занимали занятіе судоходствомъ и кузнечное мастерство, развитіе которыхъ обусловливалось именно торговымъ значеніемъ города; вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть посадскихъ занималась торговлею.

первые—всѣ были крупные торговцы; имѣя въ городѣ отъ 2-хъ до 3-хъ лавокъ каждый, они кромѣ того вели значительную торговлю съ Сибирью („отпущаютъ въ Сибирь со всякими товары“),—таковы: Исакъ и Ѳедоръ Ревякины, Алексѣй и Василій Басовы, Григорій Ременниковъ, Василій Босоковъ, Иванъ Кокоринъ, Тимофей и Якимъ Усовы, Дмитрій и Калина Пыховы, Кондратій и Тархъ Подошевниковы. Изъ среднихъ наиболѣе значительными торговцами были: Сидоръ, Михаилъ и Богданъ Березовскіе, Иванъ Завалинъ, Безсонъ Денисовъ,

---

1) Встарину на Руси всѣхъ иностранцевъ звали нѣмцами. Не смотря на указаніе лѣтописца, въ сотной книгѣ 1630 года дворовъ иноземныхъ гостей въ Устюгѣ не показано—ни въ городѣ, ни въ слободахъ.

Иванъ Обуховъ, Ѳома Коровинъ и Иванъ Желѣзцовъ. Но безъ сомнѣнія и молодшіе люди также промышляли торговлею; на это указываетъ то обстоятельство, что изъ 203-хъ находившихся въ городѣ лавокъ и амбаровъ посадскимъ принадлежало 176; за ними состояло большинство лавочныхъ и амбарныхъ мѣстъ (28 изъ 33-хъ); въ харчевныхъ избахъ и на такъ называемыхъ „полкахъ“ торговали тоже посадскіе. Кромѣ ихъ мелочною торговлею занимались: Устюжскаго уѣзда волостные крестьяне, (которымъ принадлежали 4 лавки, 2 амбара, 2 лавочныя и 2 амбарныя мѣста); стрѣльцы (4 лавки) и иногородцы (2 лавки). Въ числѣ собственниковъ торговыхъ помѣщеній мы находимъ нѣсколько монастырей (за ними было 8 лавокъ, 5 амбаровъ и одно лавочное мѣсто), одного священника и одного же подъячаго; изъ нихъ первый владѣлъ амбаромъ, второй—лавкою. Безъ сомнѣнія тѣ и другія сдавали свои торговыя помѣщенія въ аренду бѣднѣйшимъ изъ посадскихъ, которые не могли обзавестись собственными лавками и амбарами.

Иногородныхъ торговыхъ людей въ Устюгѣ было не много. Въ числѣ ихъ упоминаются москвичи Кондратій да Тархъ Подошевниковы (состоявшіе, какъ сказано выше, въ числѣ лучшихъ людей); одинъ вологжанинъ—Дмитрій Трофимовъ, торговавшій въ сапожномъ ряду, „цывозерецъ“ Алексѣй Моисѣевъ и нѣсколько торговыхъ крестьянъ.

Дворъ „государевъ“ гостинный—длиною $27^3/_4$, поперегъ 20 саженъ—находился въ большомъ острогѣ между торговой Богословской площадью и рѣкой Сухоной; на дворѣ были 2-вѣ избы, въ которыхъ жили дворники, 20 амбаровъ, рубленныхъ въ одну стѣну и подъ одну кровлю и 9 лавокъ. Въ избахъ останавливались пріѣзжіе иногородніе торговцы и всякіе торговые люди, а въ амбарахъ и лавкахъ складывались привозимые ими

товары; за это торговцы платили, по государеву указу, „постоялую пошлину“—въ таможенной избѣ головамъ и цѣловальникамъ.

Городскіе ряды находились не далеко отъ гостиннаго двора. На Богословской площади стояли Большой площадной рядъ и три малыхъ, которымъ не присвоено спеціальныхъ названій, вѣроятно, потому, что въ нихъ торговали разнообразными товарами. Въ Большомъ ряду находились 31 лавка и одно лавочное мѣсто, а въ трехъ малыхъ —49 лавокъ, 5 амбаровъ, 4 мѣста лавочныя и одно амбарное. Затѣмъ упоминаются: рядъ *сапожной* и *моржечный* (44 лавки, 9 мѣстъ лавочныхъ и одинъ амбаръ); *мясной* 30 лавокъ и два мѣста лавочныя); *хмѣлевой* (10 лавокъ и столько же амбаровъ) и *серебряный* (9 лавокъ) Кромѣ перечисленныхъ городскихъ рядовъ, торговыя помѣщенія встрѣчаются не большими группами въ нѣсколькихъ мѣстахъ на городскомъ посадѣ и въ слободахъ; такъ, напримѣръ, на помянутой уже Богословской площади, у кабацкихъ воротъ, отдѣльно стояли 2 лавки и 2 амбара; на Вознесенской площади находились 3 амбара и столько же амбарныхъ мѣстъ, у церкви великомученицы Варвары рядокъ: 3 амбара, 5 лавочныхъ и 5 амбарныхъ мѣстъ; подлѣ озера, у церкви Воскресенія,—одинъ амбаръ; на берегу Сухоны, у кабака—Притыки, одинъ же амбаръ и близь харчевныхъ рядовъ—2 амбара и 3 амбарныя мѣста. Всѣхъ же вообще лавокъ на городскомъ посадѣ и въ слободахъ было 175, амбаровъ 28; 21 мѣсто лавочное и 12 амбарныхъ. Кромѣ того, въ городскихъ рядахъ встрѣчается еще одинъ видъ торговаго помѣщенія—такъ называемые „полки“ (отъ слова полокъ), на которыхъ торговали исключительно хлѣбомъ и калачами; ихъ было всего 23.

Изъ предъидущаго видно, что преобладающимъ ви-

домъ торговыхъ помѣщеній была лавка. Подъ лавкою надобно разумѣть торговое помѣщеніе съ одною или двумя дверями на улицу—различной величины, но вообще можно принять, что лавки съ двумя дверями (по выраженію сотной книги „на оба лица") имѣли въ длину до 3-хъ, а въ ширину до 2-хъ саженъ, лавки же съ одной дверью—не болѣе 2-хъ саженъ въ длину и около $1^1/_2$ сажени въ ширину.

Послѣ лавки наиболѣе употребительнымъ торговымъ помѣщеніемъ былъ амбаръ. Подъ амбаромъ надо понимать не только складочное мѣсто товаровъ, но именно помѣщеніе, откуда производилась розничная торговля. Разница между лавкою и амбаромъ, вѣроятно, состояла въ томъ, что послѣдній не имѣлъ прилавка или стойки, и полокъ для раскладки товара, который по этому и помѣщался здѣсь въ мѣшкахъ, коробахъ и проч. Относительно величины амбаровъ можно принять, что они имѣли не болѣе 5-ти и не менѣе 2-хъ саженъ по лицевой сторонѣ, т. е. по той, гдѣ находилась входная дверь. Слѣдуетъ предполагать, что большіе амбары служили для склада товаровъ, а въ маленькихъ производилась розничная торговля.

Третій видъ торговаго помѣщенія представляетъ *лавочное и амбарное мѣсто*. Эти помѣщенія были обширнѣе лавокъ и амбаровъ, имѣя въ длину до 6-ти и въ ширину до 4-хъ саженъ. По всей вѣроятности, лавочныя и амбарныя мѣста были деревянные трехсторонніе балаганы, или просто досчатые навѣсы надъ прилавками; хотя въ сотной книгѣ нѣтъ указанія на устройство этого рода помѣщеній, однако не сомнѣнно, что на нихъ существовали извѣстныя приспособленія для производства торговли, потому что гдѣ ихъ не было,—тамъ и самыя мѣста значатся пустыми.

Что касается *полковъ*, представлявшихъ низшій раз-

рядъ торговыхъ помѣщеній, то это были просто скамьи, приспособленныя для раскладки товара.

Перечисленныя выше торговыя помѣщенія были обложены оброкомъ, платившимся собственниками ихъ въ государеву казну. Со всѣхъ лавокъ, амбаровъ, лавочныхъ и амбарныхъ мѣстъ получалось въ годъ 40 руб. 20 алтынъ,—съ каждаго помѣщенія среднимъ числомъ по 6 алтынъ и 4 деньги. Этотъ средній выводъ обложенія указанъ въ сотной книгѣ, но, безъ сомнѣнія, на самомъ дѣлѣ торговыя помѣщенія разнаго вида не могли быть обложены одинаковымъ налогомъ, такъ какъ было бы не справедливо хорошо устроенную лавку приравнивать въ этомъ отношеніи къ утлой амбарушкѣ, или какому нибудь балагану. По крайней мѣрѣ, около того же времени, существовало строгое поразрядное обложеніе торговыхъ помѣщеній въ Вологдѣ [1]); если этого не встрѣчается въ Устюгѣ, то надобно предполагать, что здѣсь уравнительная раскладка торговаго оброка была предоставлена самой *торговой сотнѣ*. Болѣе естественнымъ представляется одинаковое обложеніе полковъ, по 3 алтына и 2 деньги съ каждаго, всего на сумму 2 руб. 10 алтынъ, потому что число этого рода торговыхъ помѣщеній было весьма ограниченно, да и въ устройствѣ ихъ не могло быть существенной разницы.

Къ числу торгово-промышленныхъ заведеній относятся харчевные избы и амбары; первыхъ было 13, вторыхъ—12; они образовали два *харчевные* ряда, которые шли отъ р. Сухоны по направленію къ церкви Варвары великомученицы. Различіе между харчевными избами и амбарами сотная книга объясняетъ такъ: „а харчъ дер-

1) См. „Очеркъ Вологды по писцовой книгѣ 1627 г.“, стр. 48.

жать въ избахъ зимою, а въ амбарахъ въ лѣтнюю пору". Здѣсь не лишнее припомнить, что во время лѣта топка печей въ городахъ была запрещаема московскимъ правительствомъ во избѣжаніе частыхъ пожаровъ; предписано было устраивать на эту пору печи въ огородахъ подалѣе отъ жилищъ; по этой-то причинѣ устюжскія харчевни и помѣщались лѣтомъ въ амбарахъ. Всѣ онѣ были вообще не обширны; самая большая изба имѣла 4 сажени въ длину и 3 въ ширину. Оброку взималось со всѣхъ харчевенъ 1 рубль, 31 алтынъ и 4 деньги въ годъ, слѣдовательно съ каждой приходилось по 5-ти алтынъ.

Въ сотной книгѣ упоминаются два кабака: одинъ находился на Мироносицкой площади, другой—по кличкѣ Притыка—на берегу Сухоны; на Сухонѣ же, на Свинкѣ, стояла торговая баня. Кабаки и баня содержались отъ государя; торговлею въ нихъ завѣдывали *вѣрные* головы и цѣловальники: „а пошлину забираютъ", говорится въ сотной книгѣ, „на государя на вѣру таможенные головы и цѣловальники" [1]).

Выше мы указывали въ своемъ мѣстѣ количество государева оброка, которое взималось съ тяглой земли, съ арендныхъ статей, торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ Великомъ Устюгѣ, а потому можемъ теперь опредѣлить общую доходность города въ то время.

1) Тяглой городской общиной уплачивалось разнаго рода налоговъ—321 рубль, 13 алтынъ и 15 денегъ въ годъ.

2) Съ арендныхъ или оброчныхъ статей, каковы: не тяглыя дворовыя мѣста, полянки, пожни, рыбныя ловли

---

1) Они выбирались городами и приносили присягу (цѣловали крестъ), что взимать будутъ пошлины и подати бездоимочно. (А. Градовскій: Исторія мѣстн. управленія, т. 1, стр. 174).

и перевозы, получалось ежегодно 32 рубля, 3 алтына и 1 деньга.

3) Съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній—лавокъ, амбаровъ, лавочныхъ и амбарныхъ мѣстъ, съ полковъ, харчевенъ и кузницъ платилось въ годъ торговаго оброка 51 рубль, 30 алтынъ.

4) Въ числѣ городскаго дохода въ сотной книгѣ показаны также 14 рублей, 4 алтына и 1 деньга, получавшіеся съ Пятницкаго сельца и Нокшенскихъ деревень (въ Устюжскомъ уѣздѣ) за такъ называемый *посопной* (посыпной) хлѣбъ, который натурою не уплачивался, вѣроятно, потому, что въ Устюгѣ не было государевой житницы [2]).

Всего же по четыремъ статьямъ получалось въ годъ доходовъ 419 рублей, 17 алтынъ и 5 денегъ. Вотъ сумма, которую Устюгъ Великій доставлялъ государевой казнѣ. По тогдашней цѣнности денегъ, она оказывается очень значительной и почти втрое превышаетъ доходность Вологды, которая въ 1627 году доставляла всякихъ государевыхъ доходовъ всего 160 рублей. Большая, въ сравненіи съ Вологдой, доходность Устюга объясняется тѣмъ, что этотъ городъ не подвергался въ смутное время такому раззоренію, какое выпало на долю Вологды. Польско-литовская шайка, на обратномъ пути изъ разграбленныхъ ею Холмогоръ, въ Январѣ 1613 г. пыталась овладѣть Устюгомъ, но была отражена воеводою Пушкинымъ, и поляки сожгли лишь нѣсколько деревень, находившихся вблизи города [3]). Однако печаль-

---

2) Въ эти житницы ссыпался хлѣбъ, собиравшійся тогда въ видѣ подати съ уѣздныхъ тяглецовъ. Въ Вологдѣ въ 1627 г. было восемь такихъ житницъ.

3) Устюгскій лѣтописецъ, стр. 113.

ныя послѣдствія смутной эпохи все-таки отразились на благосостояніи Устюга косвеннымъ путемъ; это доказывается тѣмъ, что по прежнимъ окладнымъ книгамъ съ этого города причиталось всякихъ государевыхъ доходовъ 466 руб., 12 алтынъ и 3 деньги, слѣдов. къ 1630 году изъ нихъ убыло 47 рублей, потому что „посадціе многіе люди охудали и одолжали, а иные отъ податей разбрелись розно, а иныхъ лутшихъ посадцкихъ людей по государеву указу велѣно взяти къ Москвѣ на житье“.

Заключеніе.

Въ предъидущихъ главахъ представлены всѣ важнѣйшія данныя сотной книги 1630 года относительно положенія Великаго Устюга въ 1-й четверти XVII вѣка; на основаніи ихъ можно сдѣлать нѣсколько общихъ заключеній.

1) Какъ всѣ старые русскіе города, Устюгъ дѣлился на *собственно городъ*, т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, и примыкавшіе къ нему слободскіе посады. Укрѣпленныхъ мѣстъ въ Устюгѣ было два: старое городище и большой острогъ, занимавшіе значительное пространство (1605 саж. въ окружности), вслѣдствіе чего большинство населенія сосредоточивалось въ чертѣ укрѣпленій, и внѣ ихъ лежали однѣ пригородныя слободы.

Что въ послѣднихъ жило меньшинство населенія,—подтверждается тѣмъ, что здѣсь было всего 5 самостоятельныхъ церквей, а въ укрѣпленіяхъ 10-ть. Этимъ Устюгъ разнится отъ другихъ русскихъ городовъ того времени, въ которыхъ большинство населенія жило именно на посадахъ—внѣ городскихъ стѣнъ. Устюжскія городовыя укрѣпленія, церкви (за исключеніемъ каменнаго Успенскаго собора), дворы, лавки—все это были деревянныя зданія Административный и торговый центръ города находился въ большомъ острогѣ; здѣсь, близь церкви Рождества Христова, на берегу Сухоны, стояли дворы воеводскій и дьячій, а на Богословской площади сосредоточивались принадлежности тогдашняго мѣстнаго управленія, торговые ряды и гостинный государевъ дворъ. Въ старомъ городищѣ находились осадные дворы и дворъ зелейный, гдѣ хранился городовой артиллерійскій запасъ.

2) Въ составѣ городскаго населенія преобладали посадскіе люди, такъ что Устюгъ вполнѣ справедливо можетъ быть названъ *городомъ посадскихъ*; служилыхъ людей въ немъ было очень мало, да и тѣ принадлежали къ низшему разряду (подъячіе и стрѣльцы),—помѣщиковъ же не встрѣчается во все. При обиліи церквей, число духовенства было значительно. Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ замѣчаются *слѣды самоуправленія*, даннаго Иваномъ Грознымъ сѣвернымъ городамъ.

Въ Устюгѣ были *посадскіе земскіе судьи* и существовала „схожая“ изба, куда собирались посадскіе люди *для земскихъ всякихъ дѣлъ*. Подобныхъ учрежденій не встрѣчается въ Вологдѣ того времени, а потому существованіе ихъ въ Устюгѣ указываетъ на особенности его управленія. Съ большею долею самоуправленія соединялись, по видимому, и большія обязанности посадскихъ; такъ напримѣръ стрѣлецкіе дворы въ Вологдѣ были устроены на счетъ государевой казны, а въ Устю-

гѣ они поставлены *міромъ*; міромъ-же устроены были здѣсь богадѣльни и такъ называемые земскіе дворы—на пріѣздъ „всякихъ государевыхъ людей“.

3) Со времени открытія бѣломорскаго пути, Устюгъ сдѣлался важнѣйшимъ послѣ Вологды торговымъ пунктомъ между Москвой и Архангельскомъ. Въ первой четверти XVII вѣка торговое значеніе Устюга еще болѣе возросло, вслѣдствіе раззоренія Вологды въ 1612 году, когда къ нему на время какъ бы перешло ея торговое значеніе. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ Вологдѣ въ 1627 году былъ только одинъ лучшій посадскій человѣкъ и трое среднихъ, а въ Устюгѣ, почти въ то же время, 13 лучшихъ и 30 среднихъ. Разница замѣтная; между тѣмъ, какъ извѣстно, посадскіе этихъ разрядовъ составляли въ городахъ мѣстный торговый классъ, и по числу ихъ можно судить о торговомъ значеніи города. Устюжскіе торговые люди имѣли дѣло не только съ Москвой и Архангельскомъ, но вели также большую торговлю съ Сибирью. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, Устюгъ въ концѣ первой четверти XVII вѣка былъ богаче Вологды и почти втрое болѣе ея доставлялъ доходовъ государевой казнѣ.

Какъ отражалось „литовское раззореніе“ на крестьянскомъ бытѣ того времени?

(Историческая справка относительно Вологодскаго края).

Въ исходѣ смутнаго времени, въ Сентябрѣ 1613 года, когда земское ополченіе подъ начальствомъ князя Пожарскаго стояло уже подъ Москвой, польскіе и литовскіе люди съ казаками и русскими „ворами“ внезапно напали на Вологду, разграбили ее и, разсыпавшись мелкими шайками по всему сѣверному краю, „воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали.“ Слѣдствіемъ этого было общее раззореніе Вологодскаго края. Особенно пострадала сама Вологда: изъ богатаго торговаго города она стала бѣднымъ, захудалымъ городкомъ и долго не могла оправиться отъ погрома, ощутительные слѣды котораго сказывались въ уменьшеніи населенія, въ бѣдности городскихъ тяглецовъ и въ упадкѣ торговли. Такъ отразилось литовское раззореніе на крупномъ центрѣ тогдашней народной жизни на сѣверѣ. Не безъинтересно было бы узнать—какъ отразилось оно на крестьянскомъ бытѣ того времени? Насколько понизилось, вслѣдствіе его, благосостояніе уѣздныхъ тяглецовъ? Сколько ихъ было убито и сколько пропало безвѣстно? Разумѣется, трудно собрать данныя относительно цѣлаго края, отвѣчающія на эти вопросы, какъ трудно, или—скорѣе—невозможно,

прослѣдить движеніе многочисленныхъ польскихъ шаекъ и ихъ разбойничьи подвиги на обширной территоріи... Но если поставленные вопросы приложить къ небольшому уголку Вологодскаго края, то можно получить на нихъ весьма точные отвѣты, и затѣмъ уже по аналогіи судить о положеніи другихъ селъ и деревень, въ которыхъ побывали и хозяйничали поляки.

Такимъ уголкомъ послужитъ для насъ вотчина Спасо-каменнаго монастыря, находившаяся въ Уточенской волости—верстахъ въ 70-ти къ сѣверу отъ Вологды. Она была описана, въ числѣ другихъ вотчинъ этого монастыря, писцами—княземъ Б. Касаткинымъ - Ростовскимъ и подъячимъ Жданомъ Малафѣевымъ—въ 1616 году, слѣдовательно спустя всего 3 года послѣ литовскаго раззоренія, а потому и слѣды его въ составленной ими книгѣ *) весьма ощутительны.

Уточенская вотчина состояла изъ монастырскаго села Дупленова на рѣчкѣ Кихти и „тянувшихъ къ нему“ 13-ти деревень, раскинувшихся на пространствѣ 15-ти верстъ. До раззоренія въ селѣ монастырской пашни было 66 четвертей **); отъ раззоренія, за недостаткомъ людей, запустѣло 30,—т. е. почти половина. Въ деревнѣ Селищахъ до раззоренія было 6 жилыхъ крестьянскихъ дворовъ, во владѣніи которыхъ состояло 49½ четвертей пахотной земли; послѣ раззоренія оказалось „въ живущемъ“ только 3 двора, да 3 двора пустыхъ, хозяева

*) Она хранится въ архивѣ М. Юстиціи въ числѣ писцовыхъ книгъ за № 56; въ нашихъ рукахъ имѣется выпись изъ нея, обнимающая листы 249—262 подлинника.

**) Четверть была тогда поземельною мѣрою. Для желающихъ перевести эту мѣру на десятинную—можно предложить слѣдующее правило: по инструкціи генер. межеванія, на каждыя 3 четверти полагая по 1 четверти въ каждомъ полѣ) положено было намѣривать 1½ десятины.

которыхъ отъ погрома „сошли въ Корелу“, а пахавшаяся ими земля—въ количествѣ 22½ четвертей—запустѣла. Въ деревнѣ Климунинѣ единственный крестьянинъ-домохозяинъ, за которымъ состояло 9 четвертей пашни, „сшелъ въ міръ отъ казачья раззоренья“, вслѣдствіе чего дворъ его и пахота запустѣли. Въ деревнѣ Шевцовѣ до раззоренія было 5 жилыхъ крестьянскихъ дворовъ, во владѣніи которыхъ находилось 72 четверти пашни; изъ нихъ къ 1616 году запустѣли 4 двора: одинъ крестьянинъ „въ прошломъ во 122 (1614) году сшелъ въ міръ отъ казачья раззоренья“, а трое другихъ „сошли въ Корелу“, вслѣдствіе чего 63 четверти пахоты запустѣли. Деревня Кинозерово, въ которой жили два крестьянина, пахавшіе 18 четвертей земли, вовсе запустѣла, потому что оба они „во 122 году сошли въ міръ отъ казачья раззоренья“. Въ деревнѣ Сопятинѣ жили два крестьянина: одинъ изъ нихъ владѣлъ 9 четвертями пашни, другой—27; очевидно, послѣдній былъ зажиточный человѣкъ, пахавшій противъ своего сосѣда втрое больше земли, его то „во 122 году казаки замучили до смерти“; дворъ его опустѣлъ, и пашня осталась не паханной. Деревня Сыроѣжкино *) оказалась выжженной во время раззоренія; жившіе въ ней два крестьянина въ томъ-же 122 году „сошли въ міръ“, а пашня, ихъ въ количествѣ 18-ти четвертей, запустѣла. Въ деревнѣ Зыковѣ до раззоренія были два крестьянскіе двора, изъ которыхъ

---

*) Объ участи этой деревеньки сохранилось слѣдующее мѣстное преданіе: при наѣздѣ казаковъ, жители ея успѣли бѣжать, направляясь въ сосѣднюю усадьбу помѣщика Головина; разбойники бросились было за ними, но не могли догнать, потому что крестьяне побѣжали болѣе короткой дорогой; въ отместку за это—лихіе люди сожгли ихъ дворы. До сихъ поръ въ этомъ мѣстѣ, на крестьянскомъ выгонѣ, показываютъ двѣ тропы, изъ которыхъ одна называется *монастырской* (по ней бѣжали монастырскіе крестьяне)—другая *казацкой*.

каждый владѣлъ 9 четвертями пашни. Во 122 году одинъ домохозяинъ „сшелъ безвѣстно отъ казачья раззоренья“, а пашня его запустѣла. Деревня Безопашево—вся запустѣла: жившіе въ ней два крестьянина, пахавшіе 9 четвертей земли, „во 122 году сошли въ міръ отъ казачья раззоренья“.

Перечисленныя деревни лежали къ сѣверо-западу отъ села Дупленова, занимая узкую, но длинную (верстъ на 7) полосу земли; приводимыя далѣе деревни находились къ юговостоку отъ того-же села, будучи расположены на разстояніи 8—10 верстъ отъ него. Я указываю на это обстоятельство потому, что первыя деревни, какъ мы видѣли, были раззорены казаками, вторыя же подверглись нападенію литовскихъ людей. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что шайка, нагрянувшая на монастырское село Дупленово, разграбивъ его, раздѣлилась на двѣ банды: одна, въ которой преобладали казаки, кинулась на сѣверо-западъ, а другая, состоявшая изъ поляковъ,—на юго-востокъ. Здѣсь, въ деревнѣ Пороховѣ, „литовскіе люди ссѣкли“ единственнаго крестьянина-домохозяина, пахавнаго 18 четвертей земли, слѣдовательно человѣка зажиточнаго; вслѣдствіе этого деревня запустѣла и оставалась такою—въ 1616 году. Въ деревнѣ Рудинѣ на рѣкѣ Кубинѣ—до раззоренія было 5 жилыхъ дворовъ, владѣвшихъ 114 четвертями пашни; въ 1616 году здѣсь оказались только два жилыхъ двора съ 24 четвертями пашни; остальные 3 двора и 90 четвертей пахоты запустѣли: двухъ домохозяевъ „побили литовскіе люди,“ а третій—„сшелъ въ міръ отъ раззоренья“. Деревня Пахинское, въ которой жили 4 крестьянина, пахавшіе 108 четвертей земли,—вовсе запустѣла, потому что съ раззоренья два домохозяина „сошли безвѣстно,“ да два „сошли въ Корелу“. Въ деревнѣ Подольномъ до раззоренья были 4 жилые двора при 81 четверти пахоты;

къ 1616 году изъ нихъ 3 двора запустѣли: отъ раззоренья одинъ крестьянинъ „сшелъ въ міръ“, а двое другихъ—„сошли въ Корелу“; вслѣдствіе этого бывшая за ними пашня, въ количествѣ 72 четвертей, также запустѣла. Деревня Наволокъ уцѣлѣла отъ раззоренья: въ ней были два крестьянскіе двора при 18 четвертяхъ пашни. Быть можетъ, этой деревенькѣ посчастливилось потому, что она лежала въ сторонѣ отъ другихъ деревень—на низкомъ мѣстѣ, за лѣснымъ боромъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: до литовскаго раззоренья въ Уточенской монастырской вотчинѣ было 14 жилыхъ поселеній (1 село и 13 деревень), а въ нихъ 38 крестьянскихъ дворовъ съ такимъ же числомъ домохозяевъ, пахавшихъ 66 монастырской и 568½ четвертей своей пашни. Послѣ того, какъ въ этой мѣстности побывали литовскія и казацкія шайки, изъ 13-ти деревень—6 (съ 12 дворами) вовсе запустѣли; въ остальныхъ 7-ми деревняхъ вмѣсто 26-ти жилыхъ дворовъ стало только 11-ть, такъ что изъ 38-ми дворовъ запустѣло всего 27. На столько же уменьшилось и число крестьянъ-домохозяевъ, изъ которыхъ 4 были убиты въ раззоренье, 3 безвѣстно пропали, 10-ть выселились въ Корелу и 10-ть же пошли по міру отъ бѣдности. Такое значительное уменьшеніе рабочей силы повлекло за собой соотвѣтственное уменьшеніе запашки. Въ 1616 году монастырской земли въ селѣ Дупленовѣ обработывалось вмѣсто 66 только 36 четвертей, а количество крестьянской пашни къ этому времени понизилось еще значительнѣе: вмѣсто 568½ четвертей—стало пахаться только 105, т. е. запустѣло 463½ четверти.

Эти цифры ясно показываютъ, какой сильный ударъ нанесло литовское раззореніе населенію и земледѣльческой культурѣ въ данной мѣстности Вологодскаго края. Не

даромъ въ этой сторонѣ народъ до сихъ поръ не забы-
ваетъ *казацкихъ* дорожекъ, по которымъ наѣзжали к
его предкамъ паны и лихіе люди, а за ними неизбѣжн
слѣдовали гибель и раззореніе.

А. Е. Мерцаловъ.

Расколоучитель XVII вѣка изъ Вологодскихъ уроженцевъ.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1884 года (№ 9) помѣщена небольшая статья В. Дружинина подъ заглавіемъ: „О житіи Корнилія Выгопустынскаго“, въ которой авторъ обращаетъ вниманіе изслѣдователей на малоизвѣстные списки одного памятника раскольничей литературы XVIII вѣка. Этотъ памятникъ есть жизнеописаніе инока Корнилія, „перваго насадителя“ нѣкогда знаменитой раскольничьей Выгорѣцкой пустыни.

Жизнеописаніе это извѣстно въ двухъ редакціяхъ: въ первичной, вышедшей изъ-подъ пера келейника Корнилія—Пахомія, непокидавшаго своего учителя со времени своего постриженія до смерти,—и во вторичной, составляющей передѣлку съ нѣкоторыми распространеніями первой редакціи, сдѣланную въ 1731-мъ году раскольничьимъ писателемъ Семеномъ Денисовымъ. Обѣ редакціи встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ Императорской Публичной Библіотеки. Въ первый разъ обстоятельно разсмотрѣлъ жизнеописаніе о. Александръ Бровковичъ (нынѣ епископъ Никаноръ) въ своей книгѣ: „Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, писанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола“ (Спб. 1861 г. ч. I-я, стр. 166—182), гдѣ авторъ преимущественно пользуется вторичной редакціей жизнеописанія; во второй разъ жизнеописаніе Корнилія издано въ сокращенномъ неудачномъ пересказѣ г. Максимова въ „Разсказахъ изъ исторіи старообрядчества по раскольничьимъ рукописямъ“ (Спб. 1861,

стр. 5—38). Въ этомъ изданіи указана и первичная редакція жизнеописанія; ту же редакцію имѣлъ, повидимому, подъ руками раскольникъ Иванъ Филипповъ при составленіи „Исторіи Выговской пустыни“ (изд. Кожанчикова. Спб. 1862 г.). Мимоходомъ пользовались по вопросу о воззрѣніи Корнилія на бракъ текстомъ первичной редакціи профессора Барсовъ и Нильскій въ „замѣткахъ по поводу изданія въ свѣтъ раскольничьихъ рукописей“, помѣщенныхъ въ Церковномъ Вѣстникѣ 1876 года (№№ 20 и 39).

Жизнеописаніе составлено Пахоміемъ, судя по сопоставленію разныхъ данныхъ, не позднѣе 1723 или 1727 года. Кромѣ біографическаго значенія, оно интересно по тѣмъ общеисторическимъ даннымъ, которыя кстати приводитъ по мѣстамъ Пахомій, между прочимъ о способѣ заселенія сѣверныхъ пустынь раскольниками и объ иноческомъ бытѣ этихъ послѣднихъ.

Отсылая интересующихся подробностями къ упомянутымъ сочиненіямъ, и не вдаваясь въ разборъ степени достовѣрности всего, сообщаемаго въ жизнеописаніи Корнилія, приводимъ изъ статьи г. В. Дружинина краткія свѣдѣнія о самомъ инокѣ Корниліѣ и о его дѣятельности.

Кононъ—такъ звали Корнилія до постриженія—родился „въ предѣлахъ Великаго Устюга на Тотьмѣ рѣцѣ“ въ крестьянской семьѣ (ок. 1570 г.). Пятнадцати лѣтъ остался онъ сиротой. Еще въ дѣтствѣ любилъ онъ посѣщать церковныя службы, а, выучившись грамотѣ, увлекся житіями святыхъ. Особенно онъ полюбилъ житія св. Іоанна Кущника и преподобнаго Архипа (житія эти —чисто аскетическаго характера: оба святые прославились благодаря умерщвленію плоти и воздержанію отъ житейскихъ благъ). Почувствовавъ склонность къ иноческому житію, онъ сталъ распрашивать о немъ монаховъ

и, наконецъ, по наущенію нѣкоторыхъ изъ нихъ, направился въ Ветлужскіе лѣса къ отцу Капитону, съ тѣмъ чтобы постричься у него. Капитонъ однако не исполнилъ его желанія, найдя Конона слишкомъ юнымъ, а пребываніе въ своемъ монастырѣ слишкомъ тягостнымъ для молодаго человѣка. Онъ посовѣтовалъ ему отправиться въ монастырь Корнилія Комельскаго. Тутъ Конона, дѣйствительно, приняли и чрезъ годъ послѣ искуса постригли, нарекли ему имя Корнилія и отдали на послушаніе старцу, именемъ Корнилію же. Здѣсь пробылъ Корнилій двадцать четыре года, до смерти своего наставника. (*)

(*) Вотъ отрывокъ изъ вторичной редакціи жизнеописанія о пребываніи инока въ Корниліевомъ монастырѣ: „испросивъ у отца Капитона благословеніе и молитву, такожде и у братіи и устремися къ Вологдѣ въ Корниліевъ монастырь: и по нѣкоемъ времени доиде Корниліева монастыря, и вратника просивъ предъ лице игумена предста. Вопрошенъ же отъ игумена коего града и чесо ради пріиде. Кононъ же градъ и вся по ряду повѣда, таже слезъ очеса исполнивъ, паде къ ногамъ игумена, хощу, рече, инокъ быти, честный отче, молю всеусердно святыню твою и да причтеши мя ко избранному твоему стаду, сего бо ради пріидохъ ко святѣй вашей обители. Игуменъ же, видѣвъ пламенное желаніе и благое произволеніе Кононова, повелѣваетъ ему искуситися въ трудѣхъ монастырскихъ, въ хлѣбнѣ, въ поварнѣ и въ прочихъ чрезъ два лѣта, и понеже видѣ его игуменъ дѣло преспѣвающа во всѣхъ службахъ, сего ради судивъ достойно по единомъ лѣтѣ постриже Конона во иноческій образъ, преименовавъ Корниліемъ, вручи подначальна учитися иноческому чину иноку нѣкоему въ добродѣтелехъ сіяющу именемъ Корнилію-же, заповѣдавъ ему ново-

Затѣмъ съ благословенія настоятеля, отправился (вѣроятно, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича) Корнилій странствовать по монастырямъ, „хотя видѣти, како отцы подвизаются“. Побывалъ онъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, въ Кирилловомъ и въ другихъ, но долѣе жилъ въ Чудовомъ. Нѣсколько разъ предлагали ему священство, но онъ считалъ его бременемъ, которое ему не по силамъ, и отказывался отъ него. Изъ Чудова монастыря взялъ его патріархъ Іоасафъ (1634—1640 г.)

постриженнаго инока Корнилія наказати добрѣ, и попеченіе о немъ имѣти отечески и по воли своей творити не попущати никакоже. Корнилій же по отъятіи власовъ не точію волю свою отсѣче, но и всякое плотьское мудрованіе до конца отверже и потече всеусердно по стопамъ владыки Христа, и бѣ повинуяся отцу своему яко и самому игумену, творяше заповѣданная безъ прекословія. Также тощно подражая учителя своего; чюдно бѣ зрѣти млатъ біющь и желѣзо бращаемо; послушаше и не отвѣщеваше, тако Корниліевъ учитель ученика наказоваше не спужая, Корниліе же послушаше не отвѣщая: и тако пребысть преспѣвая и превосходя отъ силы въ силу, и отъ славы въ славу, проходяй службы монастырскія, въ хлѣбнѣ хлѣбы пекій и въ поварни вареніе варяй и въ портомойнѣ свиты трый и, вкупѣ рещи, во всѣхъ службахъ преусердно труждаяйся. Отнюду же притяжа себѣ предивное нѣкое притяжаніе, вси убо Корнилія яко священіе нѣкое во обители вмѣняху; всѣмъ во всякое дѣло благопотребенъ бываше, вси чредницы въ своя чреды желательно пріяти тщахуся: и по времени нѣкоемъ добрый обители пастырь Корнилію пономарскую службу вручаетъ, юже Корнилій пріемъ добрѣ предстоя не мало время усердствуя послуже“.

къ себѣ въ пекаря. Пробывъ въ этой должности около двухъ лѣтъ, Корнилій отправился въ Новгородъ, обошелъ его окрестные монастыри, а потомъ поступилъ къ Новгородскому Митрополиту Афоонію (1635—1649) тоже въ пекаря. По удаленіи Афоонія на покой Новгородскую каѳедру получилъ Никонъ (1649—1652). Корнилій зналъ его еще простымъ монахомъ, а потому остался и при немъ въ той же должности пекаря. Въ это время сошелся Корнилій съ соловецкимъ діакономъ Пименомъ и Тихвинскаго Бесѣднаго монастыря игуменомъ Досиѳеемъ. Чрезъ нѣсколько времени Корнилій ушель въ Москву. Здѣсь патріархъ Іосифъ (1642—1652) далъ ему службу въ соборѣ Архангельскомъ—„надсмотрѣніе надъ попами и дьяками, ковать и смирять за нѣкоторыя преступленія". Какъ видно, Корнилій съумѣлъ пріобрѣсть большое довѣріе патріарха, но все-таки тяготился исполненіемъ своей новой обязанности и счелъ необходимымъ удалиться въ Чудовъ монастырь, гдѣ прожилъ до возведенія Никона на патріаршій престолъ (1652 года). Когда же начались гоненія на приверженцевъ древнихъ обрядовъ, многіе друзья Корнилія—Аввакумъ и др.—выступили ярыми защитниками этихъ обрядовъ и противниками нововведеній патріарха, за что и пострадали. Корнилій счелъ за лучшее укрыться отъ преслѣдованія и бѣжалъ съ Досиѳеемъ на Донъ, гдѣ скрывался три года, и затѣмъ отправился въ Кирилловъ монастырь, оттуда въ Нилову пустынь, гдѣ все еще соблюдались древніе обряды. Здѣсь онъ пробылъ 12 лѣтъ. Однако новшества проникли и туда, а потому Корнилію, побуждавшему иноковъ твердо держаться старины, послѣ рукопашной схватки съ водворявшими никоніантство, пришлось бѣжать и изъ этой пустыни (*). Онъ напра-

(*) Въ Ниловой пустыни, будучи пономаремъ, Корнилій отличился „огнеопальною ревностью". Когда вышло

вился на сѣверъ, въ Пудожскіе предѣлы, гдѣ и оставался до самой своей смерти. Строгимъ подвижничествомъ, начитанностью („самъ книга бяше“—говоритъ его біографъ) и поученіями онъ снискалъ здѣсь всеобщее уваженіе и извѣстность. Его стали посѣщать многіе приверженцы старины, которыхъ онъ укрѣплялъ въ вѣрѣ и благословлялъ на подвити. Такъ благословилъ онъ и Даніила Викулина съ Андреемъ Денисовымъ на основаніе общежитія, которое впослѣдствіи получило такое значеніе не только на сѣверѣ, но и во всемъ раскольничьемъ мірѣ. Но кромѣ раскольниковъ, стекались къ Корнилію послушать его поученій и мѣстные православные жители, которыхъ онъ легко совращалъ въ расколъ.

По воззрѣніямъ своимъ, кромѣ общихъ всѣмъ расколоучителямъ несогласій съ православною церковію, Корнилій является сторонникомъ перекрещиванія, которое могъ совершать и простолюдинъ „по нужди не сущу іерею“. Убѣждая своихъ слушателей въ превосходствѣ старой вѣры предъ новою, онъ старался склонять ихъ къ дѣвственному иноческому житію.

Умеръ Корнилій въ глубокой старости, 125 лѣтъ отъ роду (ок. 1695 г.). До сихъ поръ раскольники высоко чтутъ его. Въ изданіи А. Попова „Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковныхъ библіотеки А. И. Хлудо-

---

распоряженіе служить литургію на 5 просфорахъ, а не на семи, въ Ниловой пустыни долго противились этому. Наконецъ, посланные властями убѣдили священника повиноваться; и вотъ, когда священникъ хотѣлъ служить литургію на 5 просфорахъ, Корнилій, прислуживавшій въ алтарѣ священнику, увидѣвши это, „удари кадиломъ со углiемъ разженнымъ священника онаго по главѣ) тако тяжко, яко и кадилу разбитися“.

ва. М. 1872 г.“ на стр. 582 указана рукопись XIX в. (№ 303), гдѣ въ числѣ раскольничьихъ службъ новоявленнымъ святымъ на листѣ 25 находится: „мѣсяца Марта въ 30 день представленіе преподобнаго отца нашего Корнилія Выгопустынскаго“, а на оборотѣ листа 41-го: „молитва преподобному отцу Корнилію“.

И. С.

НИКОЛЬСКІЙ УѢЗДЪ

Историко-этнографическій очеркъ.

Никольскій уѣздъ, при общемъ взглядѣ на него, представляетъ въ гидрографическомъ отношеніи одно болѣе или менѣе топкое болото, поросшее сплошнымъ лѣсомъ и изрѣзанное множествомъ рѣчекъ и ручьевъ, пересѣкаемыхъ естественными сухими возвышенностями, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны механическому дѣйствію воды до-ледниковаго періода и послѣдующаго. О древности ихъ образованія мы находимъ подтвержденіе въ геологическихъ изслѣдованіяхъ:—такъ, въ долинахъ р. Вохмы въ настоящемъ году найдены остатки ископаемаго до-ледниковаго періода слона. наконецъ, я въ долинахъ р. Юга много находилъ коралловъ давно изчезнувшихъ изъ существующей фауны, а также и морскія раковины. Громадные гранитные и другіе валуны, встрѣчающіеся повсюду въ долинахъ р. Юга, утверждаютъ въ этомъ еще болѣе; слѣды, оставшіеся на нихъ отъ механическаго дѣйствія воды, указываютъ даже и на бывшее направленіе теченія.

Въ виду топографическихъ особенностей края, народонаселеніе должно было группироваться по рѣчнымъ долинамъ, а потому необходимо прежде всего ознакомиться съ характеромъ ихъ и системой водъ, ихъ орошающихъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ, раздѣленныя водораздѣльной чертой,

долины р. р. Юга и Вохмы съ ихъ притоками. При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ не трудно видѣть, что 1 долина по р. Югу состоитъ изъ 3-хъ террасъ рѣзко отличныхъ другъ отъ друга по своимъ физическимъ свойствамъ, а именно:

1) *Нижняя*, покрываясь весеннимъ разлитіемъ водъ и почти не имѣя возвышенностей—образуетъ заливные луга или же безплодныя лагуны, при чемъ отъ дѣйствія весеннихъ водъ и измѣненія русла рѣки, ежегодно она измѣняетъ свой видъ. Этимъ ограничивается польза, приносимая ею жителямъ.

2) *Средняя*—возвышается надъ первой футъ 35—70 и отграничивается отъ нея болотами и рядомъ озеринъ —остатками прежняго рѣчнаго русла. Значеніе ея въ экономическомъ отношеніи для края опредѣляется тѣмъ, что $^{9}/_{10}$ жителей сѣверной части уѣзда сгруппированы на ней. Видъ она имѣетъ волнообразный, занята пашнями и по покатостямъ лугами совершенно полеваго характера. Терраса эта, имѣющая громаднѣйшее значеніе въ экономической жизни уѣзда, вѣроятно какъ и нижняя, представляла совершенно ровную площадь, и что ее тоже покрывали какъ и нижнюю водяныя массы. Кажущаяся волнообразность произошла отъ ручьевъ, которые теченіемъ своимъ чрезъ нея изъ болотъ и озеринъ, отдѣляющихъ ее отъ верхней терассы, вырыли въ этотъ вѣковой періодъ глубокія ложа; все это указываетъ на громадность древняго русла рѣки, подтвержденіе чего находимъ въ геологическихъ изслѣдованіяхъ.

3) *Верхняя*—волоковая, возвышается надъ предъидущей фут. на 100, представляетъ почти ровную плоскую возвышенность, сплошь покрытую лѣсомъ. По неимѣнію стоковъ и препятствія лѣсомъ скорому таянію снѣговъ, почва вездѣ болотиста. Это пространство пересѣкается множествомъ ручьевъ; нѣкоторые изъ нихъ успѣли вы-

рыть глубокія долины, представляющія возможность къ земледѣлію, на которыхъ и образовались починки, нарушающіе пустынность этой террасы; хлѣбъ здѣсь сѣютъ на пожогахъ и въ прошломъ году на таковыхъ въ Межевскомъ лѣсничествѣ по р. Пычугу дала рожь сама-50, горохъ самъ-30, но при самой низкой степени земледѣлія подобное плодородіе не поддерживается.

Все это мы говорили о бассейнѣ р. Юга, принадлежащаго къ числу водъ, текущихъ въ Сѣверный океанъ;— совершенно иной характеръ носитъ южная часть уѣзда, принадлежащая къ Волжскому бассейну: здѣсь народонаселеніе сгруппировано по долинамъ р.р. Вохмы и Маломы, которыя представляютъ почти плоскую возвышенность, удобную для воздѣлыванія хлѣбовъ; естественно, что здѣсь это иначе отразилось на характерѣ и хозяйствѣ народа, тѣмъ болѣе, какъ увидимъ ниже, что южная часть уѣзда и заселялась при иныхъ условіяхъ, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ по р. Югу.

Раздѣльная черта водъ, о которой упоминалъ выше, представляетъ рядъ возвышенностей, тянущихся по верхней волоковой террасѣ. Возвышеніе ихъ надъ уровнемъ моря, согласно барометрическимъ измѣреніямъ въ Вологодской губерніи, опредѣляется въ 600—800 Парижскихъ футовъ; этотъ рядъ возвышенностей, обогнувъ вершины р.р. Сысолы и Лузы въ лѣсистой и необитаемой мѣстности, входитъ въ Никольскій уѣздъ, гдѣ принимаетъ крутое С.З.-ное направленіе и подходитъ почти къ устью р. Пушмы, впадающей въ р. Югъ въ с. Подосиновцѣ; оттуда подъ очень острымъ угломъ направляется на Ю.З., огибая источники р.р. Маломы, Вохмы и Юга около с. Дунилова Родюкинской волости. Вездѣ водораздѣльная линія представляется въ видѣ высокихъ съ отлогими покатостями холмовъ, сплошь покрытыхъ лѣсомъ. Чрезъ эту цѣпь проходитъ Орловскій трактъ

(изъ г. Устюга въ г. Орловъ Вятской губ.) и Вохомскій (изъ г. Никольска въ г. Котельничъ) затруднительный для проѣзда по болотистой мѣстности, а не по крутизнѣ спусковъ. Достигнувъ южныхъ предѣловъ уѣзда, цѣпь возвышеній поворачиваетъ на С.З. и обогнувъ источники р.р. Кемы и Юзы, подходитъ къ г. Никольску, гдѣ высота ея незначительна, поворачиваетъ вдоль Тотемскаго тракта, гдѣ высота почти уже непримѣтна, особенно близъ границы уѣзда.

Мы видѣли выше, какую роль въ экономической жизни населенія играютъ въ уѣздѣ долины рѣкъ, составляющихъ главную жизненную артерію. По нимъ двигалось народонаселеніе, развивалась сельско-хозяйственная и промышленная дѣятельность, поэтому считаю необходимымъ сдѣлать гидрографическое описаніе р. Юга, какъ главной артеріи.

Р. Югъ беретъ начало изъ зыбуна (зеленое болото) внутри лѣса, къ Востоку отъ Никольска, около Дуниловой пустыни. Сначала течетъ верстъ 20 на З., потомъ верстъ 20 на Ю., далѣе верстъ 25 къ З., затѣмъ, обогнувъ Никольскъ, направляется къ С., съ небольшимъ наклоненіемъ къ З. Отъ устья р. Большаго Пычуга поворачиваетъ на СВ. до устья р. Пушмы (с. Подосиновца), затѣмъ въ СЗ.-мъ направленіи входитъ въ Устюгскій уѣздъ.

До устья лѣваго притока своего р. Кичменги (погостъ Федора Стратилата) онъ имѣетъ крайне извилистое теченіе, отъ с. Подосиновца-же т. е. отъ впаденія праваго притока р. Пушмы, колѣна его изгибовъ не такъ уже круты и длиннѣе. Р. Югъ имѣетъ значительное паденіе, а о быстротѣ его можно судить потому, что барки изъ Никольска въ Устюгъ приходятъ въ 5 дней, тогда какъ длина его по измѣренію Вѣд. Пут. Сооб. = 550 вер. Въ виду сильнаго паденія русла его, вода спадаетъ бы-

стро и онъ дѣлается проходимъ лѣтомъ почти вездѣ въ уѣздѣ въ бродъ и глубина его въ нижней части не превышаетъ 2 ар. Судоходство весной удерживается не болѣе 10—14 дней. Сплавъ лѣса по немъ начинается отъ стараго русла у с. Анданги (43 в. отъ Никольска), судоходство отъ города. Ширина его въ уѣздѣ 25—50 саж., до впаденія р. Кичменги онъ крутобереженъ, отъ р. Кичменги начинается поемная (нижняя) водой терраса и ниже Пушмы (у Подосиновца) она доходитъ до 250 саженъ.

Берега его песчано-глинисты или каменисто-известковые. Судоходство по немъ затрудняется такъ наз. Прилуками, т. е. такими мѣстами на крутыхъ поворотахъ рѣки, гдѣ быстрое стремленіе воды не можетъ вдругъ принять новаго направленія, почему и бросаетъ иногда суда на берегъ, наиболѣе замѣчательны изъ нихъ слѣдующія:

1) Въ 1 верстѣ отъ города у д. Мелентьевской стремленіе къ лѣвому берегу;
2) „ 6 „ „ „ у д. Рыстюга; „
3) „ 8 „ „ „ у д Разюхиной правому;
4) ниже д. Разюхиной хрящеватая мель. Чтобъ уменьшить опасность, особенно замѣчательную здѣсь, вколочено въ дно рядъ свай, которыя не допускаютъ бросить судно на мель;
5) въ 9 вер. отъ города къ правому берегу;
6) При д. Травинѣ къ лѣвому берегу;
7) при д. Солодковой стремленіе къ лѣвому берегу;
8) „ Кудриной „ правому „
9) „ Пележнецъ „ лѣвому „
10) „ Старо-Георгіевской „ на протяженіи 1 вер.
11) у устья р Шарженги „ „ „
12) у погоста Ново-Георгіевскаго правому „ 1/2
13) у д. Лисицыной „ лѣвому „

14) у погоста Николо-Шатеневскаго „ „ 2
15) у д. Шиловой „ „ „
16) у д. Ворониной „ правому
17) у устья р. Пычуга „ „
18) „ „ Шонги „ лѣвому
19) „ д. Заверткинѣ „ „

Переправы чрезъ р. Югъ устроены слѣдующія:

а) Въ с. Пермасъ на Вохомскомъ тракту—плашкотъ, а весной карбасъ.

б) Въ г. Никольскѣ на Тотемскомъ тракту—плотъ бревенчатый (плохой).

в) Въ д. Воронинѣ на Устюгскомъ трактѣ мостъ (прекрасный) весной поромъ.

г) Въ с. Подосиповцѣ на Лальскомъ трактѣ—поромъ на канатахъ

Изъ притоковъ наиболѣе замѣчательны по своему экономическому значенію:

1) Р. Шаржепга, беретъ начало въ западной части уѣзда, длина ея около 180 вер., течетъ сперва на СЗ., потомъ къ СВ., затѣмъ къ ЮЗ. и впадаетъ въ р Югъ между Старо и Ново-Георгіевскими погостами, шириной около 25 саж, русло крайне извилисто и лѣтомъ мелководно, на протяженіи 40 верстъ судоходна для каюковъ. Переправы чрезъ нея по Тотемскому тракту при д.д. Зеленцевѣ и Чиркинѣ.

2) Р Кичменга беретъ начало въ Устюгскомъ уѣздѣ, течетъ на СЗ., потомъ на ЮЗ. и ЮВ., впадая въ Югъ при погостѣ с. Федора Стратилата Городецкой волости, долины ея изобилуютъ покосами, и сама она рыбой, что даетъ хорошій доходъ отъ промысла крестьянамъ Городецкой и Бобровско-Захаровской волостей. Протяженіе ея около 185 верстъ. Переправа на Лальскомъ трактѣ около ея устья на погостѣ Федора Стратилата—плашкотъ.

3) Р. Ентала беретъ начало гдѣ и Югъ, течетъ по

С. и СЗ. направленію, впадаетъ въ Югъ съ правой стороны, длина ея до 100 вер. Судоходна для барокъ и каюковъ на 30 вер. Переправы у д.д. Любавинской и Подборьи на карбасахъ.

4) Р. Пушма беретъ начало въ Устюгскомъ уѣздѣ, течетъ на ЮЗ. и СЗ., впадаетъ съ правой стороны въ Подосиновцѣ, гдѣ и пристань, протяженіе ея до 150 верстъ. Судоходна для барокъ на 30 верстъ, перевозъ черезъ нея на плоту при д. Чидниковѣ по Орловскому тракту.

Всѣ эти рѣки имѣли серьезное значеніе при существованіи Архангельскаго порта, къ которому отсюда по нимъ чрезъ Устюгъ, шелъ на судахъ хлѣбъ, ленъ, кожи, деготь какъ мѣстныя такъ и изъ Вятки (*), теперь же онѣ теряютъ свое значеніе, такъ какъ отпускъ сократился до минимума, на что конечно повліяло движеніе товаровъ по желѣзной дорогѣ отъ Нижняго, куда они пошли съ Вятки. Наибольшее значеніе для жителей имѣютъ р.р. Волжскаго бассейна Вохма, Воча, Малома, Кема, Унжа, Юза и др.; помимо того, что они даютъ прекрасные рыбные промыслы, по нимъ производится сплавъ лѣса къ Макарьеву, что даетъ средства къ жизни Кемской, Березниковской, Подболотной и Аргуновской волостямъ; это можно заключить изъ того, что жители этихъ волостей выработываютъ по 100 и болѣе руб. на топоръ.

Всѣ дороги уѣзда пролегаютъ и проведены большей частію по средней террасѣ, на которой сгруппировано на-

---

(*) До основанія Петербурга это былъ единственный путь, помимо Ливоніи, къ единственному тогда окну въ Европу—Архангельску, чрезъ который шелъ обмѣнъ нашихъ сырыхъ продуктовъ на продукты Запада.

родонаселеніе небольшими отдѣльными общинами. Исключеніе составляютъ часть Орловскаго тракта и Вохомскаго; 1-й въ Волмановской и Лузянской волостяхъ пересѣкаетъ такъ наз. Кайское топкое болото, тянущееся отъ Ношульской пристани Устьсысольскаго уѣзда къ ЮВ. границѣ Вятской губерніи, откуда поворачиваетъ къ З. и тянется длинной полосой и врѣзывается въ Никольскій уѣздъ; 2-й идетъ сначала по водораздѣльной возвышенности, затѣмъ пересѣкаетъ моховое болото, имѣющее длины около 30 вер. подъ назв. Красное, оно тянется къ границамъ Ветлужскаго и Кологривскаго уѣздовъ. На обоихъ этихъ пунктахъ, не смотря на то, что они высланы фашинникомъ, проѣздъ не представляетъ удобства и трудно исправимъ.

Говоря о путяхъ сообщенія нельзя не отмѣтить того факта, что потребность здѣсь въ нихъ главнымъ образомъ вызывается и ограничивается предѣлами административныхъ и почтовыхъ сношеній. Мѣстное населеніе, не имѣя пока надобности вступать во взаимныя сношенія, ограничиваясь тѣсной сферой своей хозяйственной дѣятельности, при краткости лѣта, не имѣетъ надобности въ проѣзжихъ дорогахъ. Всѣ передвиженія, не имѣющія хозяйственной цѣли, не смотря на разстоянія совершаются пѣшкомъ или верхомъ на лошади.

Все протяженіе земскихъ и государственныхъ дорогъ въ уѣздѣ равняется почти 1000 верстъ, изъ нихъ:

1) *Почтовый трактъ изъ г. Устюга въ г. Никольскъ* Грунтъ большею частію черноземо-болотистый и перерываясь песчаными полосами сохраняется отъ границы до Шонгской ст., устланъ фашинникомъ, проѣздъ весной и осенью затруднителенъ, по сторонамъ безпрерывный лѣсъ, окрестности безлюдны. Отъ Шонгской до Пластіевской ст. грунтъ песчано-хрящеватый, весной дорога размывается. Отъ Пластіевской къ Никольску 15 вер

грунтъ болотисто-черноземный, въ распутицу топкій, къ городу хрящеватый.

2) *Изъ г. Никольска въ г. Ветлугу* (*вохомскій*) проходитъ по волостямъ Родюкинской, Павинской, Лапшинской, Вознесенской и Черново-Николаевской, пролегаетъ по мѣстности довольно ровной; грунтъ сначала песчаный, далѣе становится глинистымъ и иловатымъ. Трактъ много пересѣкаетъ правыхъ притоковъ Юга. Перейдя на лѣвый берегъ его въ Пермасѣ, идетъ лѣсистой мѣстностію и пересѣкаетъ Красное болото, устланное фашинникомъ; наибольшіе мосты по р.р. Истопницѣ, Андангѣ, Трестеницѣ и Гаревой.

3) *Изъ г. Никольска въ г. Лальскъ*—трактъ идетъ по лѣвой сторонѣ Юга, по мѣстности сухой и лѣсистой; грунтъ большею частію песчаный, на правый берегъ Юга переходитъ за Пожаромъ около Подосиновца. Дорога эта, помимо значенія земской, почтовой, соединяетъ три пристани—Никольскую, Подосиновскую и Лальскую. Захватываетъ волости Байдаровскую, Городецкую, Шестаковскую, Шонгскую, Подосиновскую, Утмановскую и Плесовскую.

4) *Орловскій трактъ*. Начинается отъ д. Желтикова Плесовской волости на границѣ съ Устюгскимъ уѣздомъ; на 18-й верстѣ отъ дер. Плеса въ с. Подосиновцѣ совпадаетъ съ предъидущей дорогой. Отсюда идетъ правымъ берегомъ р. Пушмы до д. Подволочья и переходитъ на лѣвую сторону, и идетъ почти 40 вер. болотистымъ и безлюднымъ волокомъ до д. Нижняго починка, оттуда слѣдуя ЮВ. направленія по теченію р Маломы, которую пересѣкаетъ пять разъ. Наибольшее изъ пересѣкаемыхъ болотъ Кайское. Вообще не зимой дорога эта трудно проѣзжа, не смотря на гати и фашинную настилку. Зимой же это главный путь движенія съ хлѣбомъ и льномъ изъ Вятки къ Подосиновской пристани.

5) *Московско-Вятскій трактъ* идетъ отъ станціи Анданги (вохомскаго тр.) и идетъ сначала по болотистому волоку, а потомъ, приближаясь къ р.р. Вохмѣ и Вочѣ, вступаетъ въ густо-населенную и очень плодородную мѣстность.

6) *Тотемскій трактъ.* Грунтъ большею частію сухой и вообще дорога не представляетъ никакихъ особенностей, кромѣ спусковъ.

7) *Изъ города Никольска въ Кемскую и Березниковскую волости*—идетъ чрезъ д. Корнышъ до д. Вострово, оттуда правымъ берегомъ р. Унжи до с. Васильева (Березниковской вол.), находящуюся на большой проселочной дор. въ гор. Чухлому Костромской губ. Дорога эта пролегаетъ ио болотистой мѣстности и, не смотря на мосты, весной и въ дождливое лѣто—не проѣзжа, почту носятъ пѣшкомъ а должностныя лица ѣдутъ туда Тотемскимъ трактомъ (171 вер.); зимой же она проѣзжа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пересѣкаетъ два громадные волока, изъ которыхъ одинъ между р.р. Югомъ, Кемой и границей Костромской губерніи, а другой между р.р. Кемой и Юзой.

Земско-почтовая гоньба сдается по станціямъ съ торговъ, съ точнымъ опредѣленіемъ числа лошадей на каждой, но въ дѣйствительности гоньба производится цѣлыми селеніями, смежными со станціей, такъ какъ извозный промыселъ одинъ только и есть въ уѣздѣ; всѣ отбываютъ по недѣльно свою очередь, при чемъ содержатель изъ цѣны, полученной на торгахъ, удерживаетъ себѣ за квартиру 100 руб., а остальныя распредѣляютъ между компаньенами. Хотя при такомъ порядкѣ никогда не бываетъ недостатка и задержки въ лошадяхъ, но лошади вообще здѣсь плохи, а особенно экипажи, и ѣзда въ нихъ при громадности разстояній—несносна особенно весной и осенью, когда приходится, по здѣшнему выраженію, „чапаться“ на горы по „зыбунамъ“.

Въ административномъ отношеніи Никольскій уѣздъ (по 1-е Января 1884

		Къ 1-му
1) Родюкинская волость	въ ней селеній	59
2) Павинская -		82
3) Лапшинская -		347
4) Вознесенская -		215
5) Черновско-Николаевская		199
6) Байдаровская -		76
7) Аргуновская -		33
8) Подболотная -		50
9) Кемская -		14
10) Березниковская -		21

а всего въ 10 волостяхъ 1096 селеній, въ нихъ Менѣе 9

Ко 2-му участку принадлежитъ

Названіе волостей, въ нихъ	Обществъ	Селеній.
1) Шонгско-Николаевская	3	58
2) Городецкая -	2	43
3) Бобровско-Захаровская	3	47
4) Шестаковская -	3	76
5) Утмановская -	3	69
6) Щеткинская -	3	7
7) Подосиновская -	8	119
8) Плесовская -	5	90
9) Езекіевская -	2	109
10) Волмановская -	2	34
11) Лузянская -	3	100
А всего въ 11 волост. (*)	37	795

менѣе 12 дес. на

(*) Въ виду неособенно точной отчетности по волостовую вѣрность этихъ цифръ нельзя ручаться, ибо въ хлѣбопашцы, собственники и черносошные крестьяне

раздѣляется на два участка, къ которымъ принадлежатъ
года) 10 волостей, а именно:
участку:

2598 ревизск. душъ	земли	27,190 д.	528 с.
1469		19,660 д.	380 с.
5476		15,069 д.	2370 с.
4400		40,490 д.	—
3152		25,045 д.	—
4598		57,713 д.	1306 с.
2042		35,529 д.	1023 с.
2703		25,867 д.	772 с.
549		4,284 д.	174 с.
876		6,315 д	241 с.
27,863 рев. д., у нихъ		257,170 д.	1994 с.

дес. на душу ревизскую.

11 волостей, а именно:

Душъ у нихъ	Земли		
3299		48,732 д.	437 с.
1970		26,327 —	1968 —
2518		32,318 —	
2360		20,250 —	
свободныхъ хлѣб. 10 д. у нихъ		2,033 —	1846 —
2037		22,207 —	799 —
2214		48,652 —	416 —
3584		36,019 —	1358 —
2371		20,109 —	1268 —
3366		46,664 —	708 —
844		3,116 —	436 —
1795		14,663 —	
25,965		317,803 д.	1172 с.

душу ревизскую.

тнымъ правленіямъ до 1 Января 1884 года за безусвѣдѣніяхъ правленій нерѣдко перепутаны свободные

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на исторію заселенія уѣзда, что дастъ намъ возможность уяснить нѣкоторыя особенности края.

Никольскій уѣздъ, какъ и весь СВ. край Россіи, былъ въ древности заселенъ народомъ финскаго племени, извѣстнымъ лѣтописцамъ подъ названіемъ „Чуди Заволоцкой"; первоначальное появленіе здѣсь русскихъ относится еще ко временамъ Рюрика, господство котораго признали Весь и Меря. Смерть князя Новгородскаго, убитаго въ Заволочьи въ 1078 г., указываетъ на борьбу, происходившую тамъ.

Шлецеръ въ своемъ „Несторѣ" говоритъ, что жители Біарміи (т. е. этого края), о которыхъ говоритъ норвежскій мореходецъ Отеръ въ IX вѣкѣ, были народъ самобытный, великій, свободный и не совсѣмъ непросвѣщенный; страна — богатая пушнымъ товаромъ и другими естественными богатствами — не могла не обратить на себя вниманія Новгорода, тѣмъ болѣе, что здѣсь пролегалъ торговый путь, соединяющій Каспійское море съ Сѣвернымъ; здѣсь шелъ обмѣнъ персидскихъ товаровъ со шведскими купцами, производимый Болгарами, и вотъ они сначала заводятъ торговыя сношенія, а затѣмъ ушкуйники, отдѣльными партіями охочихъ людей идутъ сюда для захватовъ и селятся. Такъ, въ Никольскѣ сохранилось преданіе, что въ окрестностяхъ его въ незапамятныя времена жилъ не русскій поганый народъ, который прятался отъ нашихъ въ ямы, прикрытыя сверху землей; наши же обрушивали эти крыши на поганыхъ и тѣмъ душили ихъ. Остатки этихъ ямъ показываютъ и теперь. Здѣсь называютъ ихъ „Чудью бѣлоглазой". Къ Никольску Чудь была оттѣснена изъ мѣстности, занимаемой Халезскими приходами Байдаровской волости, и вынуждена укрыться отъ Новгородцевъ, которые въ свою очередь спаслись чудомъ; это можно видѣть изъ любопытнаго и

тенъ способъ владѣнія землей; отдѣльными лицами онъ былъ основанъ на захватѣ, и получилъ свою санкцію уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича, которымъ признавалось за крестьяниномъ то количество земли „куда топоръ и соха ходили". Изъ наказовъ того же времени видимъ и опредѣленіе системы земледѣлія—трехпольной; такъ, при отводахъ крестьянамъ земель указывалось на извѣстное количество ея и въ „дву потому-жъ". Изъ писцовыхъ книгъ уѣзда 1615—1639 г. видно, что земли записаны во владѣніи крестьянъ подворно, и названы *черносошными*.

До XVIII столѣтія, времени закрѣпощенія крестьянъ, бывшихъ свободнымъ земледѣльческимъ сословіемъ подъ названіемъ черносошныхъ, т. е. свободно владѣющихъ черными казенными землями,—уцѣлела отъ него, сохранивъ особенности своего быта, только та часть ихъ, которая населяла СВ. уголъ Россіи, въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой и части Вологодской и то отъ того, что мало охотниковъ было забираться въ такую глушь и заводить хозяйства, сопряженныя съ неимовѣрными трудами и рискомъ за успѣхъ въ виду особенностей края; что въ Никольскомъ уѣздѣ остались именно „черносошные крестьяне", о которыхъ говорится въ „межевой инструкціи" 1753 г., составленной Коммисіей уложенія послѣ полученія наказовъ отъ нихъ, подтверждается и межевыми книгами по уѣзду за 1784 г.

Какая же форма землевладѣнія существовала у нихъ?

Мы уже видѣли, что признавалась собственностію та часть земли, куда „топоръ и соха ходили" и нужно согласиться, что это совершенно на легальномъ правѣ, ежели не игнорировать того факта, что для приведенія небольшаго пространства дикой, болотистой и поросшей вѣковымъ лѣсомъ земли требовались не вѣроятныя усилія и затраты труда со стороны крестьянъ;—это хорошо

9687.

сознавало тогда правительство и своей санкціей утвердило эту форму владѣнія, почему земли эти черносошныхъ крестьянъ въ актахъ наз. крѣпостными.

Кромѣ этихъ земель крѣпостныхъ, мы встрѣчаемъ другой видъ ихъ, а именно:—селясь крестьяне вмѣстѣ и образуя „повытья“ (деревни), общими трудами разрабатывали ближайшія земли, которыми подъ названіемъ „печищныхъ“ (отъ слова *печище*—деревня въ 2—3 двора) пользовались сообща всѣмъ селеніемъ Наконецъ при образованіи волостей, какъ видно изъ документовъ XVII вѣка, они имѣли „мірскія поскотины“, „животинные выгоны“ и „лѣсныя дачи“, которыми пользовались крестьяне всей волости сообща.

Слѣдовательно здѣсь существовало рядомъ съ личнымъ крѣпостнымъ землевладѣніемъ и общинное землевладѣніе, но двоякаго рода:

1) *Община деревни*, въ отдѣльномъ пользованіи которой отъ другихъ смежныхъ находились ея „печищныя угодья“, и

2) *Община волости*—въ пользованіи общемъ всѣхъ ея селеній были „мірскія поскотины, животинные выгоны и лѣсныя дачи“.

Рядомъ съ этой формой землевладѣнія своей землей, мы встрѣчаемся съ общиннымъ пользованіемъ оброчной землей; такъ, въ наказахъ крестьянъ въ коммисію уложеній въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ жалобы, что „многія деревни не имѣютъ ни копны крѣпостнаго и печищнаго сѣна“, что покосы ихъ, записанные дачей по писцовымъ книгамъ за деревней, снесены водой, и что образовавшіеся по ту сторону нового русла „новоприсадныя мѣста“ должны принадлежать имъ, а не „деревенскимъ владѣльцамъ“, которые и такъ захватили около нихъ земли „оброчныя, не въ дачахъ, деревнямъ принадлежащія“.

О существованіи между крѣпостными, печищными землями селеній волости съ ея поскотинами, оброчныхъ земель отдѣльно отъ первыхъ, и деревень на нихъ съ иными правами пользованія, видимъ изъ межевыхъ книгъ 1784 г., выданныхъ крестьянамъ по размежеванію ихъ дачъ. Такъ въ Никольскомъ уѣздѣ, въ межевой книгѣ по Кильнико-Троицкой вол. (нынѣ Шестаковской) между прочимъ читаемъ, напр., по деревнѣ Шестакову: „идучи тою линіей просѣкомъ на правѣ строевой и дровяной лѣсъ черносошной дер. Шестаково съ деревнями, а на лѣвѣ казенный, оброчный и т. д.“; далѣе, тамъ же читаемъ: „и дошедъ до земли Лальскаго уѣзду Утмановской волости Никольскаго стану казенной оброчной дер. Меньшей Романовой, поселившейся черносошными крестьяны, отдаваемою изъ Лальскаго уѣзднаго казначейства, длина линіи и пр.“. Все это ясно подтверждаетъ вышеизложенный порядокъ и способъ владѣнія землей. Затѣмъ, до перваго общаго передѣла въ 1830 г., мы нигдѣ въ наказахъ не встрѣчаемъ, чтобъ между черносошными крестьянами былъ передѣлъ изъ крѣпостныхъ земель, такъ какъ они писцовыми книгами „въ повыткахъ“ записаны „подворно“; мало этого, они не находили даже возможности этого, такъ напр. въ одномъ изъ наказовъ читаемъ: „у крестьянъ участки малые, опричъ своихъ повытковъ не имѣемъ, а которые вымершіе повытья лежатъ впустѣ, владѣть безъ позволенія не смѣемъ“.

До начала XIX вѣка, своими землями черносошные крестьяне распоряжались на правѣ собственности, не смотря на запрещенія продавали и закладывали, магистраты всегда умѣли отписаться и утверждали сдѣлки. При такомъ порядкѣ свободнаго перехода земель, людьми ловкими скупались лучшія земли или поступали во владѣніе по закладнымъ и завѣщаніямъ; еще въ половинѣ XVIII вѣка встрѣчаемъ жалобы черносошныхъ кресть-

янъ на деревенскихъ владѣльцевъ, что они „больше 1/2 пашенныхъ земель и печищныхъ покосовъ и оброчныхъ мѣстъ противъ насъ втрое и тѣмъ богатѣютъ безмѣрно“, что они „уклоняются отъ несенія общихъ повинностей“, далѣе „что владѣютъ невѣдомо по какимъ крѣпостямъ крестьянской деревней, гдѣ сѣется въ годъ ржи съ четверти 4, да сѣнныхъ покосовъ съ возовъ 80, на которой землѣ могло бъ пропитаться душъ 10, и что въ подушной окладъ на эти земли положены они“, поэтому и просили „бывшія прежде деревни и пустоши и въ сошномъ письмѣ земли со всѣми угодьями и по тѣмъ селеніямъ участки, состоящіе нынѣ во владѣніи разнаго чина людьми какъ за купцами и канцелярскими служителями въ оброкахъ, такъ по купчимъ и закладнымъ крѣпостямъ и по другимъ незнаемымъ сдѣлкамъ и подъ именемъ недоброжелательныхъ крестьяне изъ подъ упомянутыхъ поверстать въ достаткѣ десятинъ общества на души, а имъ впредь владѣніемъ ни подъ какимъ видомъ не производить“, чтобъ „могли крестьяне имѣть владѣніе оныхъ по душамъ“. Кромѣ того жаловались на недостатокъ земли и неравномѣрность распредѣленія, „что у многихъ крестьяны написано душъ по 5 и больше, на таковыхъ же повыткахъ у другихъ крестьянъ по 1—2 души“, что по нѣкоторымъ повыткамъ „на 1 душу больше 6 десятинъ, въ другихъ же на 45 душъ 62 дес.“.

Въ виду этихъ жалобъ былъ указъ Сената, какъ видно изъ наказа крестьянъ „о разверсткѣ земли“ „отчего и земли будетъ какъ въ деревняхъ и на пустошахъ оброчныхъ и лѣсомъ порослыхъ“, но противъ этого, какъ видно изъ другаго наказа „больше тяглые крестьяне поступаютъ въ силу прежнихъ указовъ и по писцовымъ книгамъ и числятъ за родовымъ свои вотчины“.

Въ 1765 г. Козминъ въ докладѣ къ Императрицѣ Екатеринѣ II предлагаетъ предписать именнымъ указомъ,

чтобъ черносошные крестьяне не продавали и не закладывали земель, отобрать крѣпости на прежде купленныя земли, а дѣлить имъ земли какъ у помѣщичьихъ, по этому межевой инструкціей 1766 г. было предписано: 1) ежели кто изъ черносошныхъ крестьянъ свои тяглыя земли продали или заложили, или отданы по канцелярскимъ искамъ,—всѣ такія угодія возвратить безденежно, по прежнему, къ землямъ черносошныхъ крестьянъ;

2) земли, пріобрѣтенныя людьми посадскими и посадскими крестьяны, по особомъ разсмотрѣніи утверждать лично за тѣмъ или другимъ владѣльцемъ только тѣ земли, которыя принадлежатъ имъ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ;

3) съ изданія сей инструкціи, земли, оставшіяся послѣ смерти государственныхъ крестьянъ, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, наслѣдникамъ и женамъ на части не дѣлить, и по наслѣдству дочерямъ и въ приданое выходящихъ замужъ за людей другаго званія или хотя за государственныхъ крестьянъ, но въ другія селенія—не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ они будутъ примежеваны. Если же послѣ крестьянина останутся только дочери и онѣ выйдутъ замужъ за крестьянина, который пожелаетъ жить на земляхъ ихъ женъ, то такія земли имъ отдавать, а участки, принадлежащіе имъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они прежде жили, оставлять прочимъ жителямъ тѣхъ селеній.

Чрезъ 2 года сенатъ подтверждаетъ, „чтобъ черносошные крестьяне не совершали купчихъ крѣпостей на свои земли“. Наконецъ, коммисія, посланная для разслѣдованія, вслѣдствіе волненія крестьянъ здѣсь въ 1769—1771 годахъ, доложила сенату:

„Что крестьяне земли продаютъ и закладываютъ между собой и посторонними, а сами по лѣности, многіе и бросяя дома, бродятъ по разнымъ мѣстамъ; другіе же, са-

мовольно записавшись и разными магистраты незаконно причисленные въ купцы, живутъ на прежнихъ участкахъ своихъ и по давнему безпорядку всѣхъ изъ нихъ, владѣютъ пашенными землями безъ раздѣлу на тяглы, но яко вотчинники по наслѣдству, о которыхъ происходятъ только междоусобія, слѣдствія и суды, продолжающіеся чрезъ многія лѣта", по этому предлагали слѣдующія мѣры:

1) Земли на основаніи межевой инструкціи 1766 г. обмежевать „порознь по волостямъ и деревнямъ".

2) „У постороннихъ завладѣвшихъ землями какимъ-бы то образомъ не было, отобрать, причисливъ ихъ по прежнему селеніямъ, а тѣмъ предоставить въ деньгахъ вѣдаться судомъ съ продавцами и закладчиками.

3) Между крестьяны земли и всѣ угодья смѣшавъ раздѣлить порядочно на тяглы по душамъ и по имуществу, а съ того уже быть какъ раскладкамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и заводскимъ работамъ; родословія же и наслѣдства ихъ отрѣшить, продажи, заклады, мѣны и покупки уничтожить и впредь въ письмѣ таковыхъ учинить запрещеніе".

4) „Какъ хозяйственное между крестьяны распоряженіе требуетъ ежегодно въ подушныхъ платежахъ уравненіе также, что на иного за умершихъ и по другимъ случаямъ убылыхъ прибавлять, съ иного же уменьшать,—то при такихъ случаяхъ съ перваго раздѣленія участкамъ нѣкоторымъ свое сдавать, а другимъ изъ платежа временнаго на себя снимать не запрещать, а которые крестьяне хотя и по числу своего семейства, однакоже по скудости и по другимъ обстоятельствамъ полнаго принадлежащаго ему участка овладѣть и съ онаго платежа и работы снять не можетъ, таковое міромъ приписывать къ другимъ имущимъ, а его до времени оставлять на томъ тяглѣ, каковое понесть въ силахъ, и раскладки таковыя представить на общее самихъ же ихъ мірское уравненіе,

которое сдѣлать имъ всегда правильно, безъ малѣйшаго. другъ друга отягощенія, чрезъ что и всякихъ уже нынѣшнихъ вредныхъ своихъ лишаться тяжбъ".

Сенатъ по полученіи этого доклада потребовалъ по оному мнѣнія отъ Бергъ-коллегіи, и по полученіи отъ нея одобренія, приказалъ въ 1781 г. его исполнить.

Были ли приняты какія мѣры для приведенія въ исполненіе этого сенатскаго указа 1781 г., кромѣ замежеванія земель, какъ видно изъ межевыхъ книгъ уѣзда за 1784 г., неизвѣстно. Надо думать—никакихъ, ибо мы не имѣли бы дѣлъ, подобныхъ Югринскому, Афонина-Раменья, Курдюскаго наволока и др. по отчужденію отъ нихъ земель въ частное владѣніе, когда не только отчуждать, а по прежнимъ крѣпостямъ велѣно было отобрать. По свидѣтельству Лалоша „работа промежъ себя" продолжалась не только въ пользованіи подсѣчными пашнями и сѣнокосами, но и трехпольными пашнями. Проданныя земли не только не отбирались, а сдѣлки продолжались, такъ напримѣръ, извѣстно, что еще въ 1817 г. Пильегорскіе выборные Архангельской губерніи доносили, что крестьянинъ Лудниковъ не платитъ податей потому, что „земля его заложена отцемъ на 8 человѣкъ". Земскій судъ предписалъ: „Лудникова ко взносу податей не принуждать, а взыскать ихъ съ пользующихся землей". Перекупка, залоги и завѣщанія продолжались, суды утверждали; на передѣлы не соглашались большетяглые; тамъ же, гдѣ былъ какъ нибудь сдѣланъ передѣлъ, —одинъ захватываетъ часть поля у своего сосѣда, другой, получивъ въ надѣлъ засѣянный участокъ, не даетъ снять хлѣбъ посѣявшему его; или вдова, получивъ свою часть пашни, не получаетъ слѣдуемаго покоса по проискамъ сельскаго писчика; жалобами завалены были земскій судъ и казенныя палаты и все это, не смотря на передѣлы во время 8, 9 и 10 ревизій въ 1834, 1852

и 1854 годахъ не могло улечься здѣсь у бывшихъ черносошныхъ крестьянъ, почему и теперь, въ 1884 году, мы видимъ всецѣло ту же картину, до малѣйшихъ деталей, какая изложена выше по историческимъ документамъ.

Цѣль моей программы не позволяетъ вдаваться въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого но, не могу пройдти молчаніемъ, что изъ 9-ти мѣсячной личной практики въ уѣздѣ, изъ массы дѣлъ, прошедшихъ чрезъ мои руки, и изученія быта, —здѣсь положеніе дѣла очень не многимъ разнится отъ того, съ чѣмъ насъ знакомитъ историческое изученіе его, времени до изданія указа 1781 г. и по слѣдующими. Тоже стремленіе „работать промежъ себѣ", тѣ же нескончаемыя перепродажи, завѣщанія, захваты, споры о „коренной землѣ", о земляхъ, захваченныхъ деревенскими владѣльцами и т. д.

Перейдемъ теперь къ тому количеству земли, какимъ владѣли крестьяне и владѣютъ. Какимъ количествомъ владѣли до межеванія и выдачи межевыхъ книгъ 1783—4-хъ гг —съ достовѣрностью сказать трудно, ибо относительно этого мало данныхъ; въ виду же постоянно встрѣчающихся жалобъ въ наказахъ крестьянъ Устюгской провинціи на бѣдность землей—нужно признать этотъ фактъ. Такъ, въ Ильинскомъ погостѣ Ентальской волости (Езекіевская) сѣялось на каждую душу 3 четверика озимаго, въ Вагрженскомъ погостѣ той же волости по одной осминѣ на душу, при посѣвѣ $1^1/_2$ четвертей здѣсь на десятину, слѣдовательно таковой приходилось на души $^3/_4$—1 д. на душу пахотной земли. Въ наказахъ Лужской волости (вѣроятно нынѣ Лузянской) сказано „всего по примѣрному положенію одного поля пашни во всей волости подъ наши черносошными крестьянами 62 дес.... а написныхъ мужеска пола при оныхъ душъ 223" Въ Утмановской волости сѣялось „всякаго

хлѣба на каждую мужеска пола душу по $1^1/_2$ четверти. Въ около городной волости на 316 душъ и 79 бобылей было пашенной земли $77^1/_2$ дес., „а въ дву потому-жъ“. Въ Кильченгско-Троицкой волости (Шестаковской) на 622 души и 10 бобылей въ 32 деревняхъ было примежевано въ 1784 г.—2157 дес. 1824 с. пахотной земли почти по $3^1/_2$ дес. на душу во всѣхъ трехъ поляхъ, надѣлъ почти равный Утмановской. Просматривая данныя и межевыя книги 1783—4 гг. по другимъ волостямъ, вездѣ встрѣчаешь то же неравенство и недостатокъ пахотной земли, хотя общее количество земель примежеванныхъ равнялось отъ $9^1/_{16}$—$16^3/_{10}$ д. на душу; такое явленіе легко объясняется во 1-хъ трудностію расчистокъ подъ поля и во 2-хъ недостаткомъ удобныхъ мѣстъ, по этому мы и встрѣчаемъ въ боровыхъ мѣстахъ посѣвы ихъ „улусами“. Недостатокъ земли пахотной пополняли арендованіемъ и захватомъ въ казенныхъ дачахъ, куда они шли,—образовывали починки ибо „питаться нечѣмъ“ на старыхъ мѣстахъ; объ арендныхъ деревняхъ рядомъ съ черносошными постоянно упоминается въ наказахъ.

Обращаясь къ тому, сколько владѣютъ теперь пахотной земли, то по собраннымъ точнымъ даннымъ уѣзда, можно безошибочно опредѣлить, что на каждую ревизскую душу высѣвается кругомъ въ среднихъ числахъ:

озимоваго 2 мѣры (10 пуд), овса вдвое 4 мѣры (20 пуд), прочаго яроваго столько же, какъ и ржи при условіи посѣва здѣсь $1^1/_2$ четвер. ржи на десятину и овса $2^1/_2$ чет., въ общемъ выйдетъ не болѣе $3^1/_2$ дес. на душу во всѣхъ поляхъ, что еще уменьшится, если взять наличныя души.

Половники. Нельзя не упомянуть объ этомъ интересномъ явленіи; почему половники въ половинѣ XVII в. и въ XVIII в, какъ и другіе крестьяне, имѣющіе право

свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, не были прикрѣпощены послѣ Юрьева дня и удержали за собой право свободнаго перехода? Объясненіе этого мы находимъ въ томъ положеніи, что они при своеобразности владѣнія землей черносошныхъ крестьянъ обезземелились, и селились на земли тоже черныя, къ „деревенскимъ владѣльцамъ“, получившимъ эти земли не по грамотамъ или указамъ, а захвативши ихъ тоже отъ черносошныхъ крестьянъ; поэтому половники и не имѣли права воспользоваться указами объ уничтоженіи Юрьева дня, ибо они до нихъ не касались; они были изданы для служилыхъ людей, владѣвшихъ землями на вотчинномъ правѣ и помѣстномъ, а земли „деревенскихъ владѣльцевъ“ были все-таки черныя государственныя, которыя хотя и перешли къ нимъ въ послѣдствіи, не смотря на инструкціи 1766 г. и указа Сената 1781 года Относительно ихъ былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій и узаконеній (подробное изложеніе о половни-

Состояло.	По 8 ревизіи 1833 г.		По 9 ревизіи 1850 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Государств. крестьянъ	33783	41999	46780	49188
Помѣщичьихъ крестьянъ	1080	1123	1275	1287
Дворовыхъ - -	52	65	67	71
Половниковъ -	387	338	552	607
Солдатъ на службѣ и безсрочно-отпускныхъ	66	—	465	—
Солдатъ, записанныхъ				

кахъ можно найти въ Вол. Губ. Вѣд. за 1879 годъ №№ 81—89), при чемъ имъ предоставлено селиться на казенныя земли, и ежели до сихъ поръ мы не встрѣчаемъ къ тому желанія съ ихъ стороны, то мнѣ кажется это прямо происходитъ отъ того, что страшныхъ, необычайныхъ усилій требуетъ здѣсь вновь разработывать полевыя угодья, и не легко крестьянину раззорить насиженное гнѣздо и создавать новое; тѣ 55 руб. и 6-ти лѣтняя льгота, которыя имъ предлагаютъ, еще не можетъ помочь; по моему крайнему убѣжденію, для нихъ единственно возможный путь къ устройству ихъ быта— это выкупъ ихъ надѣла отъ владѣльцевъ, какъ то было у помѣщиковъ.

Движеніе народонаселенія уѣзда. Изъ сопоставленія числовыхъ данныхъ по этому вопросу, мы можемъ судить о томъ—благопріятны или нѣтъ условія быта; данныя эти слѣдующія:

По 10 ревизіи 1858 г.		По ежедневной переписи 20 Декабря 1866 г.		За 1867 и 1868 годы.	
Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
50457	55417	56885	61553	55783	60457
1359	1499			1059	1174
				Собствен	никовъ.
41	52			480	486
548	557			201	229
				Безсроч.	отпускн.
885	—			506	—

Состояло	По 8 ревизіи 1833 г.		По 9 ревизіи 1850 г.	
	Муж	Жен.	Муж.	Жен.
въ ревизію	7	—	423	—
„ Не записанныхъ	3	—	—	—
Кантонистовъ -	8	—	23	—
Итого(*) -	35302	43525	48674	51153
	78827		99827	

Сопоставляя эти числовыя данныя, видно, что народонаселеніе, прогрессивно увеличивается, а именно:

съ 8 по 9 ревизію, въ 17 лѣтъ на 21,000 д., что составитъ почти на 25%.

съ 9 по 10 ревизію въ 8 лѣтъ на 10,103 д., что составитъ почти на 11%.

съ 10 ревизіи по 1 Января 1884 года увеличилось почти на $21^1/_2$%.

а всего въ 50 лѣтъ болѣе чѣмъ на $57^1/_2$%.

Въ среднемъ на 100 родившихся умираетъ около 65 человѣкъ; наиболѣе развита смертность между дѣтьми, особенно въ Іюлѣ и Августѣ, изобиліе въ это время ягодъ и грибовъ вызываетъ сильные поносы; самый высокій % смертности между ними приходится на возрастъ моложе 1 года, потому что здѣсь женщины несутъ всѣ работы вмѣстѣ съ мущинами, почему и не могутъ дать дѣтямъ должнаго питанія, равно какъ и надлежащимъ образомъ смотрѣть за ними

Условія быта. Мы знаемъ уже, что новгородскіе вы-

(*) Въ итогѣ солдаты не включены.

По 10 ревизіи 1858 г.		По ежедневной переписи 20 Декабря 1866 г.		За 1867 и 1868 годы.	
Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж	Жен.
				Отставныхъ.	
516	1200			901	1278
79	—			—	—
418	—			410	—
52405	57525	56885	61553	57523	62336
109930		118438		119859	

ходцы, вошедшіе въ составъ городскихъ и мѣстечковыхъ населеній, имѣя въ виду только пріобрѣтеніе добычи, мало заботились о просвѣщеніи туземцевъ, финская національность которыхъ тѣмъ не менѣе постепенно подчинялась вліянію Руси; не смотря на это, еще и до сихъ поръ въ мѣстномъ крестьянинѣ не изгладились совершенно черты первоначальнаго родича – финна: исправляя какъ бы нехотя полевыя работы, онъ чувствуетъ себя счастливымъ тогда лишь, когда отправляется въ глушь лѣсовъ на промыслы за бѣлкой и рябчикомъ; тамъ онъ въ своей сферѣ,—ему ни что не напоминаетъ его общественной жизни. Жизненныя потребности его крайне ограничены и поэтому крайне не много нужно, чтобы сдѣлать его счастливымъ. Основную черту характера его составляетъ привязанность къ старинѣ и не любовь къ нововведеніямъ или перемѣнамъ его быта, почему образцомъ благоустройства и благосостоянія онъ считаетъ то время, когда могъ каждый рубить лѣсъ и катать валки всюду, гдѣ вздумается.

Здѣшній крестьянинъ кротокъ, добродушенъ, но грубъ въ обращеніи, непривѣтливъ съ незнакомыми и подозрительно смотритъ на нихъ. Гостепріимство считается

обязанностію, хотя плата за услугу принимается съ величайшей благодарностію, но мѣстный крестьянинъ неохотно принимаетъ деньги за то, что по его понятіямъ не стоитъ платы; честность—безпримѣрная, но въ то же время корыстолюбивъ, завистливъ, недоброжелателенъ къ ближнему, любитъ судиться и пройдти чрезъ всѣ инстанціи просто изъ принципа, но и пройдя таковыя онъ опять начинаетъ снова. Уголовныя преступленія—очень рѣдки; проступки, въ сравненіи съ его собратіями среднихъ губерній, тоже дакже рѣдки; такъ за 1883 г. по обоимъ участкамъ въ волостныхъ правленіяхъ:

Рѣшено дѣлъ по проступкамъ.	Число лицъ, обвиняемыхъ.	Изъ нихъ наказано розгами.	Подвергнуто штрафу и аресту.	Оправданы.	Кончились миромъ.
351	470	68	175	117	110

Наибольшій % обвиняемыхъ—въ Байдаровской волости 134, гдѣ почти чистый новгородскій элементъ. Рѣшено же дѣлъ по спорамъ въ однихъ волостныхъ правленіяхъ, не считая высшихъ крестьянскихъ учрежденій, —873; и здѣсь опять встрѣчаемъ наибольшій % въ Байдаровской—112 дѣлъ и смежной съ ней Шонгско-Николаевской—107.

Пьянство здѣсь между крестьянами не такъ развито, какъ въ другихъ уѣздахъ; объ этомъ можно судить изъ того, что на весь уѣздъ, считая тутъ городъ и ярмарки, продается только до 50 т. ведръ; но за то здѣсь развито пивовареніе, и крестьяне много потребляютъ пива, которое въ извѣстные праздники варятъ цѣлымъ селені-

емъ сообща, для чего у нихъ и имѣются всѣ приспособленія, и тогда уже въ отведенной для сего избѣ пьютъ пиво всѣ отъ мала до велика безъ просыпу отъ 3—7 дней пока не кончатъ его.

Въ умственномъ отношеніи мѣстный крестьянинъ стоитъ на низкой степени развитія: христіанскія понятія, при ничтожномъ духовномъ развитіи, мало вліяютъ на грубую натуру его, по свойству которой ему очень могли бы быть полезны церковно-приходскія бесѣды и поученія отъ мѣстнаго духовенства на языкѣ и по формѣ изложенія доступныя для его пониманія. До сихъ поръ еще со всею обрядностію передъ праздникомъ Св. Троицы продолжаютъ свое существованіе „Семики"—поминки на могилахъ покойниковъ, гдѣ впрочемъ присутствуетъ всегда и духовенство, переходя отъ могилы къ могилѣ для совершенія литій; нравственная сторона крестьянъ тоже не на высокой степени, почему и игры между молодостью на посидѣлкахъ не отличаются благопристойностью, впрочемъ вѣроятно со временемъ изгладится эта грустная сторона народа, такъ какъ во всякомъ случаѣ здѣсь все-таки существуетъ нѣкоторая связь религіи съ народною жизнію; такъ, напримѣръ, послѣдовательностію церковныхъ праздниковъ опредѣляется здѣсь весь ходъ сельскихъ занятій и увеселеній народа, причемъ обрядовая сторона процессій никогда ничѣмъ не нарушается.

По окончаніи хлѣбной уборки, каждая семья оставляетъ нѣсколько овса не сжатымъ, говоря „Фролъ да Лавръ, приходи коня покормить"; послѣдній снопъ несется домой съ пѣснями и ставится въ передній уголъ); на Покровъ Божіей Матери служатъ молебны и потомъ снопъ раздаютъ скоту, чтобъ послѣдній лучше ѣлъ весь заготовленный кормъ. На святкахъ, по вечерамъ „колядуютъ"; наряженные медвѣдями, козлами и проч., ходятъ

по домамъ и поютъ подъ окнами пѣснопѣнія, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ:

Народился нашъ Спаситель,
Всего міра Искупитель,
Пойте, воспойте лики во вѣки.
Торжествуйте, ликуйте и т. д.
(припѣвъ) Тебѣ честному господину,
Да дастъ счастливую годину,
Того ли чаемъ,
Того ли желаемъ
Главы преклоняемъ и т. д.

За это имъ высылаютъ пироги и другое угощеніе, но такъ какъ наряжаться считается грѣхомъ, то для очищенія всѣ наряжавшіеся умываются святой водой.

Вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ распространена въ такой степени, что у нихъ, какъ у древнихъ грековъ, все, начиная отъ избы и кончая лѣсомъ, наполнено этими порожденіями неразвитаго народнаго разума.

Бытъ здѣшняго народа удивительно напоминаетъ древній старо-русскій сохранившійся во всей чистотѣ своей вѣроятно вслѣдствіе неподвижности и замкнутости населенія. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи свадебные обряды съ ихъ приговорками и причитаніями и сохранившіеся древне славянскіе обычаи, напримѣръ, въ разуваніи жениха невѣстой въ первую ночь послѣ брака. Самое начало сватовства напоминаетъ древнее умываніе невѣсты, о которомъ упоминаетъ еще Несторъ; здѣсь говорятъ, что женихъ сбирается подъѣхать къ высокому терему, раскинуть тамъ шатры парусинные и взять въ полонъ красну дѣвицу". Невѣста въ это время жалуется своимъ подругамъ на родителей, что они продали ее „погубителю, раззорителю" (жениху). Послѣ смотринъ

мѣста у жениха, на другой день сватъ отправляется къ роднымъ невѣсты „по платы“ и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ жениху „платы“, т. е. полотенцо, вытканное самой невѣстой, тутъ же происходитъ и „рукобитье“, при слѣдующемъ причитаніи дѣвушекъ съ невѣстой:

Что не ключики крякнули,
Не замочки шовкнули;
Въ высокомъ теремѣ,
По рукамъ ударили,
Запросватали дѣвицу,
Нашу подружку—голубушку.

Затѣмъ слѣдуетъ „пропиваніе невѣсты“, причемъ пьянствуютъ до тѣхъ поръ, пока все заготовленное вино и пиво не выпьютъ. По возвращеніи съ пира невѣста встрѣчаетъ родныхъ слѣдующимъ припѣвомъ:

Богъ тебѣ судья, батюшка,
И вамъ дядюшки всѣ и тетушки;
Вы пропили меня бѣдную,
Промѣняли меня молоду
На стаканъ пива пьянаго
Да на чарку вина зеленаго.

Наканунѣ вѣнчанія бываетъ дѣвишникъ по здѣшнему —„плаканье“; тутъ родители послѣ вечерней трапезы благословляютъ образомъ дочь идти въ „теплую парушу“ (баню); при этомъ она съ дороги нѣсколько разъ возвращается испуганная, какъ говоритъ: то „чумачками, то кикой—шитой въ лаптища обутой“; тогда для охраненія ей даютъ „провожатаго“, который и доводитъ ее до бани. На другой день подруги приходятъ поднимать невѣсту съ постели и подаютъ умыться, зажигаютъ предъ образомъ свѣчу, и невѣста кладетъ поклоны съ слѣдующимъ причитаніемъ:

Благослови меня, Господи,
Я первый поклонъ положу
За Государя милостиваго
И за Царицу благовѣрную,
И за его малыхъ дѣтушекъ.
Ты сохрани Его Господи,
И Пресвятая Богородица,
И создай Ему Господи,
Добра здоровья, вѣку долгаго.

Второй поклонъ за „властей милосливыхъ“, третій—за родителей и родню, а четвертый „за себя молодешеньку“; затѣмъ слѣдуетъ „красованіе“ невѣсты: она разодѣтая идетъ со подруженьки—голубушки свои прогуляться по широкой улицѣ или по калиновому мосту (сѣни). Сборы жениха еще любопытнѣй, и особенно женихова поѣзда: въ немъ главные члены: тысячскій, большой баринъ, сватъ переметникъ, дружка и подвозкій; замѣчательнѣй всѣхъ—роль дружки, всѣ его приговоры дышатъ неподдѣльнымъ народнымъ юморомъ. При входѣ на крыльцо къ невѣстѣ, по пріѣздѣ поѣзда, дружка говоритъ: „На ступень ступилъ, на другую ступилъ, Іисусову молитву проговорилъ. Заведенъ ли въ здѣшнемъ дому княжецкомъ порядокъ, поставлены ли у дверей придверечники, у воротъ—приворотнички, отворяли бы воротечки дубовыя, вынимали бы подворотеньки хрустальныя, пропускали бы меня, дружку, съ молодымъ подвозскимъ къ красной дѣвицѣ, бѣлой перепелицѣ, прежней обручницѣ, отъ князя молодаго челобитье справить, челомъ ударить. Все ли наша красная дѣвица, бѣлая перепелица, здравствуетъ, а нашъ князь молодой въ чистомъ полѣ, на вороном конѣ, какъ ясенъ соколъ летаетъ. Братья, сватовья, кумовья, старые, молодые, женатые, холостые,—не утайте, нѣтъ ли въ здѣшнемъ дому княженецкомъ собакъ кусли-

выхъ, ребятъ ревливыхъ, бабъ бранчивыхъ. Садите вы собакъ кусливыхъ на цѣпь, ребятъ ревливыхъ—на печь. а бабъ бранчивыхъ—въ подполье". По входѣ жениха невѣста подноситъ ему „хворостъ" (сухой сочень), но дѣвушки не даютъ ему, стараясь, чтобъ женихъ не успѣлъ переломить его, сопровождая все шутками. Потомъ одѣваютъ невѣсту, благословляютъ ее образомъ, и ведутъ подъ вѣнецъ; по возвращеніи оттуда ихъ сажаютъ за „княжій столъ", послѣ котораго ведутъ ихъ въ „подклѣть, гдѣ молодая, въ знакъ покорности, разуваетъ мужа, кланяется ему три раза въ ноги, и проситъ позволенія лечь подлѣ него

Сельское хозяйство, ремесла и промыслы. Главное богатство уѣзда составляютъ лѣса, но отъ неправильнаго веденія хозяйства въ большинствѣ вырублены и выжжены такъ, что нѣкоторыя дачи только числятся по документамъ.

Хозяйство ведется здѣсь пока еще самымъ примитивнымъ порядкомъ; для обработки почвы существуетъ—косуля, похожая конструкціей на ярославскую, но устойчивѣе ея; пашутъ загонами въ привалъ. Хлѣба всѣ жнутъ. Коса для скоса травы употребляется гораздо короче обыкновенной, что вызывается характеромъ лѣсныхъ покосовъ, а работаютъ ей бабы; кромѣ того здѣсь въ употребленіи еще и горбуша—родъ большаго серпа, которой косятъ сѣно дѣйствуя ей отъ себя вправо и влѣво, но она уже уже выходитъ изъ употребленія, какъ крайне неудобное и самое примитивное орудіе.

Вообще одно можно сказать, что поля свои крестьяне обработываютъ крайне тщательно. Что касается до степени урожая, то за среднее можно положить рожь—сама 5 и овесъ—тоже. Ленъ даетъ изъ пуда посѣянныхъ сѣмянъ отъ 400—800 сноповъ, и изъ ста сноповъ выходитъ 3—5 пудъ трепанаго льна, цѣна ему

4 р.—4 р. 75 коп. Рожь сѣютъ старыми сѣменами, но не потому чтобы отъ этого лучше были урожаи, а отъ того что посѣвъ производится въ концѣ Іюля, когда хлѣбъ еще на корню. Складывается хлѣбъ не въ скирды а во „промежки", т. е. между вбитыхъ въ землю кольевъ, по два снопа, колосьями вмѣстѣ. Сушится снопами и молотятъ не въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Горохамъ не даютъ вызрѣвать на полосѣ, а берутъ еще зеленые и высушиваютъ на козлахъ, какъ клеверъ въ Остзейскихъ губерніяхъ и тогда уже молотятъ.

Жаль, что здѣсь мало воздѣлываютъ корнеплодовъ, между тѣмъ при отсутствіи почти ночей въ періодъ роста растеній, и такой массы солнечнаго свѣта, обусловливаемаго долготой дней свойственныхъ 61—65° С. Ш., разведеніе корнеплодовъ давало бы полное право ручаться за успѣхъ.

Огородничество развито только для домашняго обихода, какъ и хлѣбопашество; оно въ зародышномъ состояніи, тогда какъ могло бы составить одну изъ доходныхъ статей.

Садоводства нѣтъ въ силу климатическихъ условій.

Луговодства тоже нѣтъ, тогда какъ для благосостоянія края является крайняя необходимость въ развитіи здѣсь искуственнаго травосѣянія, для чего тутъ есть всѣ данныя по почвеннымъ условіямъ.

Скотоводство хотя и развито значительно между крестьянами, но содержатъ скотъ они главнымъ образомъ ради навоза, не обращая никакого вниманія на его воспитаніе и содержаніе, по этому скотъ мелокъ и не производителенъ.

Овцеводство развито въ слабой степени, и здѣсь всѣ издѣлія шерстяныя для одежды, замѣняетъ льняная ткань— очень грубая. Коневодства нѣтъ. Пчеловодство развито въ Лузянской и Черновско-Николаевской волостяхъ, оно

бортяное, но какъ велики размѣры его за неимѣніемъ данныхъ опредѣлить трудно

Изъ промысловъ—единственные—это рыбные и звѣриные, другихъ же никакихъ нѣтъ; все необходимое для мѣстнаго крестьянина привозится изъ Вятки, кустарная производительность тоже не развита.

Н. П.

Г. Никольскъ.

1884 г. 21 Октября.

Преданія, обычаи, заговоры, суевѣрія и ворожба въ средѣ населенія Кадниковскаго уѣзда

Этнографическій матеріалъ.

Этотъ матеріалъ служитъ дополненіемъ къ очерку „Троичина", помѣщенному въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ 1883 г.; въ виду его чисто мѣстнаго значенія Редакція печатаетъ его на страницахъ своего изданія, хотя при этомъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что статья эта состоитъ только изъ ряда объективныхъ фактовъ, лишенныхъ всякихъ обобщеній и выводовъ, что впрочемъ вполнѣ отвѣчаетъ и значенію самой статьи, какъ мѣстнаго этнографическаго матеріала.

бортяное, но какъ велики размѣры его за неимѣніемъ данныхъ опредѣлить трудно

Изъ промысловъ—единственные—это рыбные и звѣриные, другихъ же никакихъ нѣтъ; все необходимое для мѣстнаго крестьянина привозится изъ Вятки, кустарная производительность тоже не развита.

Н. П.

Г. Никольскъ.

1884 г. 21 Октября.

Преданія, обычаи, заговоры, суевѣрія и ворожба въ средѣ населенія Кадниковскаго уѣзда

Этнографическій матеріалъ.

Этотъ матеріалъ служитъ дополненіемъ къ очерку „Троичина", помѣщенному въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ 1883 г.; въ виду его чисто мѣстнаго значенія Редакція печатаетъ его на страницахъ своего изданія, хотя при этомъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что статья эта состоитъ только изъ ряда объективныхъ фактовъ, лишенныхъ всякихъ обобщеній и выводовъ, что впрочемъ вполнѣ отвѣчаетъ и значенію самой статьи, какъ мѣстнаго этнографическаго матеріала.

а) *Преданія.*

Въ старину было нашествіе въ Кадниковскій уѣздъ какого-то воинственнаго народа, который на пути своемъ дѣлалъ страшныя опустошенія и звѣрства; когда дѣйствительно было это нашествіе—достовѣрно неизвѣстно: одни говорятъ, лѣтъ 100 тому назадъ, другіе—200; также неизвѣстно и то, какой это былъ народъ: по однимъ преданіямъ это были разбойники съ Волги, по другимъ—народъ, извѣстный подъ именемъ чуди; а, можетъ быть, это были и бѣглые Новгородцы. По преданіямъ они имѣютъ вездѣ одно и то же названіе „паны", чѣмъ мы и будемъ называть ихъ. Паны прибыли въ Кадниковскій уѣздъ по однимъ преданіямъ съ низовья рѣки Кубены, по другимъ—изъ Вельсыаго уѣзда, и было ихъ очень много. По прибытіи навели на мѣстныхъ жителей сильнѣйшій страхъ, такой, что и теперь еще ихъ именемъ пугаютъ маленькихъ ребятишекъ, когда они расплачутся. Паны занимались грабежемъ, и ограбленныя деревни нерѣдко сожигали, какъ это, напримѣръ, случилось съ деревней Куненской, Нижеслободской волости. Бывали случаи сожиганія ими людей, вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, какъ говоритъ преданіе: Когда паны пріѣхали въ деревню Хмѣлевскую, Нижеслободской волости, то жители этой деревни отъ страха всѣ разбѣжались по лѣсамъ, а остался въ деревнѣ только одинъ крестьянинъ, по имени Иванъ, которому и поручено было разбѣжавшимися жителями хранить ихъ имущества, зарытыя въ землю. Иванъ залѣзъ у себя на сараѣ въ стогъ соломы, думая тѣмъ спастись отъ пановъ, но ошибся—паны открыли его убѣжище и потребовали показать имущества. Иванъ отвѣтилъ имъ, что „знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ" ни о какомъ имуществѣ. Паны сильно озлились на него и стали пытать: рвать жилы,

могти, но все было безуспѣшно, тогда они разложили у ручья, (что близъ деревни), —огонь, на который, т. е. на огонь, и положили Ивана и начали медленно жечь, не переставая спрашивать, гдѣ находится имущество, но Иванъ былъ мужикъ непреклоннаго характера и постоянно твердилъ одно и то же: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю“, —съ тѣмъ и умеръ. Послѣ этого и ручей этотъ сталъ называться Ивановскимъ и до сихъ поръ носитъ это названіе. Это событіе было такъ давно, что деревня Хмѣлевская тогда состояла изъ 3—4 домовъ, а теперь въ ней уже 63 дома.

Одинъ крестьянинъ деревни Якуненской, той же волости, по прозванію „Олень“, разъ встрѣтилъ въ своей поскотинѣ пана, который задолго до этого добивался встрѣчи съ Оленемъ, у котораго, по слухамъ, хранилось имущество и деньги всѣхъ крестьянъ той деревни, и паны это знали. Олень, встрѣтивши пана, видитъ невозможность для себя защититься отъ него, такъ какъ панъ былъ вооруженъ копьемъ, а у Оленя не было даже и палки; видя это онъ пустился на хитрость. Онъ началъ быстро удирать отъ пана и, добѣжавши до первой изгороди, онъ перепрыгнулъ чрезъ нее и тутъ же засѣлъ подъ елкой, вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ и панъ и, чтобъ скорѣе перепрыгнуть чрезъ изгородь, онъ сперва перебросилъ чрезъ изгородь копье, что и нужно было Оленю; онъ тогда вскакиваетъ съ быстротою настоящаго оленя и, схвативши копье, тутъ же прикололъ имъ пана. Копье это, говорятъ, и по сіе время хранится въ той деревнѣ.

Одежда пановъ была черная и длинная, на манеръ монашеской.

По преданіямъ въ Ембской волости паны были никто иной, какъ разбойники съ Волги. На счетъ одежды преданія всѣ сходны. Изъ пребыванія пановъ въ этой

волости сохранилось слѣдующее преданіе: Пріѣхавши въ Ембу, паны вознамѣрились убить Антона, крестьянина дер. Агафоновской, слывшаго за богатыря, но это не удалось имъ: Антонъ всюду оказывался побѣдителемъ, а одинъ разъ одному изъ пановъ выбилъ уздечкой всѣ зубы. Беззубаго пана, уже старикомъ послѣ того, кто-то видалъ въ Пошехоньѣ, гдѣ онъ занимался уже хлѣбопашествомъ. Послѣ нашествія пановъ въ Ембской волости найдены были во многихъ мѣстахъ копья и пр. У пишущаго сіи строки, между прочимъ, есть глиняная фляжка, изящной работы и древней конструкціи, съ гербами по бокамъ ея, пріобрѣтенная имъ въ деревнѣ Исаковской, Ембской волости. По преданію, фляжка эта была подарена однимъ паномъ одной старухѣ, отъ которой происходитъ то семейство, гдѣ до сихъ поръ хранилась фляжка. Вотъ преданіе объ этомъ подаркѣ: Когда паны пріѣхали въ деревню Исаковскую, состоявшую тогда изъ 3-хъ дворовъ, то жители этой деревни, по примѣру другихъ, разбѣжались въ лѣса; въ деревнѣ осталась одна эта старуха, которая не боялась пановъ и встрѣтила ихъ съ хлѣбомъ-солью. Это понравилось главному изъ пановъ и онъ уѣзжая подарилъ ей эту фляжку, говоря: „на, старуха, это тебѣ на память". На вопросъ старухи, что они за люди?—панъ отвѣтилъ, что „вольные, съ Волги, ѣздимъ по Руси народъ въ свою шайку забирать, главной нашъ начальникъ живетъ на Волгѣ".

Въ Азлецкой волости есть пустошь Ивониха (Иваниха-тожъ), гдѣ прежде была деревня Иваниха, въ этой деревнѣ встарь долго жили паны, занимавшіеся набѣгами съ цѣлью грабежа въ сосѣднія деревни. До настоящаго времени еще сохранились слѣды этой деревни: отброски отъ желѣза, гдѣ находилась тогда кузница и множество кирпичей. Тутъ же, неподалеку есть холмъ, имѣющій видъ насыпи и около его остатки какого-то строенія.

Паны жили и въ Троицко-Енальской волости, гдѣ по преданію, они и окончили свою разбойническую дѣятельность: часть ихъ была взята нашими войсками, неизвѣстно откуда пришедшими, а часть—разбѣжалась. Они разграбили деревню Родіоновскую и награбленное имущество зарывали въ землю въ своемъ поселкѣ, который гдѣ-то недалеко отъ этой деревни находился. Изъ этого поселка они дѣлали набѣги на сосѣднія деревни, особенно часто они производили грабежъ въ Ухтомской волости, во время гулянія тамъ 16 Іюня они производили страшный переполохъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Награбленныя деньги паны зарывали въ землю; о такихъ кладахъ много бывало записокъ, по которымъ нерѣдко и находили ихъ. Вотъ преданіе объ одномъ изъ кладовъ: въ Троицко-Енальской волости прежде была церковь деревянная, отъ того мѣста, гдѣ она находилась, нужно взять прямую линію на гору, гдѣ находился панскій поселокъ и вотъ тамъ, при скрещиваніи этой линіи съ прямою же линіею отъ ближайшей деревни, зарытъ въ землю пивной котелъ, наполненный серебромъ и золотомъ: котелъ этотъ, какъ говоритъ преданіе, находится подъ громаднымъ камнемъ.

Близъ деревни Заозерья, Нижеслободской волости есть тоже кладъ: корчага золота. Кладъ этотъ находится въ 100 саженяхъ въ южную сторону отъ озера. Попытокъ отыскать этотъ кладъ было дѣлано много но все безуспѣшно,—кладъ и по сіе время находится неоткрытымъ.

Въ другихъ мѣстахъ такія попытки будто-бы увѣнчивались успѣхомъ. Такъ разсказываютъ, что крестьянинъ деревни Засухинской, той же волости, по имени Панкратъ, умершій лѣтъ 50 тому назадъ, разъ въ своей жизни нашелъ кладъ: корчагу золота и серебра. Кладъ этотъ найденъ Панкратомъ единственно по ука-

занію преданія: гдѣ онъ по преданію долженъ быть, тутъ дѣйствительно и оказался. Отыскалъ онъ этотъ кладъ съ другимъ крестьяниномъ, но деньги получилъ одинъ всѣ, обманувъ своего товарища. Объ этой находкѣ говорятъ слѣдующее: Панкратъ, дорывшись до корчаги, вдругъ бросилъ свой заступъ, и, быстро выскочивъ изъ ямы, побѣжалъ и крикнулъ: „пугаетъ! бѣжи и ты — задавитъ!“ и товарищъ его тоже побѣжалъ, отступившись отъ клада. Когда они прибѣжали домой, то Панкратъ тайно отъ товарища сходилъ туда и досталъ эту корчагу и съ тѣхъ поръ зажилъ богато. Потомки его и теперь еще въ своей деревнѣ слывутъ за богачей.

Близъ деревни Семеновской, Шевницкой волости, была прежде какая то деревня, но ее сожгли паны. Слѣды этой деревни сохранились еще до сихъ поръ.

Б) *Обычаи.*

За два дня до Рождества Христова дѣвицы сообща пекутъ пироги. Матеріалы для этого, какъ то: мука, соль, рыба или что либо иное, приносятся каждой, участвующей въ печеніи пироговъ. Пироги эти ѣдятъ частью сами, частью ребята, изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣвицами.

Въ ночь на Новый годъ дѣти, въ возрастѣ отъ 10—15 лѣтъ, имѣютъ обыкновеніе красть разные экипажи мѣстной деревни, какъ то: сани, пошовни, соху, борону и т. п., и все это утаскиваютъ куда нибудь подъ гору, около деревни, и складываютъ въ одну кучу. Кража эта сопровождается сильнымъ крикомъ, хохотомъ и потому зачастую хозяинъ слышитъ это и поступаетъ въ данномъ случаѣ согласно своему праву: если смирный, то не выходитъ на улицу, чтобъ разогнать ребятишекъ, а скажетъ только: „ну, пусть потѣшатся“, если не смир-

ный, то горе тогда маленькимъ воришкамъ! Онъ выскакиваетъ на улицу и бьетъ ихъ, но не смотря на получаемые иногда побои, обычай этотъ никогда не прекращался и не прекращается теперь. Получивши „потасовку“, ребятишки не покидаютъ своего дѣла и всю ночь просидятъ гдѣ нибудь вблизи „сердитаго“, но дождутся таки того, что сердитый уснетъ, и тогда они съ удвоенной смѣтливостью и энергіей утащатъ у его все, что будетъ можно. То-то будетъ у нихъ веселье, когда удастся утащить сани у „сердитаго„! Эти сани непремѣнно постараются разбить въ дребезги, чего съ другими не дѣлаютъ. На другой день вся эта куча разбирается хозяевами и ребятишки уже не трогаютъ.

Въ святки здѣсь по обычаю ходятъ ряжеными. По неимѣнію масокъ, рядятся въ свои домашніе костюмы и непремѣнно дѣвица мужчиною, а парень женщиною. Ряженыхъ сопровождаетъ толпа ребятишекъ Парни большей частью разыгрываютъ роль старика горбатаго, хромаго, цыгана или начальника, для роли послѣдняго служитъ солдатскій мундиръ.

Въ масляную недѣлю бываетъ катаніе съ горъ. Катаются на „корежкахъ“ (*) и „чункахъ“ (**). Катаніе съ горъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ по близости есть гора, бываетъ во всю зиму, но съ тою разницею, что тогда катаются одни только ребятишки, а въ масляницу — парни, дѣвицы, а не рѣдко и пожилые люди, особенно бабы, катаніе которыхъ, впрочемъ, сопряжено еще кромѣ удовольствія съ повѣрьемъ, а именно: если женщина скатится съ горы удачно, т. е. не упадетъ съ корежки

(*) Деревянная доска, облитая и замороженная водою съ коровьимъ каломъ.

(**) Чунки саласки.

и не уѣдетъ въ сторону, то это считается за признакъ того, что у ней въ этотъ годъ выростетъ ленъ длинный и хорошій. Тамъ, гдѣ нѣтъ естественной горы, дѣлается въ масляницу искусственная. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ катаніе бываетъ на лошадяхъ, при чемъ лошади украшиваются лентами, обвѣшиваются бубенчиками, и запрягаются непремѣнно въ пошовни, какъ наиболѣе почетный экипажъ. Въ пошовняхъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ два парня и двѣ или три дѣвицы. Одинъ изъ парней играетъ на гармоникѣ, а дѣвицы поднѣваютъ, а второй ямщичаетъ, т. е. исправляетъ должность ямщика. Въ деревнѣ Хмѣлевской, Нижеслободской волости, катаніе съ горы въ масляницу заканчивается сожженіемъ на рѣкѣ Кубенѣ дегтярной бочки, гдѣ разбиваются объ ледъ и корежки.

Въ Великій постъ по деревнямъ, особенно въ сѣверной части уѣзда, пекутся колачи и ступки. Колачи бываютъ изъ крупчатки втораго сорта, а ступки изъ гороховой муки и имѣютъ форму пирамиды. Всѣ эти яства покупаются молодыми парнями, которые по вечерамъ играютъ въ карты, ставя ихъ вмѣсто денегъ. Кромѣ картъ, игръ въ „колачи“ много, наиболѣе распространенными являются слѣдующія: рубка къ стулу, рубка на стулѣ, бросаніе черезъ воронецъ, ѣда; а) рубка къ стулу: кладется калачъ на полъ вертикально и такъ, чтобы кромѣ того онъ плотно прилегалъ къ стулу, который бываетъ просто деревянный обрубокъ, затѣмъ его требуется перерубить поперегъ съ одного удара топоромъ. Вся трудность подобной игры заключается въ правильности удара: на 1/4 дюйма ударить пониже, то топоръ войдетъ въ полъ, и калачъ будетъ цѣлъ; на то же разстояніе взять выше, то нижняя часть колача останется непрорубленною; б) рубка на стулѣ: рубка эта состоитъ въ томъ, что кладется на стулъ 3—4 колача и нужно

ихъ однимъ ударомъ топора перерубить всѣ. Колачи дѣлаются большіе, еле обнимаетъ ихъ остріе топора, такъ что нужна замѣчательная правильность удара, чтобы всѣ они перерубились. Какъ въ первой игрѣ, такъ во второй и послѣдующихъ, наградой выигравшему служитъ отдача безвозмездно перерубленныхъ колачей, а въ противномъ случаѣ онъ долженъ уплатить за нихъ и отдать тому, съ кѣмъ состоялъ споръ; в) бросаніе черезъ воронецъ. Бросаніе черезъ воронецъ колачей совершается такъ: изъявившій желаніе бросить, садится на лавку, лицомъ къ стѣнѣ противъ воронца, беретъ въ руки условленное количество колачей и бросаетъ ихъ черезъ голову; если ему удастся перебросить всѣ колачи черезъ воронецъ, то колачи поступаютъ, какъ я уже сказалъ, въ его пользу. Бросаютъ еще и такъ: бросающій садится на лавку и прижимаетъ своею головой къ стѣнѣ монету, по большей части копѣйку, и затѣмъ тоже бросаетъ условленное количество колачей. Если удастся ему всѣ перебросить и копѣйка не выпадетъ изъ-подъ головы, то игра удалась; б) ѣда. Берутся ѣсть условленное количество колачей и если съѣдятъ, то не платятъ за нихъ нечего, а если нѣтъ, то уплачиваютъ вдвое противъ стоимости ихъ.

Въ Великомъ же посту варится также и кисель изъ гороховой муки, который ѣдятъ съ постнымъ масломъ и тоже бываетъ часто споръ на „ѣду“.

Вошло въ обычай при продажѣ и покупкѣ лошадей слѣдующее: продавецъ долженъ держать свою лошадь за узду полой своей одежды, тоже дѣлаетъ и покупатель при полученіи ея, и затѣмъ обводитъ трижды вокругъ себя купленную лошадь.

Въ Великій четвергъ вся семья „окуривается—т. е. шагаетъ черезъ горящій на сковородкѣ вересъ. Это дѣлается во-первыхъ для того, чтобъ очиститься отъ грѣ-

ховъ, и во-вторыхъ, для того, чтобъ во весь годъ не знать болѣзней.

Въ тотъ же день умываются съ серебра, т. е. кладутъ въ рукомойникъ серебряныя монеты и водою съ нихъ умываются. Это дѣлается для того, чтобъ не знать болѣзней глазъ.

25 Марта не чешутъ головъ, дабы не болѣла голова.

Съ зимы въ первый разъ выгоняютъ скотъ на пастьбу вербами, оставляемыми для этого въ Вербное воскресеніе.

Суевѣрія.

Отъ свирѣпствующей по близости эпидеміи, по мнѣнію мѣстныхъ крестьянъ, можно избавиться слѣдующимъ образомъ: Если заболѣваніе еще не коснулось дома, то вбиваютъ въ косякъ дверей лошадинную подкову, черезъ которую болѣзнь не можетъ перейти. Когда заболѣлъ кто нибудь изъ семейства, то для предупрежденія распространенія болѣзни, остальные члены семьи шагаютъ черезъ горящій вересъ на сковородкѣ, что называется „окуриваться". Окурившіеся — внѣ опасности. Когда же случается, что и окурившійся, не смотря на это, заболѣетъ, то это объясняется тѣмъ, что въ числѣ окурившихся былъ человѣкъ „не чистый", „поганый" и горе тому, на кого падетъ подозрѣніе!

Отъ чесотки лечатся слѣдующимъ образомъ: натапливаютъ жарко баню и тамъ по окончаніи хвостанья (стеганія себя вѣникомъ) натираютъ больное мѣсто золой изъ каменцы (банной печи).

Ребенка, только-что родившагося, прежде всего приносятъ къ отцу, который долженъ его подержать на рукахъ своихъ и поцѣловать еще не обмытаго. Это дѣлается для того, чтобъ отецъ любилъ своего ребенка не переставая.

Приступая къ сѣнокосу, при началѣ косьбы, натачивая косу, говорятъ:

„Коси коса гладко,
Люби коса лопатку,
Лопатка—песокъ,
Косецъ—пирожокъ“

и не ѣдятъ соломатъ (любимая крестьянами ѣда, приготовляемая изъ толокна, смѣшаннаго съ водою, солью и масломъ) до тѣхъ поръ, пока не поставятъ первый зародъ (копна). Такъ поступаютъ для того, чтобъ не сгнило сѣно и не было бы черно.

Когда городятъ осѣкъ, т. е. огородъ вокругъ скотскаго выгона, то во весь этотъ день, какъ и въ послѣдующіе, не берутъ съ собой пищи, а работаютъ голодные. Въ эти дни не борются, не сдираютъ съ дерева коры и начинаютъ это дѣло непремѣнно въ скоромный день. Не ѣдятъ въ этотъ день для того, чтобъ не съѣлъ медвѣдь коровъ, не борются, чтобъ не было борьбы коровы съ медвѣдемъ, не дерутъ коры, чтобы медвѣдь не задралъ кожи съ коровъ, въ скоромный день начинаютъ работу для того, чтобъ не убилъ медѣдь коровъ, вслѣдствіе чего пришлось бы остаться при одной постной пищѣ.

Если коровы не пришли къ ночи домой, то хозяинъ ихъ идетъ на то мѣсто, гдѣ они ночевали и беретъ съ него не много земли, которую и разсыпаетъ по двору. Послѣ этого скотъ долженъ придти.

Чтобы уберечь скотъ отъ истребленія медвѣдемъ, нужно найти медвѣжью голову и зарыть ее въ воротахъ двора.

Приваораживаютъ, т. е приручаютъ собаку новые хозяева такъ: берутъ кусокъ хлѣба и обводятъ имъ во кругъ себя и собаки трижды, и этотъ хлѣбъ отдаютъ собакѣ.

Остриженные ногти не бросаются, а складываются въ одно мѣсто, такъ какъ они пригодятся въ будущей жиз-

ни По повѣрью, послѣ смерти на тотъ свѣтъ придется лезть въ гору, на что необходимы хорошіе ногти. Не стригутся ногти и въ чужомъ домѣ изъ-за боязни поссорится съ хозяиномъ дома.

При колотьи рыбы „съ лучемъ“ первую заколотую рыбу должно зарыть въ землю, какъ бы она не была велика, что дѣлается для того, чтобъ во всю осень былъ удаченъ ловъ ея. Когда ставятъ кряжи для зайцевъ, то перваго зайца не берутъ по той же причинѣ.

Когда весною плывутъ на баркахъ или плотахъ, и на берегу увидятъ зайца, то говорить объ этомъ нельзя, потому что упомянувъ слово „заяцъ“—вызовешь несчастіе: разобьетъ судно, иль сядетъ на мель. Свистать во время сплава тоже не полагается

Если въ какую нибудь осень появится много бѣлки или какой нибудь дичи, то говорятъ, что „это нашъ лѣшій выигралъ у другаго“, а если мало, то значитъ „проигралъ“.

Земляной медвѣдь (кротъ) по понятію крестьянъ очень полезенъ тѣмъ, что будучи высушенъ и положенъ въ воротахъ двора, ограждаетъ скотъ отъ истребленія звѣрьми.

При закладкѣ амбара, надъ четырьмя камнями, идущими подъ закладныя бревна, говорятъ: „Святы Боже, святы крѣпки, святы безсмертны, помилуй насъ!„ затѣмъ плюнувъ по три раза на каждый камень ограждаютъ этимъ амбаръ на всегда отъ пребыванія въ немъ мышей.

При началѣ жатвы, первая горсть хлѣба затыкается жнецами за поясъ и съ нею жнутъ до обѣда. Это дѣлаютъ для того, чтобъ не уставала спина. При окончаніи жатвы овса, оставляется на послѣдней полосѣ часть, съ одинъ снопъ, не сжатою и къ концу жнитва вся семья приходитъ дожинать полосу, храня гробовое молчаніе, и оставляя недожатыми нѣсколько волоконъ, которые беретъ набольшій изъ семьи и закручивая ихъ и не

срывая говоритъ: „Вотъ тебѣ, Илья (Илья пророкъ, который считается у крестьянъ главнымъ кормильцемъ и поильцемъ людей и скота, такъ какъ, по ихъ понятію, онъ производитъ дождь и громъ) „Вотъ тебѣ Илья борода, а ты пой и корьми моего добраго коня!“ Затѣмъ сжатое связывается въ одинъ снопъ и снопъ этотъ приносится домой, гдѣ ставится въ переднемъ углу. Простоявъ тамъ нѣсколько дней, уносится въ сѣнникъ (клеть), гдѣ и лежитъ до Покрова дня, когда его отдаютъ скоту, чтобъ онъ не околѣлъ съ голоду и холоду во время зимовки.

При переходѣ, послѣ раздѣла, въ новый домъ соблюдается слѣдующее: переходятъ „въ глухое время“ — полночь—и такъ, чтобъ никто изъ семейниковъ не зналъ. Напр. если мужикъ съ женой и дѣтьми переходитъ отъ брата, то сперва онъ одинъ перейдетъ, а затѣмъ уже на 2 й день переходитъ и жена его съ дѣтьми. Прежде чѣмъ войти въ избу, впускаютъ туда пѣтуха и ждутъ не запоетъ ли скоро, если запоетъ, то значитъ въ новомъ домѣ заживется весело, а если нѣтъ, то на оборотъ.

При настилкѣ потолка въ новомъ домѣ, къ одному брусу, называемому „матица“, привязываютъ хлѣба и соли, чтобы жилось богаче.

При посѣвѣ озимоваго не ѣдятъ въ полѣ ничего, да бы не съѣлъ озимь червь, а яровое сѣется, положивши въ сѣмена просфору.

Тѣ угли, которые быстро выскакиваютъ изъ печи, во время ея топки, убираются женщинами и во время родовъ съ этихъ углей пьютъ они воду, чтобы родить также скоро, какъ тѣ угли выскочили изъ печи. Съ тою же цѣлію пьютъ настой изъ травы, называемой „прострѣлъ“.

Больнаго кумухой (лихорадкою) лечатъ такъ: пишутъ на лоскуткѣ бумажки начальныя и конечныя буквы каж-

даго слова молитвы, начинающейся словами: „Иже на всякое время, на всякій часъ“...

Чтобы спорился хлѣбъ, кладутъ въ амбаръ какую нибудь глиняную фляжку или чашку, наполненную всякимъ житомъ.

Когда отелится корова, то ее доятъ 8 сутокъ въ нечистую посудину и молоко это отдаютъ теленку, затѣмъ уже доятъ въ чистую, но передъ этимъ хозяйка вливаетъ въ эту посудину воды, приготовляетъ горячихъ углей, ладану и мѣшокъ, потомъ начинаетъ молиться Богу. Затѣмъ беретъ все приготовленное, встаетъ къ печному столбу и говоритъ: „Матушка, коровушка, стой также крѣпко, какъ вотъ этотъ столбъ“, и потомъ обмываетъ и обтираетъ мѣшкомъ корову, приговаривая: „косточки, суставчики, собирайтесь въ одно мѣстечко“, и „какъ скоро насыпается въ мѣшокъ зерно, такъ скоро наливайся у коровушки молочко“ и наконецъ окуриваетъ корову ладономъ на горячихъ угляхъ. Теленка держатъ отъ 1 до 2 недѣль въ избѣ. Приносятъ его въ избу въ мѣшкѣ и тотчасъ же прикладываютъ къ печной заслонкѣ, приговаривая: „какъ эта заслоночка держится печки, такъ же крѣпко держись и ты своего двора“.

О томъ, сколько человѣкъ будетъ въ томъ семействѣ, въ которомъ дѣвушкѣ придется жить по выходѣ за-мужъ, гадаютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ въ руки столько соломенокъ, сколько можно захватить и бросаютъ ихъ въ нетесанный потолокъ, изъ круглыхъ бревенъ; число застрявшихъ въ щеляхъ потолка соломенокъ обозначитъ число членовъ того семейства, въ которомъ будетъ жить гадальщица.

Чтобъ узнать съ которой стороны пріѣдетъ женихъ или въ которой сторонѣ онъ живетъ, дѣвицы выходятъ вечеромъ на то мѣсто, гдѣ скрещиваются нѣсколько дорогъ и на этомъ мѣстѣ кружатся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ. Куда которая упадетъ головою, оттуда и должна ждать себѣ жениха.

О пригожести или уродствѣ жениха узнаютъ слѣдующимъ способомъ: прибѣгаютъ къ полѣнницѣ съ дровами и закрывши глаза берутъ на угадъ первое попавшееся подъ руку полѣно и съ нимъ каждая дѣвица бѣжитъ на бесѣду, гдѣ эти полѣнья тщательно разсматриваются: у которой оно окажется прямымъ и гладкимъ, та выйдетъ за красавца, а у которыхъ полѣнья окажутся кривыми или шаршавыми, будутъ имѣть жениха криваго, хромаго, или осповатаго.

Во время рекрутскаго набора, родители рекрута, желая узнать будетъ ли принятъ сынъ въ солдаты, гадаютъ такъ: на ночь кладутъ во дворъ сапоги сына и на утро осматриваютъ ихъ, если они пошевелены и лежатъ на другомъ мѣстѣ, то сынъ будетъ принятъ и на оборотъ. По повѣрью, если сынъ будетъ принятъ, то „дворовушко“ (духъ, въ вѣдѣніи котораго находится скотъ и люди всего дома) перевернетъ сапоги.

О смерти гадаютъ слѣдующими способами: а) когда дожавши послѣднюю полосу, семья собирается уже домой, тогда бросаютъ черезъ голову серпы и чей серпъ воткнется въ землю, тотъ и умретъ въ теченіи текущаго года; б) когда въ день имянинъ неудачно испекутся пироги, то это считается признакомъ того, что имянинникъ въ этомъ году умретъ; в) въ ночь на Новый годъ всѣ чле-

ны семьи берутъ по ложкѣ и зачерпнувъ ими воду, выносятъ ихъ въ холодное мѣсто, а по утру осматриваютъ: у кого въ ложкѣ вода застыла съ небольшимъ углубленіемъ, тотъ умретъ, а у кого вода застыла ровно или съ бугоркомъ—будетъ жить.

А. Ш...овъ

МАТЕРІАЛЫ ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ КУСТАРНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

Кустарный промыселъ лѣсотехническихъ продуктовъ.

Смола, деготь, пекъ, сажа, скипидаръ, канифоль.

I.

Мѣстность, исторія и общая характеристика промысла, подготовка лѣса къ технической обработкѣ, или подсѣка хвойныхъ деревьевъ. Собираніе сѣры—живицы—какъ самостоятельный промыселъ.

Если бы возможно было съ птичьяго полета однимъ взглядомъ окинуть Вологодскую губернію, то вся громадная поверхность ея представилась бы намъ въ видѣ одного непрерывнаго лѣса. Наклонныя рѣчныя долины, площадки, расчищенныя среди волоковъ, пожни и наволоки по мысамъ рѣкъ и заливнымъ ихъ прибрежьямъ—показались бы намъ лишь узкими просѣками и едва примѣтными полянами. Всѣ измѣненія мѣстности, произведенныя трудами человѣка его культурой—исчезаютъ посреди непрерывнаго однообразнаго лѣснаго характера, которымъ природа запечатлѣла весь этотъ

(*) Собраны и обработаны въ 1883 г.

край. При этихъ условіяхъ, почти одинаковыхъ для всей губерніи, становится непонятнымъ, почему преимущественно въ Вельскомъ уѣздѣ сѣла, развилась и окрѣпла кустарная промышленность сухой перегонки дерева, отбросивъ вѣтви въ уѣзды Кадниковскій, Тотемскій, Сольвычегодскій и Шенкурскій Архангельской губерніи. Отчего она съ такою же силою не вкоренилась въ уѣздахъ Никольскомъ, Велико-Устюгскомъ, Яренскомъ и Устьсысольскомъ, изобилующимъ еще большими запасами лѣснаго матеріала? Объяснить такое явленіе можно только богатствомъ въ Вельскомъ уѣздѣ лѣсовъ преимущественно сосновыхъ, отдаленностію ихъ отъ мѣста сбыта и затрудненіями сплава. Съ другой стороны климатическія и почвенныя условія вынудили мѣстное населеніе не слишкомъ-то радѣть о земледѣліи, такъ что сельское крестьянское хозяйство ведется здѣсь лишь на столько, на сколько необходимо для годоваго обезпеченія продовольствіемъ. Въ силу этихъ причинъ у мѣстнаго крестьянина остается достаточное количество свободнаго отъ работъ времени. Естественно, что лѣсъ по громозкости своей и неудобству сплава, не могущій выдержать отдаленнѣйшей транспортировки, въ состояніи оправдать ее лишь въ переработанномъ видѣ, въ смолу, скипидаръ и деготь, какъ продукты менѣе громозкіе и болѣе цѣнные; вслѣдствіе чего мѣстное населеніе, за отсутствіемъ болѣе сподручныхъ кустарныхъ промысловъ, занялось лѣсотехническими производствами. Нѣтъ никакихъ историческихъ указаній съ какого времени въ Вельскомъ уѣздѣ начался этотъ промыселъ, но судя потому насколько населеніе знакомо съ техническими пріемами этого дѣла можно думать. что промыселъ этотъ существуетъ очень давно и въ глазахъ крестьянъ въ былые годы игралъ не меньшую роль, чѣмъ землевладѣніе. *„Нынче не стоитъ пахать смолы“* говорятъ крестьяне, *„когда на смолу была хорошая цѣ-*

на“ мы „*всѣ пахали смолу*“... выраженія эти объясняютъ, что въ былые годы смолокуреніе приравнивалось земледѣлію и считалось на столько же выгоднымъ, какъ и послѣднее.

Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ какъ въ одномъ Вельскомъ уѣздѣ существовало болѣе 800 заведеній для выдѣлки лѣсотехническихъ продуктовъ. По своему устройству, какъ увидимъ ниже, ихъ нельзя назвать заводами, хотя у мѣстныхъ жителей они и носятъ это названіе. Это просто весьма незатѣйливыя ручныя приспособленія, на которыхъ работаютъ крестьяне отдѣльными семьями. Въ настоящее время, вслѣдствіе возвышенной пошлины на тару и лѣсъ, идущій въ обработку, число заведеній сухой перегонки деревъ—значительно сократилось. Главный центръ этихъ промысловъ, какъ и прежде, находится и теперь во владѣніяхъ удѣльнаго вѣдомства и составляетъ одинъ изъ существенныхъ доходовъ удѣла съ оброчныхъ статей тѣхъ лѣсныхъ дачъ, которыя назначены для смолокуреннаго производства.

Промыслы сухой перегонки дерева заключаются в выдѣлкѣ смолы, дегтя, пека, сажи, скипидара и канифоли. По этимъ видамъ продуктовъ существуютъ у крестьянъ и обработывающія приспособленія, причемъ каждое производство выполняется со всѣми передѣлами, во всѣхъ его частяхъ до конца. Началомъ дѣла и самою существенною его основою служитъ подготовка лѣса къ химической обработкѣ, или подсочка хвойныхъ деревьевъ.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ Финляндіи и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, а равно и за границею, для обогащенія древесины дерева смолою, и для собиранія смолистаго сока, называемаго живицею, идущею на приготовленіе канифоли и на полученіе высшихъ сортовъ скипидара, производится подсочка растущаго хвойнаго лѣса. Этою подсочкою достигаютъ производители двухъ

цѣлей, т. е. собираютъ живицу и подготовляютъ для смолокуренія богатый смолою матеріалъ, называемый *смольемъ—подсочкою.*

Извѣстно, что хвойныя деревья во всѣхъ своихъ частяхъ содержатъ, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ лиственныя, смолы въ жидкомъ видѣ, растворенной болѣе или менѣе эфирными маслами. Сокъ этотъ, называемый естественнымъ бальзамомъ, иногда выступающій на поверхность дерева, подъ вліяніемъ температуры и атмосферныхъ перемѣнъ измѣняется, эфирныя масла улетучиваются, а остатокъ постепенно твердѣетъ отъ увеличеніе % содержанія смолы. Составныя части смолистаго сока имѣютъ важное значеніе въ промышленности, а потому на добываніе и изслѣдованіе ихъ давно обращено вниманіе ученыхъ техниковъ и промышленниковъ. Извлеченіе смолистаго сока изъ древесныхъ породъ производится механически, посредствомъ нанесенія растущему дереву какихъ либо ранъ, надрѣзовъ или снятія части коры съ деревьевъ и т. п. пріемовъ, смотря по породѣ деревъ и сообразуясь со способностію ихъ выдѣлить изъ тѣхъ или другихъ частей соки. Механическое нанесеніе какихъ либо поврежденій на деревьяхъ дѣлается съ цѣлію вызвать въ нихъ извѣстный патологическій процессъ. Нанесенія ранъ, или надрѣзовъ коры у деревьевъ, называется подсочкою; соскобленные съ обнаженныхъ мѣстъ выступившіе и затвердѣвшіе смолистые натеки носятъ названіе *живицы* или *сѣры.* (*)

Способы подсочки сосноваго лѣса въ Вологодской губерніи совершенно отличаются отъ способовъ, употребляемыхъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и за границею;

(*) Слово живица вѣроятно произошло отъ способности этого вещества заживлять нанесенныя раны дереву.

они самостоятельно выработались здѣсь подъ исключительными мѣстными условіями и ведутся не столько съ цѣлію собиранія живицы, сколько въ виду обогащенія смолою древесины дерева, назначаемаго для смолокуренія.

Подсочка или неносеніе ранъ дереву, черезъ соскабливаніе частей коры съ хвойныхъ древесныхъ породъ преимущественно съ сосны, съ цѣлію вызвать извѣстный патологическій процессъ, производится обыкновенно въ такое время года, когда дерево находится въ соку, откуда по всей вѣроятности произошло и самое слово *подсочить*. Въ нашемъ сѣверномъ краѣ операцію эту совершаютъ въ Маѣ и Іюнѣ, во время наибольшаго движенія древесныхъ соковъ. Подсочки дѣлаются слѣдующимъ образомъ: въ первый годъ съ окружности дерева соскабливаютъ кору топоромъ захватывая при этомъ часть древесины, высотою на 2 фута отъ корня, причемъ оставляютъ неоскобленною часть коры въ видѣ полосы, которая и называется *ремнемъ*. Ремень этотъ соединяетъ нижнюю несоскобленную кору дерева съ верхней не поврежденной корой, что даетъ возможность дереву продолжать свое существованіе, потому что движеніе соковъ какъ восходящихъ, такъ и нисходящихъ можетъ совершаться по ненарушенной связи между верхней и нижней корою. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне засачиваютъ деревья такъ, что оставляютъ два противуположныя ремня, произведя залысины между ними длиною фута въ три, но въ такомъ случаѣ подсочка дѣлается узкою полосою дюйма въ три шириною. На слѣдующій годъ удлиняютъ подсочку къ верху на 1 футъ и въ ширину на нѣсколько пальцевъ. Смолистыя вещества, выступая изъ обнаженныхъ мѣстъ, образуютъ обильный отекъ молочнаго цвѣта, и въ то же время древесина мало по малу начинаетъ пропитываться смолистыми веществами отъ окружности къ центру (сердцевинѣ). Пропитанные смолою

слои древесины можно легко отличить отъ непропитанныхъ по ихъ желтоватому цвѣту и сильному смолистому запаху.

Подсоченная сосна продолжаетъ рости безъ видимаго вреда, и подъ ремнемъ продолжаютъ образовываться новые годичные слои. Этими слоями начинаютъ мало по малу заплывать и обнаженныя мѣста дерева, такъ что подсоченное дерево, если будетъ оставлено въ покоѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, то годичные слои, образующіеся подъ не соскобленною корою, почти совершенно охватятъ всю подсоченную окружность, останется только не большое углубленіе овальнаго вида, на мѣстѣ подсоченной части окружности. Углубленіе это крестьяне называютъ *опашнемъ* и оно часто замѣчается на очень старыхъ нѣкогда подсоченныхъ деревахъ. Чтобы большая часть дерева могла служить матеріаломъ для смолокуренія и, чтобы большое количество оно могло выдѣлить живицы, начинаютъ постепенно расширять подсочку по окружности, каждый разъ на значительную величину и удлиннять ее ежегодно. Для большаго смоловыдѣленія полезнѣе бываетъ удлиннять подсочку отъ комля къ вершинѣ, что на языкѣ смолокуровъ называется *привздымать подсочку*. Пріемъ этотъ повторяется въ лѣто раза два. Коренные же смолокуры, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живица имѣетъ особую цѣнность и назначеніе, подсачиваютъ каждое дерево разъ до 3 въ лѣто, каждый разъ срѣзая кору съ дерева отъ 4—6 вершковъ по длинѣ. По мѣрѣ того, какъ удлинняется подсоченная поверхность комля, она вмѣстѣ съ тѣмъ и расширяется по окружности. На третій годъ нанесенную рану дереву въ предшествовавшіе два года еще увеличиваютъ соскабливаніемъ коры по нѣскольку разъ въ лѣто, но не болѣе какъ по вершку, и въ эти года подсочка увеличивается фута на два и ремень удлинняютъ на такую же величину, и т. д. поступаютъ въ послѣдующіе годы. Впрочемъ

если смольнякъ нужно для выкурки смолы, а онъ еще не готовъ, то крестьяне соскабливаютъ съ разу по 2 фута, что продолжается до срубки дерева. Такой смольнякъ крестьяне заготовляютъ при большомъ спросѣ на смолу по выгоднымъ для нихъ цѣнамъ. Гдѣ идетъ сборъ сѣры — живицы, тамъ и въ послѣдующіе годы подсачиваютъ деревья каждый разъ на извѣстную уже очень незначительную величину. Если подсочить дерево съ разу на очень значительную величину, наприм. футовъ на 5 или 6, а на слѣдующій годъ повторить подсочку на такую же высоту, то стволъ дерева не будетъ такъ хорошо просмаливаться, какъ отъ небольшихъ подсочекъ, совершаемыхъ въ большіе промежутки времени. Когда желаютъ воспользоваться подсоченнымъ комлемъ, какъ матеріаломъ для смолокуренія, тогда заблаговременное, въ послѣдній годъ предъ срубкой дерева, снимаютъ ремень, отъ чего дерево начинаетъ подсыхать. Зимою или позднею осенью дерево срубается и получаютъ такимъ образомъ кряжи, очищенные отъ коры, называемые *смольемъ — подсочкой*. Длиною они бываютъ обыкновенно 5 — 6 аршинъ, но иногда длина подсочника простирается и до $7^1/_2$ аршинъ. Изъ описаннаго не трудно сдѣлать заключеніе, какое число лѣтъ требуется для того, чтобы постепеннымъ подсачиваніемъ или по выраженію смолокуровъ *удабриваніемъ* дерева, подготовить хорошее и выгодное смолье. Простирать подсочку выше 6 — 7 аршинъ отъ корня становится уже очень затруднительнымъ, да и суковатость дерева не допускаетъ этого, *не позволяетъ лѣсина*, какъ говорятъ крестьяне, въ особенности въ рѣдкомъ насажденіи, по песчанымъ холмамъ, а потому 6 — 7-ми аршинная длина смолья встрѣчается сравнительно не часто, только при благопріятномъ ростѣ лѣса и у коренныхъ, болѣе зажиточныхъ смолокуровъ. Обыкновенно длина смолья рѣдко превышаетъ $4^1/_2$

—5 1/2 аршинъ. Чѣмъ долѣе остается на корнѣ подсоченное дерево, тѣмъ лучше и глубже просмаливается его древесина. По увѣренію опытныхъ смолокуровъ изъ стараго 12—15 лѣтняго смолья, растущаго при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ получиться съ одной нормальной куб. саж. 58 п. смолы при печной выкуркѣ.

По качесту почвы, на которой произрастаетъ сосна, смолье бываетъ различнаго достоинства: сосны, растущія на окраинахъ моховыхъ болотъ и низменныхъ сырыхъ мѣстахъ, слѣдовательно обильныя влагой, даютъ посредственное смолье; въ самыхъ же моховыхъ болотахъ сосны съ округленною вершиною, по мѣстному выраженію *шапочникъ*, вовсе негодны для подсочки на смолье, сосны на боровыхъ, песчаныхъ почвахъ даютъ наилучшее смолье. Вообще, чѣмъ сырѣе почва, тѣмъ медленнѣе просмаливаются комли и смолье получается худшихъ качествъ. Настоящимъ спѣлымъ смольемъ считается то, которое выдержало по крайней мѣрѣ 5 *привздымокъ* и не короче 4 1/2—5 аршинъ.

Очевидно, что для сбереженія трудовъ и въ отвращеніе напраснаго лѣсоистребленія, смолокуръ, принимающійся за свой промыселъ, долженъ подсочить свой участокъ сосноваго лѣса гораздо ранѣе, нежели примется за выкурку смолья изъ заготовленнаго имъ матеріала, и всегда долженъ заботиться о поддержаніи на корнѣ такого запаса подсоченнаго лѣса, какой соотвѣтствуетъ его заводской производительности и промышленнымъ видамъ. Напримѣръ, чтобы съ наибольшимъ сбереженіемъ лѣса и трудовъ имѣть возможность выкуривать ежегодно по 1 куб саж. смолья подсочки, положимъ 5-ти лѣтней заготовки, нужно чтобы за 5 лѣтъ до выкурки хозяинъ началъ засачивать ежегодно по 1 куб. саж. сосновыхъ комлей, тогда съ начатія выкурки смолы изъ заготовленнаго матеріала, въ распоряженіи смолокура будутъ нахо-

диться всѣ разряды смолья въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ собираютъ собственно живицу, начинаютъ подсочку съ ранней весны, иногда еще по снѣгу и ведутъ ее все лѣто, подходя къ каждому дереву раза 3—4 и каждый разъ снимаютъ кору съ дерева на 1/2 фута не болѣе. Раннею весною начинается работа для того, чтобы воспользоваться весенними холодами, облегчающими соскабливаніе съ деревъ живицы, которая въ это время не такъ липнетъ къ топору. Если не соскабливать живицу отъ весны до осени, то произойдетъ безвозвратно потеря очень цѣннаго продукта: живица, накопившаяся на обнаженныхъ мѣстахъ дерева, частію теряетъ легкія эфирныя масла черезъ вывѣтриваніе и испареніе, частію черезъ окисленіе, отъ чего эфирныя масла превращаются въ смолистыя вещества, и съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ, живица дѣлается хрупкою и обваливается въ лѣсу даже отъ вѣтра. Самыя громадныя потери живицы происходятъ во время рубки подсоченныхъ деревъ. Зимою, при небрежной валкѣ ихъ, при наваливаніи порубленнаго матеріала на сани, подвозкѣ его къ смолокурной печи и новой складкѣ, или свалкѣ, для обмѣра, а также при расколкѣ смольняка подсочки на болѣе мелкія части. При выполненіи всѣхъ этихъ операцій со смольнякомъ, почти вся живица съ него обваливается. Наибольшее количество живицы собирается съ дерева въ первые три—четыре года подсочки, въ остальное же время, сколько бы лѣтъ не стояло подсоченное дерево на корню, даже съ неснятымъ ремнемъ, сборъ живицы съ него не производятъ, потому что съ третьяго года стараются, соскабливая живицу, не срѣзать древесныхъ волоконъ, отъ чего комли послѣ подобной обработки кажутся какъ бы покрытыми глазурью. Если снять живицу безъ стружки, то пропитанные уже смолою древесныя волокна препятствуютъ живицѣ вытекать на-

ружу, но за то сама древесина просмаливается ею во внутрь, такъ что чѣмъ дольше будетъ стоять подобное дерево на корнѣ съ неснятымъ ремнемъ, тѣмъ древесина глубже просмолится, а слѣдовательно и при выкуркѣ изъ такого матеріала смолы получится несравненно больше.

Подсачиваніе деревьевъ въ верхнихъ частяхъ дерева производится чаще всего обломкомъ косы, около 12—15 дюймовъ длиною, насаженнымъ почти перпендикулярно длинѣ на шестѣ, длиною футовъ 10-ти Инструментъ этотъ носитъ названіе *косаря*. Подсачиваютъ деревья лишь извѣстнаго размѣра отъ 2 верш. въ діаметрѣ до $4^1/_2$ на высотѣ груди. Впрочемъ это не вездѣ строго соблюдается; тамъ гдѣ существуетъ недостатокъ въ смолокурномъ лѣсѣ поименованныхъ размѣровъ, не трудно встрѣтить подсоченныя тонкія деревья, не достигшія въ діаметрѣ 2 вершк. и черезчуръ толстыя, до 6 вершк. Толстомѣрныя деревья подсачиваются рѣже, чѣмъ тонкомѣрныя, такъ какъ смольнякъ изъ послѣднихъ получается лучшихъ качествъ, дающій большіе выходы смолы, чѣмъ первые.

Такъ какъ лѣса, находящіеся на сѣверѣ Россіи, всѣ принадлежатъ по преимуществу казнѣ и удѣльному вѣдомству, то въ смолокурныхъ дачахъ этихъ вѣдомствъ дозволяется подсачивать лѣсъ не иначе какъ съ обязательствомъ соблюдать изданныя для этого правила. По инструкціи удѣльнаго вѣдомства дозволяется подсачивать:

1) Всякій лѣсъ отъ $3^1/_2$ верш. до 6 вершк. въ діаметрѣ 7 комля.

2) Толстомѣрный лѣсъ только такой, который по своей сучковатости не годенъ для построекъ и для распиловки на тесъ.

3) Толстомѣрный лѣсъ дозволяется подсачивать въ тѣхъ дачахъ, гдѣ онъ не можетъ имѣть сбыта. Въ тѣхъ же дачахъ, гдѣ сбытъ лѣса вполнѣ обезпеченъ, разрѣ-

шается крестьянамъ подсачивать толстомѣрныя деревья подъ условіемъ не срубать дерева до его продажи, слѣдовательно не дозволяется снимать ремни.

4) Подсачивать деревья дозволяется не менѣе 5-ти лѣтъ къ ряду, увеличивая ежегодно высоту подсочки.

5) До снятія послѣдняго ремня, подсочка должна имѣть не менѣе $1^1/_2$ саж высоты и не менѣе этой же длины должна имѣть заготовленное смолье

6) Дерево, съ котораго не былъ снятъ послѣдній ремень въ предшествующее лѣто, недозволяется срубать на смолье.

При производствѣ подсочекъ работающимъ соблюдается, чтобы кора была соскоблена предварительно съ южной (полуденной) стороны, т. е. чтобы подсоченное мѣсто на деревѣ было обращено къ свѣту и чтобы оставляемый на деревѣ ремень пришелся на сѣверъ. Эти условія необходимы въ видахъ того, что солнечный свѣтъ и теплота способствуютъ болѣе обильному образованію и выдѣленію живицы на обнаженныхъ мѣстахъ, между тѣмъ оставленный ремень, находясь большую часть дня на не освѣщенной и непрогрѣтой солнечными лучами сторонѣ, не подсыхаетъ и такимъ образомъ поддерживаетъ жизненныя отправленія дерева. Замѣчено, что лучшій подсочный матеріалъ получается на сухихъ боровыхъ мѣстахъ, особенно на склонахъ холмовъ къ югу, въ рѣдкихъ, хорошо прогрѣваемыхъ и освѣщаемыхъ солнцемъ насажденіяхъ, напротивъ, густыя насажденія на болотистыхъ и сырыхъ мѣстахъ даютъ худшій матеріалъ.

Для соскабливанія съ подсочекъ выступившей на поверхность дерева живицы служатъ два инструмента: скобель-дугообразная желѣзная пластинка, съ двумя деревянными ручками по концамъ, когда живицу приходится съ нижней части дерева и *скребокъ* (трапка), когда живица въ верху дерева, куда скоблемъ не достать. Чтобы удобнѣе было собирать соскобленную съ подсочки живицу пользуют-

ся холщевымъ мѣшкомъ, имѣющимъ форму полуконуса, котораго края пришиты къ деревянной дугѣ, со связанными веревкою концами. Такой мѣшокъ носитъ названіе *попоны*. Соскабливая съ дерева живицу, рабочій подставляетъ мѣшокъ къ дереву тою стороною, по которой протянута веревка, а самъ упирается въ обручь то грудью, то рукою, но если приходится соскабливать живицу въ низу, то колѣномъ, обручь не много сгибается, чрезъ что мѣшокъ плотно прилегаетъ къ дереву и соскобленная живица падаетъ въ мѣшокъ. Лучшее время для собиранія живицы считается осеннее, до наступленія холодовъ; если приходится собирать ее въ морозы, то живицы очень много теряется, потому что въ холодное время живица становится очень хрубкою, при соскабливаніи нѣкоторые куски ея отскакиваютъ далеко отъ дерева и не попадаютъ въ попону, да и руки отъ холода у рабочаго коченѣютъ, такъ что нельзя дѣйствовать ловко скребкомъ. Въ морозы сильнѣе нажимается скребокъ къ дереву, отъ чего живица соскабливается вмѣстѣ съ древесными стружками, а потому не такъ чиста и не имѣетъ достоинствъ хорошей живицы. Сѣра—живица, собранная въ Сентябрѣ—лучшихъ качествъ, она еще не вполнѣ вывѣтрилась, а потому мягка, отчасти прозрачна и тяжела, даетъ болѣе сѣрнаго скипадара и канифоль изъ нея получается хорошихъ достоинствъ. Живица, собранная во время холодовъ на продажу, часто подмѣшивается крестьянами золою, стружками древесины и даже водою или снѣгомъ. Это дѣлается такъ: зимою на чистомъ льду ссыпаютъ сѣру, кладутъ въ нее примѣси, тщательно ихъ стараются перемѣшать, поливая водою и сильно уколачивая колотушками. За такую фиксированную сѣру платятъ всего 15--18 к. за пудъ, тогда какъ за чистую по 30 коп. за пудъ. Живица хорошо сбитая и смѣшанная по виду кажется гораздо красивѣе,

чѣмъ живица безъ фальши; послѣдняя на видъ кажется грязно-сѣрою и въ ней стружекъ и нечистотъ по видимому больше, но по качествамъ она гораздо выше первой. Въ мороженной и сбитой живицѣ трудно опредѣлить количество подмѣсей, вотъ почему низка плата за такую живицу. Крестьяне оправдываютъ производимую ими фальсификацію пониженіемъ цѣнъ на этотъ продуктъ. Фальсифицированная сѣра, вмѣстѣ со стружкою, набивается въ небольшія кадочки, утрамбовывается въ нихъ, послѣ чего съ кадочки снимаютъ обручи, раздвигаютъ клепки и вынимаютъ такимъ образомъ болванку *компактной* живицы, называемую *стуломъ*. Цѣженная хорошая сѣра живица приготовляется нѣсколько инымъ путемъ: собранную сѣру кладутъ въ кадочки, имѣющія внутри ложное дирчатое дно и обливаютъ живицу кипяткомъ, который разогрѣвая сѣру уноситъ ее въ отверстія ложнаго дна; послѣ чего спустивъ воду сѣру спрессовываютъ въ стулъ и пускаютъ въ продажу. Гдѣ развито подсочное хозяйство и сборъ сѣры, тамъ въ этихъ занятіяхъ участвуютъ и дѣти лѣтъ съ 12-ти: они подновляютъ старыя подсочки, собираютъ живицу и вообще дѣйствуютъ косаремъ очень ловко, поставляя къ дереву, если живица высоко, легонькую, узенькую лѣсенку. Старый ловкій рабочій, безъ сбора живицы, можетъ короткими первыми вздымками въ одинъ день засочить 600 деревъ,—вторыми вздымками отъ 300 до 400 деревъ. Если же тотъ же рабочій въ то же время собираетъ и живицу, то онъ въ одинъ день подсочитъ только отъ 250 до 300 деревъ, причемъ можетъ собрать отъ 2-хъ до 3-хъ пудовъ живицы. Если крестьянинъ желаетъ получить скороспѣлое смолье безъ сбора съ подсочекъ сѣры, то въ лѣтній рабочій день онъ успѣетъ подсочить отъ 200 до 250 деревъ на 1 аршинъ каждое дерево, что зависитъ отъ силы рабочаго и отъ того, внизу ли дерева или на вер-

ху его идетъ подсочка, а также отъ большей или меньшей остроты инструмента. Случается, что ½ пуда живицы можно собрать съ трехъ крупныхъ деревъ. Съ десятины же сборъ сѣры бываетъ различный, но въ среднемъ считается отъ 5 до 10 пудовъ живицы ежегоднаго сбора.

Собранная живица покупается у смолокуровъ пековаренными заводчиками по 25—30 к. за пудъ. Крестьянинъ въ одинъ рабочій день можетъ собрать отъ 2-хъ до 3-хъ пудовъ живицы, слѣдовательно заработать отъ 60 до 75 к. въ день. Смолокуръ, имѣющій годичную пропорцію подсочекъ, соберетъ 30—48 пуд. живицы ежегодно, если у него есть подсочки съ цѣлію полученія живицы, впрочемъ если смолокуръ не лѣнился и часто въ лѣто *безпокоилъ лѣсину*, то можетъ собрать и 75 п. Усчитать потраченное время на подсочку очень трудно, тѣмъ болѣе, что въ этой работѣ участвуютъ и подростки. Годичная пропорція смолья—подсочки доходитъ въ среднемъ до 20 кубическихъ саженъ на одного взрослаго рабочаго.

II.

Смолокуреніе. Устройство смолокуренной печи. Процессъ смолокуренія, вліяніе его на здоровье рабочихъ. Заработокъ кустарей по смолокуренному производству. Сбытъ.

Во всемъ Вельскомъ уѣздѣ и другихъ уѣздахъ Вологодской губерніи господствующій способъ смолокуренія печной. Матеріаломъ же служитъ, преимущественно *смольнякъ—подсочка, кокорникъ*, какъ называютъ крестьяне пни и корни, добываемые корчевкой изъ земли. Печное смолокуреніе, по увѣренію крестьянъ, началось и быстро распространилось всего лѣтъ 35—40 назадъ; даже ука-

зываютъ мѣсто (на Кулое), гдѣ была построена первая печь и на мастера этой печи, печника Егора Басова, въ настоящее время еще существующаго, но уже потерявшаго зрѣніе. Смолокурная печь съ того времени значительно усовершенствована самими кустарями и доведена такимъ образомъ до настоящаго болѣе раціональнаго типа.

Выкурка смолы изъ заготовленнаго матеріала производится съ Ноября мѣсяца и кончается Апрѣлемъ, т. е. продолжается почти $^1/_2$ года. Но какъ смолокуреніе не всѣми крестьянами начинается одновременно и продолжительность его зависитъ отъ количества заготовленнаго матеріала, то въ среднемъ смолокуренный періодъ можно считать 5 мѣсяцевъ. Смолокурныя печи всѣ одного устройства, и въ деталяхъ почти не отличаются одна отъ другой; размѣры же ихъ различны, отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ куб. саж. емкостію, въ среднемъ $^5/_{12}$ куб. саж. смольняка подсочки. Для устройства смолокурной печи выбираютъ мѣсто въ близи оврага, вырываютъ землю подъ основаніемъ печи на 1 или $1^1/_4$ арш. и закладываютъ *колоду* бревно вершковъ 8-мь въ діаметрѣ и отъ $1^1/_2$ до 2 с. длиною, внутри выдолбленное въ видѣ желоба. Колода служитъ пріемникомъ для стока получаемой изъ заложеннаго матеріала смолы. Одинъ конецъ колоды находится не много дальше средины печи, а другой выходитъ подъ не большимъ угломъ въ оврагъ и имѣетъ два отверстія: нижнее и верхнее. Нижнее выпускаетъ смолу, а верхнее покрывается боченкомъ, въ видѣ усеченнаго конуса, устроеннаго на шипахъ и служащаго шлемомъ. Изъ него идетъ мѣдная труба, вершка въ $1^1/_2$ въ діаметрѣ, пропущенная чрезъ деревянный ящикъ, наполненный водою и исполняющій роль холодильника для сгущающихся паровъ скипидара и воды. Забросавъ колоду землею и старательно утрамбовавъ ее, начинаютъ постройку печи изъ кирпича. Сперва вкладываютъ низъ

или подъ печи, въ видѣ правильнаго четырехъ-угольника съ углубленіемъ или покатостію въ центрѣ, гдѣ дѣлается отверстіе вершка $1\frac{1}{2}$ квадратныхъ, для стока смолы въ колоду. На выкладенномъ основаніи печи выводятъ стѣны сводомъ. Внизу, съ лицевой стороны дѣлается въ печь отверстіе такой величины, чтобы человѣкъ могъ легко пройти во внутрь ея. Отверстіе это обыкновенно заставляется желѣзнымъ листомъ и досками, такимъ образомъ, что между листомъ и досками образуется въ $2\frac{1}{2}$ верш. промежутокъ, который засыпается смѣсью песка, золы и угольною мелочью. Надъ входнымъ отверстіемъ въ печь, въ самомъ верху ея, дѣлается другое не большое отверстіе, въ 6 квадратныхъ вершковъ, чрезъ которое дополняютъ печь предназначеннымъ къ обработкѣ матеріаломъ. Отверстіе это обыкновенно задѣлывается на глинѣ двумя кирпичами. На разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ внутреннихъ стѣнъ выкладываются вторыя стѣны, также не много съуженныя къ верху—*кожухъ*. Въ промежуткахъ между кожухомъ и стѣнками печи съ обѣихъ сторонъ разжигаютъ топливо. Для того, чтобы могъ горѣть въ топкѣ уголь, добытый послѣ разгрузки печи, внизу кожуха дѣлаютъ не большія отдушины въ 1 квадр. вершокъ, служащія поддувалами, при содѣйствіи которыхъ уголь въ печи сгараетъ очень хорошо и даетъ такое количество жара, что подъ конецъ передѣла для топки почти совершенно не требуется дровъ. При удачно выстроенной печи, угля, добытаго отъ предшествующей гонки, вполнѣ хватаетъ для слѣдующей, безъ малѣйшей затраты дровъ. Въ задней стѣнкѣ кожуха дѣлается отъ 4 до 6 отверстій вершка $1\frac{1}{2}$ квадратн. для управленія огнемъ и для выхода дыма, образующагося при сгараніи топлива. На устройство печи расходуется 3 т. кирпича. Хорошій рабочій съ помощникомъ можетъ сложить печь при заблаговременно приго-

товленныхъ необходимыхъ матеріаловъ въ 7 дней. Печь обходится крестьянину отъ 45 до 55 р.

Печь заряжаютъ смольнякомъ-подсочкой слѣдующимъ образомъ: во внутренность печи черезъ нижнее отверстіе влѣзаетъ рабочій и укладываетъ тамъ рядъ расколотаго смольняка горизонтально, вдоль пода печи; затѣмъ на этотъ рядъ ставитъ расколотый смольнякъ вертикально, прижимая плотно плашку къ плашкѣ. Набивъ такимъ образомъ печь смольнякомъ, рабочій подставляетъ не большую лѣстницу, противъ верхняго отверстія печи, и вынувъ два вмазанные кирпича, принимаетъ отъ своего помощника не большіе куски смольняка, случайно отскочившіе при расколкѣ, и набиваетъ ими натуго всѣ пустоты, какія можно осмотрѣть. Исполнивъ эту работу и посадивъ кирпичи на глину, и такимъ образомъ задѣлавъ верхнее отверстіе, онъ къ нижнему отверстію подставляетъ желѣзный листъ и закрываетъ имъ печь, какъ это было описано выше.

Печь заряжена; смолокуръ немедленно разводитъ болѣе или менѣе сильный огонь въ топкахъ, и чтобы кирпичъ по возможности скорѣе прогрѣлся и печь пошла бы въ ходъ, топки набиваетъ только что выгребленнымъ углемъ изъ печи. Уголь горитъ въ печи не особенно быстро, но даетъ такое количество жара, что чрезъ 3 часа показываются пары воды и скипидара. Каждая печь въ среднемъ идетъ $1\frac{1}{2}$ сутки, и 6 часовъ потребно для ея охлажденія; такимъ образомъ весь процессъ кончается въ 48 часовъ, или въ двое сутокъ.

Ясно, что смолокуръ въ недѣлю передѣлаетъ въ своей печи 1 куб. саж. смольняка подсочки. Когда печь топится, рабочій подготовляетъ смольнякъ къ зарядкѣ слѣдующей печи. Подготовка смольняка состоитъ въ томъ, что рабочій раскалываетъ болѣе толстые кряжи на нѣсколько мелкихъ частей, а тонкіе кругляши вершка въ

$2^1/_2$ на 4 части, перерубая $4^1/_2$—5 аршинные кряжи по поламъ, для того, чтобы ихъ возможно было установить въ печи вертикально.

Помощникъ смолокура изъ лѣсу подвозитъ тѣмъ временемъ смольнякъ и въ тѣхъ лишь случаяхъ дрова, если ясно будетъ видно, что угля на сгонку не хватитъ. Чтобы меньше истратить дровъ, смолокуръ не даетъ печи сильно остынуть, а старается ее разрядить еще горячею. Когда печь вскроютъ, то уголь отъ соприкосновенія съ воздухомъ, моментально начинаетъ разгораться, тогда рабочій кидаетъ на раскаленные уголья нѣсколько лопатъ снѣгу, отчего обр зуются мгновенно пары, которые и заглушаютъ пламя. Съ необыкновенною поспѣшностію рабочій старается гребкомъ извлечь изъ печи уголь и уже окончательно тушитъ его на снѣгу. Очистивъ печь отъ угля, рабочій влѣзаетъ еще въ горячую ея внутренность и заряжаетъ ее новымъ количествомъ смольняка, причемъ помощникъ подаетъ ему матеріалъ. Въ это время въ печи бываетъ чрезвычайно жарко, со смолокура льетъ потъ, онъ краснѣетъ, задыхается, но по мѣрѣ силъ торопливо продолжаетъ работать; наконецъ выскакиваетъ изъ печи, третъ лицо снѣгомъ и тяжело дышетъ; на смѣну ему принимается за это дѣло—помощникъ его, и такъ чередуются, пока не зарядятъ печи вновь.

Разсматривая смолокуреніе съ гигіенической точки зрѣнія при существующихъ у кустарей способахъ и пріемахъ, нельзя отрицать, чтобы оно не имѣло вреднаго вліянія на здоровье рабочихъ. Такъ какъ нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ относительно количества больныхъ между смолокурами простудою, воспаленіемъ дыхательныхъ органовъ и хроническимъ воспаленіемъ легкихъ и тому подоб. недугами, то мы не можемъ сдѣлать въ этомъ направленіи какой-либо выводъ, но есть основаніе предполагать, что работа эта едва ли

проходитъ безслѣдно для здоровья смолокуровъ, хотя у многихъ въ мѣстности и сложилось убѣжденіе, что смолокуреніе—занятіе здоровое Рабочій, выпускающій смолу изъ колоды или отпускающій воду изъ ушата, въ которомъ собирается скипидаръ, по необходимости дышетъ газами, образующимися при разложеніи дерева и выкурки смолы. Смѣсь этихъ газовъ состоитъ изъ окиси углерода, углекислоты, болотнаго и маслороднаго газа съ примѣсью паровъ пригорѣлыхъ смолъ, дѣйствующихъ вредно на дыхательные органы и производящихъ воспаленіе глазъ.

Очевидно, что всѣ эти неудобства можно было бы устранить, даже съ нѣкоторою экономіею труда; но устройство таковой печи для кустаря обошлось бы по крайней мѣрѣ въ 3—4 раза дороже, а потому среди бѣднаго населенія смолокуровъ усовершенствованная печь невзошла бы въ практику.

Теперь посмотримъ какъ великъ заработокъ кустаря отъ смолокуренія. Выше мы видѣли, что можно разложить въ одну недѣлю 1 куб. саж. смольняка—подсочки и на это потребно 12 рабочихъ дней (6 дней смолокура и 6 дней его помощника), да отъ 4—6 дней рабочей лошади. Крестьянская лошадь 1 куб. саж. смольняка вывозитъ въ 13—15 возовъ, (куб. саж. смольняка подсочки вѣситъ отъ 260 до 290 пуд), кромѣ того нужно подвезти къ печи отъ 1 до 2-хъ возовъ дровъ. Если принять среднее разстояніе выжженнаго смолья отъ печки за 5 верстъ (обыкновенно верстъ 8), то лошадь должна дѣйствительно работать отъ 5 до 6 дней по 8—9 часовъ ежедневно. (*) Кромѣ того помощникъ смо-

(*) Принимая, что рабочій съ лошадью можетъ въ зимній короткій день съѣздить 3 раза за смольемъ, что

локура съ лошадью долженъ отвезти полученную смолу и скипидаръ къ скупщику и сдать. Отъ разложенія одной кубической сажени смольняка-подсочки получится 40 пуд. смолы (средній выходъ), но для того, чтобы получить смольнякъ, нужно, какъ мы уже знаемъ, подсочить деревья за 5 лѣтъ ранѣе. Въ кубическую сажень идетъ до 200 кряжей длиною въ $4^1/_2$ арш. въ общей сложности за всѣ годы, на подсочку одной куб. саж. уйдетъ девять рабочихъ дней.

Такимъ образомъ количество рабочаго времени потребно слѣдующее:

Для подготовки 1 куб. саж. смольняка - - -	9	раб. дней
Срубить 1 куб. саж. подсочки и сложить въ штабель -	3	раб. дня
Для разложенія его въ печи	12	— —
Лошадь работаетъ - -	6	— —
Итого -	30	дней.

Кромѣ личнаго труда, смолокуръ несетъ слѣдующій расходъ: при взятіи билета на выкурку смолы отъ казенныхъ или удѣльныхъ управленій, онъ платитъ пошлину за лѣсъ для бочекъ по 10 коп. съ каждой, слѣдо-

---

составитъ 30 верстъ протяженія или 6 рабочихъ часовъ въ день для лошади, не считая времени, потребнаго для наложенія воза, его объвязки, развязки и разгрузки, на что потребно также 2—3 часа, а потому лошадь въ упряжѣ должна находиться отъ 8—9 часовъ въ сутки.

вательно на 5 бочекъ (*) 50 коп., дрова на выкурку обойдутся съ бочки 3 коп., съ 5 бочекъ—15 коп, за работу бондарямъ по 20 коп. съ бочки—1 руб., всего расходъ смолокура на 1 куб. саж. сыраго матеріала будетъ 1 руб. 65 коп. сер. Для болѣе точнаго расчета расходовъ смолокура надо также принять погашеніе основнаго капитала, затраченнаго смолокуромъ на устройство печи (50 р.). Печь можетъ прослужить при ежегодномъ ремонтѣ около 10 лѣтъ, на ремонтъ ея надо положить 6% ежегоднаго расхода съ затраченнаго на устройство печи капитала, что составитъ 3 руб. въ годъ, или въ 10 лѣтъ 30 руб., слѣдовательно устройство и содержаніе печи въ теченіи 10 лѣтъ обойдется смолокуру въ 80 руб., а въ 1 годъ 8 руб. Въ теченіи 5 зимнихъ мѣсяцевъ крестьянинъ перекуритъ въ печи 20 куб. саж смольняка-подсочки, слѣдовательно на 1 куб. саж. падаетъ расходъ $^{800}/_{20}=40$ коп.

Изъ куб. сажени, какъ было выше замѣчено, можно получить 40 пуд. смолы и до $2^1/_2$ пуд. скипидару. Скупщики покупаютъ у крестьянъ смолу отъ 15 до 20 коп. за пудъ, а скипидаръ отъ 40 до 60 коп., слѣдовательно кустарь получитъ за выкуренную смолу съ 1 куб саж. $40\times17,5=7$ р., да за скипидаръ $2^1/_2\times50=1$ р. 25 к. Итого за трудъ и капиталъ съ каждой куб. саж. доходу 8 р. 25 к, вычитая изъ этого расходъ выше вычисленный въ 2 р. 5 к., найдемъ, что кутарь смолокуръ чистаго заработка имѣетъ съ 1 куб. с. 6 руб. 20 к. Принимая во вниманіе, что смолокуры, чтобы получить эти деньги должны по нашему расчету употребить 30 рабочихъ дней, то на каждый приходит-

(*) Вмѣстимость смолы съ одной кубической сажени смольняка.

ся не болѣе $\frac{6 \text{ р. } 20 \text{ к.}}{30}$ 20, 66 к. на своемъ содержаніи, и часто еще случается ждать денегъ за скупщикомъ до Августа мѣсяца.

Сдѣланныя нами вычисленія весьма близки къ дѣйствительности. Но если принять продажу смолы по 15 коп. за пудъ, какая цѣна была въ послѣдніе 2—3 года и затрату капитала на пріобрѣтеніе необходимыхъ инструментовъ, ремонтъ ихъ и быстрое изнашиваніе одежды рабочихъ смолокуровъ, то выгоды отъ смолокуренія еще понизятся, по крайней мѣрѣ на 2—3% въ рабочій день. Кромѣ того нужно замѣтить, что не всѣ смолокуры, за неимѣніемъ мѣдныхъ трубъ, получаютъ скипидаръ и принять во вниманіе, что изъ одной кубической сажени смольняка-подсочки можно получить 5 бочекъ смолы только при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при хорошемъ смольнякѣ и еще въ хорошо устроенной печи; а такъ какъ этихъ условій при смолокуреніи часто не бываетъ, то не рѣдко смолокуръ съ кубической сажени выкуритъ отъ 30 до 36 пуд. смолы, т. е. отъ $3^3/_4$ до $4^1/_2$ бочекъ, въ среднемъ около 33 пуд. При такой выкуркѣ смолокуръ, если не понесетъ убытка, что зависитъ отъ цѣнъ на смолу, то во всякомъ случаѣ проработаетъ даромъ, не получивъ за свой трудъ ни гроша.

По отзывамъ самихъ кустарей смолокуреніе для нихъ мало прибыльно и что они, занимаясь имъ, едва-едва заработываютъ *изъ-за хлѣба на квасъ*, вслѣдствіе чего перестаютъ *пахать смолу* и ищутъ другаго промысла. Если крестьяне еще занимаются смолокуреніемъ, такъ только потому, что они ведутъ его, какъ говорится, между дѣломъ т. е. въ свободное время, когда у нихъ нѣтъ никакихъ сельско-хозяйственныхъ работъ и другихъ за-

работковъ болѣе выгодныхъ или какъ они говорятъ: „*почемъ не почемъ, а надо курить*“, т. е. какъ низко въ цѣнѣ не стояла бы смола, бросать этого занятія имъ нельзя, по какой цѣнѣ не расчиталъ бы ихъ скупщикъ —*курить смолу надо*, такъ какъ нѣтъ и не придумаешь никакого другаго занятія для зимняго времени.

Изъ уѣздовъ Вельскаго, Солвычегодскаго и Шенкурскаго, выдѣлить Вельскій уѣздъ, положеніе котораго по смолокуренію составляетъ содержаніе настоящаго очерка, съ точностію нѣтъ возможности, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что представляемыя данныя далеко не полныя, такъ какъ не касаются производства лѣсотехническихъ продуктовъ въ казенныхъ лѣсахъ и частныхъ дачахъ.

Приплавлено къ Архангельску смольныхъ продуктовъ, заготовляемыхъ въ удѣльныхъ дачахъ Вельскаго удѣльнаго имѣнія.	Бочекъ смолы емкостію на 10 ведръ или 8 пудовъ.	Цѣна за ку смолы гель Густой	
		Руб.	Коп.
Въ 1870	54770	3	20
— 1871	47327	3	25
— 1872	65400	3	10
— 1873	111064	5	—
— 1874	137644	4	—
— 1875	76428	2	50
— 1876	76506	2	75
— 1877	72271	3	20
— 1878	85188	3	20
— 1879	51270	2	30
Въ среднемъ за 10 лѣтъ	77786	3	25

Въ 1880 году приплавлено къ Архангельску добытой изъ лѣсовъ удѣльнаго вѣдомства смолы 88,317 бочекъ; продана густая за 2 р 75 к. бочка, а жидкая за 3 р. 15 к; пека 177,803 пуда, который проданъ отъ 45 до 48 к. за пудъ. Промышленники въ 1880 г. платили смолокурамъ въ началѣ по 16 к. за пудъ, а

одну бочкѣ въ Архангельскѣ. Жидкой.		Количество пудовъ пека, приплавленнаго въ Архангельскѣ	Цѣна за пудъ пека въ копѣйкахъ въ Архангельскѣ.	Всего приплавлено бочекъ смолы по переводѣ пека въ смолу.
Руб.	Коп.			
3	50	98991	54—57	71268
3	50	94704	55—56	63111
3	35	145178	55—56	89956
6	50	196308	83—90	143782
5	25	114690	77—79	156759
3		173049	63	105269
3	60	231608	60	115107
3	60	199086	55—60	105452
3	50	179724	55—56	115142
2	70	127953	43—45	72595
3	85	156129	60—62²/₁₀	103844

послѣ 1 Марта по 14 к. за пудъ смолы. Въ 1881 г. до Срѣтенской ярмарки въ Шенкурскѣ промышленники никакихъ цѣнъ на смолу не обѣщали, послѣ же 2 Февраля они даютъ смолокурамъ лишь по 12 к. за пудъ смолы.

III.

Скупщики. Ихъ торговля смолою и отношеніе къ кустарямъ Скупщики-коммиссіонеры и скупщики-хозяева. Перекупщики. Участіе скупщиковъ въ производствѣ лѣсотехническихъ продуктовъ.

Очень часто приходится слышать отъ людей мало знакомыхъ съ этимъ промысломъ, что кустарь получаетъ ничтожную плату за свой трудъ лишь потому, что скупщикъ продуктовъ, эксплуатирующій кулакъ, берущій себѣ отъ труда крестьянъ львиную долю и лишь крохи выдающій смолокуру на руки. Мы не отрицаемъ такого значенія скупщиковъ и хозяевъ по многимъ кустарнымъ промысламъ, но по смолокурному производству въ Вельскомъ уѣздѣ дѣло сложилось иначе: крестьяне о скупщикахъ отзываются весьма хорошо, не рѣдко слышишь выраженіе *„благодѣтель, кормилецъ“* отъ кустарей о своихъ хозяевахъ.

Кустари очень хорошо понимаютъ и соображаютъ, что положеніе скупщика нисколько не лучше ихняго, какъ это мы увидимъ ниже. Смолокуръ, какъ только узнаетъ цѣну на смолу (цѣна устанавливается въ третьихъ числахъ Марта на Евдокіевской ярмаркѣ въ селѣ Благовѣщенскомъ Шенкурскаго уѣзда,) то и расчитаетъ сколько ему скупщикъ выдастъ на руки денегъ и сколько самъ скупщикъ получитъ за товаръ, и сообразитъ это такъ вѣрно и точно, какъ самъ скупщикъ. Вотъ почему крестьяне, не бывшіе на Евдокіевской ярмаркѣ, сильно интересуются знать установившуюся цѣну на смолу: *„Не чуть-ли какъ нынче цѣна на смолу?* Вопросъ этотъ часто приходится слышать отъ крестьянъ, передъ Евдокіевской ярмаркой и во время ее *„нынѣ смолка, какъ*

и лонись(*) *дешева, чѣмъ мы жить будемъ*", говорятъ смолокуры между собою, когда узнаютъ, что цѣна на смолу на Евдокіевской ярмаркѣ по 2 р. 50 к. за бочку въ 8 пуд. съ доставкою въ Архангельскъ и по 2 руб. 25 к безъ доставки.

Было время, которое едва ли уже вернется, когда на смолу цѣна была 5 руб. за бочку въ Архангельскѣ. Тогда скупщики давали смолокурамъ до 3 руб. на руки за бочку въ 8 пуд., т. е. по 37½ коп. за пудъ смолы задаточныхъ. Теперь же въ послѣдніе годы 1879 и 1880 г. цѣна стоитъ въ среднемъ 2 р. 50 к. за бочку съ доставкою въ Архангельскъ, а потому скупщикъ долженъ покупать у крестьянъ смолу копѣекъ по 15—16-ти за пудъ, чтобы не быть въ убыткѣ. Правда, при такой цѣнѣ на смолу, нѣкоторые скупщики даютъ и по 18 и даже по 20 коп. за пудъ, но это дѣлаютъ лишь только тѣ, которымъ крестьяне много должны и тѣмъ желаютъ вернуть свои затраченныя деньги, находящіяся за кустарями; другимъ путемъ и не получить скупщикамъ своихъ денегъ съ крестьянъ, такъ какъ у скупщика нѣтъ въ рукахъ никакихъ законныхъ доказательствъ на долги.

Посмотримъ какую же выгоду имѣетъ скупщикъ отъ своего промысла и достойны ли возводимыя не него обвиненія. Положимъ, что цѣна на смолу стоитъ 2 руб. 50 к. съ доставкою въ Архангельскъ и со сдачею ее конторамъ на Смольномъ берегу. Сдѣлаемъ расчетъ на тѣ же 40 пудовъ, выкуренныхъ крестьяниномъ въ недѣлю.

Скупщикъ купилъ у смолокура смолу по 15 к. за пудъ и за 40 пудовъ заплатилъ

(*) Лонись, т. е. въ прошломъ году.

крестьянину - - - - - 6 р.

За *елеги* для устройства *водилъ* (*) за связку ихъ для сплава расходуется на 5 бочекъ (1 куб. саж. смольняка подсочки) 40 к.

Скупщикъ долженъ эту смолу сплавить въ Архангельскъ *на водилахъ*, нанять сплавщиковъ, всѣ эти расходы обходятся ему по 2 к. на пудъ, слѣдовательно за 40 пудовъ 80 к.

Приплывъ въ Архангельскъ, скупщикъ обязанъ выправить сплавной билетъ и внести пошлину за каждую бочку смолы по 70 коп., всего за 5 бочекъ - - - 3 р. 50 к.

На доливъ бочекъ (**) въ Архангельскѣ, выкатку ихъ на берегъ и браковку, приходится съ бочки по 20 к., всего за 5 бочекъ 1 р.

Итого расходъ скупщика 11 р. 70 к.

Скупщикъ продалъ въ Архангельскѣ смолу по 2 р. 50 к. и за 5 бочекъ онъ выручилъ 12 р. 50 к.

Слѣдовательно чистая прибыль скупщика составляетъ отъ 40 пудовъ смолы всего 80 к. или 2 к. на пудъ. Но и такую прибыль едва ли получитъ скупщикъ: ему нужно имѣть работника пріем-

---

(*) Елеги отъ слова ель, сухой еловый лѣсъ, перегодовалой рубки, употребляемый для устройства водилъ, плоты, на которые нагружаютъ бочки

(*) На доливъ бочекъ и бракъ идетъ 10% всей приплавленной смолы, считая въ томъ числѣ потерю отъ разлива и утечки (см. лѣс отд. Моск. Пол. Вѣст. стр. 326) авторъ находитъ этотъ % преувеличеннымъ, а потому считаетъ лишь 8%.

щика, которому онъ платитъ мѣсячное жалованье рублей по 12-ти, самъ онъ затрачиваетъ много времени на различнаго рода хлопоты по своей торговлѣ, какъ то: поѣздку въ Архангельскъ и обратно, проживаніе въ губернскомъ городѣ, на всѣ эти расходы у него выйдетъ по 1/2 к. на пудъ; кромѣ того онъ долженъ заблаговременно взять билетъ на сплавъ; но такъ какъ у скупщика всѣ деньги въ оборотѣ и на сплавной билетъ ихъ часто не хватаетъ, онъ беретъ ручательство отъ крестьянъ въ исправномъ платежѣ денегъ, слѣдуемыхъ за перекуренный въ смолу лѣсъ—и чтобы получить его отъ нихъ, нужны хлопоты, а иногда и ведро водки. Затѣмъ при сплавѣ случаются несчастья: разобьетъ бурей водилы, разнесетъ бочки, словомъ всѣхъ случайностей невозможно предвидѣть. Нужно имѣть скупщику очень изворотливый умъ, большую сообразительность, бойкость и ловкость, чтобы хорошо и сколько нибудь выгодно расторговаться этимъ товаромъ, иначе чуть оплошалъ, онъ рискуетъ раззориться—и нанести тѣмъ себѣ и другимъ вредъ, какъ это и случается съ тѣми, которые зарвутся въ своихъ оборотахъ и сдѣлаютъ какую либо ошибку,—исправить которой нѣтъ возможности. Скупщики живутъ нисколько не лучше крестьянина, такъ какъ они изъ среды того же крестьянскаго общества, часто мѣстные, но есть и пріѣзжіе со стороны, изъ другихъ уѣздовъ Скупщики тѣ же мужики, нѣсколько отполировавшіеся отъ столкновеній съ торговымъ людомъ. Конкуренція между скупщиками развита чрезвычайно; каждый изъ нихъ старается угодить кустарю смолокуру, переманить его къ себѣ, дѣлаетъ со своей стороны уступки въ пользу смолокура и накидываетъ копѣечкой дороже на товаръ противъ своего собрата. Этимъ очень часто пользуются крестьяне: они, забравшись у одного скупщика, не рѣдко смолу доставляютъ другому, даже третьему, чрезъ что скупщикъ

часто бываетъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Кромѣ того кустари, желая по возможности выгоднѣе продать свою *кормилицу смолку*, сплошь и рядомъ вбалтываютъ въ смолу воду, такъ что скупщикъ, не посмотрѣвъ товара, легко можетъ купить смолу, содержащую 25 и 30% воды, которая отстоится, если постоитъ бочка со смолою въ тепломъ помѣщеніи. „Народъ нынче шальной сталъ, одно слово баловень“ говоритъ скупщикъ, „чистой смолы нынче почитай ни у кого не найдешь, какъ тутъ будешь торговать, убытки одни“. И дѣйствительно—взвѣсивъ всѣ обстоятельства, обсудивъ положеніе скупщика, его отношенія къ кустарямъ и случайности, невольно приходишь къ заключенію, что скупщикъ находится въ крайне невыгодныхъ условіяхъ по торговлѣ смолою, даже въ худшихъ, нежели кустарь-смолокуръ. Скупщикъ рискуетъ своимъ капиталомъ, часто послѣднею копѣйкою на авось,—крестьянинъ же не втягивается въ рискъ; онъ получитъ хотя малое, но свое всегда со скупщика, а скупщикъ при неудачѣ теряетъ все.

Въ Вельскомъ уѣздѣ существуютъ два рода скупщиковъ: скупщики отъ Архангельскихъ конторъ или коммиссіонеры и скупщики—хозяева, ведущіе дѣла на собственный страхъ, лично отъ себя. Коммиссіонеры народъ болѣе зажиточный, торгующій безъ риска, на конторскія деньги. Они народъ тяжелый для кустарей, люди болѣе или менѣе съ капиталомъ и расчитываются съ крестьянами туго. Коммиссіонеры хорошо знаютъ, что съ смолокурами нужно вести дѣло осторожно, довѣрять только лицамъ исправнымъ и имѣющимъ вѣсъ и вліяніе въ средѣ кустарей.

Коммиссіонеры получаютъ деньги отъ конторъ въ началѣ Октября для раздачи крестьянамъ задатковъ подъ смолу, и еще разъ выдаютъ имъ деньги на Евдокіевской ярмаркѣ, гдѣ устанавливается цѣна на смолу; окончательный же расчетъ съ крестьянами коммиссіонеры ведутъ

въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ, послѣ сдачи смолы конторамъ и по полученіи отъ нихъ расчетовъ. Скупщики-хозяева люди довольно бѣдные, не весьма изворотливые. Они также даютъ задатки крестьянамъ, но лишь въ меньшемъ размѣрѣ и расчитываются съ ними безъ прижимокъ, свой трудъ и рискъ они, какъ мы уже видѣли, почти ни во что не цѣнятъ; если придетъ такому скупщику поденьщина въ 50 или въ 70 к. отъ всей его операціи онъ доволенъ и благодаритъ Бога. Первые ведутъ болѣе обширную торговлю смолою, вторые лишь на столько, на сколько заслужили довѣріе крестьянъ и на сколько позволяютъ имъ вести ихъ скудныя средства. Кромѣ того, послѣдніе всегда находятся подъ давленіемъ первыхъ, имѣющихъ на своей сторонѣ капиталъ и хорошую заручку въ конторахъ. Вотъ почему очень часто случается, что въ Архангельскѣ первые купятъ весь товаръ у вторыхъ и отъ себя сдаютъ его конторамъ. Вторые же не въ состояніи сами лично продать конторамъ своего товара, такъ какъ конторы не принимаютъ отъ нихъ смолы безъ значительной скидки, и сильно бракуютъ товаръ. Архангельскія конторы время отъ времени берутъ и вольный товаръ по болѣе дорогой цѣнѣ отъ скупщиковъ втораго рода, и тѣмъ заманиваютъ ихъ не покидать дѣло, но это дѣлается лишь въ извѣстномъ размѣрѣ, для того, чтобы повѣрить скупщиковъ коммиссіонеровъ и знать истинную цѣну заготовки товара на мѣстѣ первыми.

Вельскій уѣздъ ведетъ торговлю такъ называемымъ чернымъ товаромъ (*) не только съ Архангельскомъ, но съ Петербургомъ и Москвою. Скупщики съ этими торго-

(*) Всѣ смолокуренные и дегтекуренные продукты называются чернымъ товаромъ по цвѣту.

выми центрами имѣютъ дѣло въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, но въ болѣе широкихъ ведутъ его перекупщики, особый классъ торговаго люда, ежегодно пріѣзжающій въ Вельскій уѣздъ. Въ началѣ Декабря они закупаютъ смолу , деготь, сажу и скипидаръ у скупщиковъ, которые продавъ имъ товаръ, обязываются доставить его къ сплаву на р. Ембу, если товаръ идетъ въ Петербургъ и въ Верховажскій посадъ (къ 17 Марта, ярмарочный день), если товаръ предназначается перекупщикомъ въ Ярославль и Москву. Перекупщики народъ зажиточный, большею частію купцы 2 гильдіи, при закупкѣ товара выдаютъ скупщикамъ задатки, а окончательный расчетъ ведутъ съ ними по продажѣ ими товара въ Петербургѣ и Москвѣ. Сами они для расчета не пріѣзжаютъ въ мѣстность, а высылаютъ деньги скупщикамъ по почтѣ и товаръ берутъ у скупщиковъ на цѣну, а не по коммисіи. Перекупщики вообще очень аккуратно уплачиваютъ деньги, всегда честно расчитываются, хотя товаръ покупаютъ у скупщиковъ очень дешевою цѣною, такъ за пекъ они даютъ по 55 к. за пудъ, за скипидаръ печной очищенный отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 30 коп., за сѣрный отъ 1 р. 75 к. до 2 р. 10 к. и даже до 2 руб. 15 к., за сажу 1 р. и 1 р. 25 к. за пудъ, за деготь отъ 1 р. 10 к и 1 р. 20 к. Весь купленный товаръ, при назначеніи его въ Петербургъ, скупщикъ обязывается доставить на Ембу—и уплатить въ казенное или удѣльное управленіе причитающуюся пошлину.

Въ Вельскомъ уѣздѣ, какъ тѣ, такъ и другіе скупщики въ то же время и пековаренные заводчики, такихъ скупщиковъ, которые покупали бы одну смолу и сплавляли бы ее въ Архангельскъ или отправляли въ С.-Петербургъ, нѣтъ въ уѣздѣ. Занятіе пековареннымъ производствомъ и другими лѣсотехническими продуктами, раз-

витыми между скупщиками, объясняется тѣмъ, что они не могутъ обойтись безъ найма человѣка, знающаго въ совершенствѣ смольное дѣло, и окрестныхъ смолокуровъ, грамотнаго, могущаго отъ крестьянъ принимать смолу, и распознавать и оцѣнивать товаръ по качеству. Такого человѣка скупщикамъ не нанять за цѣну обыкновеннаго рабочаго. Скупщики, найдя подходящаго подъ сказанныя условія человѣка, даютъ ему вдвое противъ простаго рабочаго; послѣдняго можно нанять рублей за 5 и за 6 въ мѣсяцъ, а знатоку дѣла они платятъ отъ 10 до 16 руб. Знатокъ носитъ названіе пековара; его обязанности, кромѣ поименованныхъ, состоятъ еще въ умѣньи сварить на хозяйскомъ пековаренномъ заводѣ пекъ изъ смолы, канифоль изъ сѣры и умѣть очистить скипидаръ. Кромѣ того онъ служитъ у скупщика пріемщикомъ смолы, скипидара, сѣры отъ крестьянъ. Принятую смолу, пековаръ записываетъ въ тетрадь, которая ежедневно вечеромъ послѣ пріемки доставляется хозяину для записки въ книгу отъ кого и сколько принято товару. У пековара всегда есть сподручный или помощникъ, обыкновенный не дорогой рабочій; его обязанности также опредѣлены, онъ долженъ разогрѣть смолу, подкатить бочки къ кубу, принести въ заводъ дровъ и исполнять всякую работу по наряду пековара. Самому скупщику быть пековаромъ, рабочимъ, пріемщикомъ смолы и вести расчеты съ крестьянами, хлопотать о продажѣ своего товара. не хватило бы времени, а потому онъ волей-неволей долженъ держать двоихъ по крайней мѣрѣ наемныхъ людей и дать имъ дѣла на весь годъ, чѣмъ и объясняется существованіе поименованныхъ производствъ у скупщиковъ.

IV.

Скипидаро-пековаренное производство. Устройство завода. Процессъ обработки. Сбытъ пека. Цѣны на него и дивидендъ заводчиковъ. Очистка скипидара, цѣна на этотъ продуктъ и сбытъ его.

Скипидаро-пековаренные заводы въ Вельскомъ уѣздѣ представляютъ съ виду простой двухъ-этажный сарай, основанный на столбахъ съ болѣе или менѣе плоской, односкатной, а иногда и двухъ-скатной крышей. Съ одной или съ двухъ сторонъ дѣлаются подъемы, во второй этажъ завода; стѣнки между столбами въ нижнемъ этажѣ забраны 5-ти вершковыми бревнами горизонтально положенными, а въ верхнемъ—досками или плахами,—вертикально. Въ нижнемъ этажѣ устраивается печь, а иногда и двѣ, смотря по размѣрамъ завода. Въ печь вмазываются мѣдные кубы, сдѣланные изъ толстыхъ листовъ мѣди; палубы (отверстія кубовъ) выходятъ во второй этажъ. Каждая печь въ высоту достигаетъ до $1^1/_2$ саж., въ длину и ширину имѣетъ тѣ же размѣры. На устройство такой печи идетъ отъ 4 до 5 тысячь кирпичей, смотря по размѣрамъ печи, кирпича и его доброкачественности.

Кубы имѣютъ діаметръ внизу въ $1^1/_2$ аршина, въ верху, гдѣ начинается палуба и оплечья куба, діаметръ доходитъ до 2 аршинъ, въ высоту кубы до $2^1/_2$ арш. При такихъ размѣрахъ куба заливается въ него отъ 100 до 150 пуд. смолы, а если кубъ заряжается сѣрою живицею, то на зарядку идетъ отъ 60 до 80 пуд. этого матеріала. У самаго дна куба, съ одной стороны устраивается мѣдная труба, имѣющая вершка 2 въ діаметрѣ; она выходитъ за стѣну завода и закрывается втулкой (*чупомъ*), сдѣланнымъ изъ дерева. Дли-

на трубы бываетъ различна и зависитъ отъ того, какъ далеко отстоитъ печь отъ стѣны завода. Кубы не имѣютъ мѣдныхъ шлемовъ, а вмѣсто ихъ обыкновенно накидываются кадки, имѣющія форму усѣченнаго конуса, у основанія котораго врѣзано днище. Эти деревянные шлемы дѣлаются очень тщательно, изъ $1^1/_2$ дюймовыхъ клепокъ. Каждая клепка садится на шпонки и такимъ образомъ плотно сдѣланный шлемъ стягивается желѣзными обручами. Размѣры шлема слѣдующіе: высота $1^1/_2$ аршина верху, у дна діаметръ 6 четвертей, а внизу при соединеніи съ кубомъ 4 четверти. Отъ такого шлема, подъ небольшимъ уклономъ, идетъ *патрубокъ* или деревянная труба по направленію къ холодильнику, длиною въ $1^1/_2$ аршина, при наружномъ діаметрѣ въ 4 вершка. Патрубокъ этотъ служитъ соединительною трубою шлема съ мѣдною трубою холодильника. Во второмъ этажѣ завода помѣщается холодильникъ или плотный деревянный ящикъ, тщательно проконопаченный и просмоленный такъ, что находящаяся въ немъ вода просачиваться не можетъ. Обыкновенные размѣры холодильника слѣдующіе: длина отъ 2 до $2^1/_2$ саж., ширина и высота отъ 5 до 6 четвертей. Чрезъ ящикъ холодильника проходитъ, подъ небольшимъ уклономъ мѣдная труба, длиною отъ 8—9 аршинъ, постепенно съуживающаяся къ одному концу. Широкій конецъ трубы имѣетъ діаметръ 4 вершка, а узкій 2. Пары воды и скипидара, образующіеся въ кубѣ поднимаются въ шлемъ, изъ котораго чрезъ патрубокъ проходятъ въ мѣдную трубу и охлаждаясь въ ней сгущаются въ жидкость. Послѣдняя собирается въ подставленный подъ трубу обрѣзъ (въ кадку, ведеръ въ 20). На разстояніи сажени отъ завода противъ каждой печи, вырывается въ землѣ яма, имѣющая во всѣхъ размѣрахъ по 2 арш. Внутренность ямы плотно обшивается толстыми въ $2^1/_2$ дюйма досками Резервуаръ этотъ хорошо

проконопачивается, въ него выпускается горячій пекъ и канифоль чрезъ нижнюю въ кубѣ трубу. Послѣдняя носитъ названіе *крана*.

Процессъ выдѣлки скипидара слѣдующій: въ кубъ вливается отъ 10 до 12 *картевокъ* смолы. Картевкою называется бочка, въ которой крестьяне смолокуры доставляютъ смолу скупщикамъ; въ нее помѣщается отъ 15—16 пудовъ смолы. Заливъ смолу въ кубъ, въ топкѣ разводятъ огонь и когда смола начнетъ закипать, верхнее отверстіе куба накрывается деревяннымъ шлемомъ. Въ мѣстахъ соединенія шлема съ кубомъ шовъ обмазывается хорошо промятою глиною. Соединивъ чрезъ патрубокъ шлемъ съ холодильникомъ, жаръ въ печи усиливаютъ, смола съ клокотаньемъ закипаетъ въ кубѣ и отъ нее начнутъ отдѣляться пары краснаго смольнаго скипидара съ водою, которые, сгустившись въ холодильникѣ, стекаютъ въ обрѣзъ Отдѣляющійся скипидаръ, при варкѣ смолы на пекъ, самаго плохаго качества красный по цвѣту, имѣетъ острый непріятный запахъ и трудно очищается, а потому чаще всего коптятъ изъ него сажу. Когда сварится пекъ, что узнается по цвѣту и количеству скипидара идущаго изъ холодильника, пековаръ беретъ стаканъ и подставляетъ его подъ конецъ трубы хоходильника; если въ стаканѣ окажется $^2/_3$ скипидара по объему и $^1/_3$ воды и если скипидаръ темнаго цвѣта, то пекъ готовъ. Готовый пекъ узнается также пробою, вынутою изъ куба, чрезъ небольшое отверстіе, нарочно для того сдѣланное. Въ это отверстіе опускаютъ прутъ или лучину и приставшій къ опущенному предмету пекъ берутъ въ ротъ, если пекъ не пристаетъ къ зубамъ и не пачкаетъ ихъ, то онъ готовъ. Тогда прекращаютъ его варку и оставшійся въ топкѣ огонь тушатъ снѣгомъ или водою, выгребая при этомъ уголья изъ печи въ пространство между печью и наружною обшивкою ея.

Впрочемъ это дѣлается не всегда, обыкновенно не даютъ топливу прогорѣть и кубу остынуть, чтобъ не затянуть дальнѣйшее производство Предъ выпускомъ пека изъ куба снимаютъ деревянный его колпакъ или шлемъ, въ кубъ опускаютъ костыль съ втулкой, посредствомъ которой закрывается отверстіе куба съ внутренней стороны, для того чтобы ослабить напоръ горячаго пека въ выходную трубу (кранъ) куба, когда будетъ съ наружной стороны выбитъ *чупъ* (березовая затычка). Тотъ же рабочій, который опускаетъ костыль въ кубъ, ставитъ около себя шайку съ водою и беретъ въ руки хорошо смоченную мочалку и по мѣрѣ выпуска пека изъ куба онъ съ мочалки изрѣдка побрызжетъ водою въ кубъ. Это дѣлается для того, чтобы пекъ при выпускѣ, не вспыхнулъ въ кубѣ. тогда пожаръ завода не избѣженъ, такъ какъ стѣнки куба еще очень горячи и отъ пека отдѣляются пары скипидара и масса газа и дыму. Рабочій, стоящій на кубѣ—сильно задыхается отъ горькихъ и удушливыхъ газовъ, кашляетъ, изъ глазъ идутъ слезы, и эту работу можетъ выполнить только привычный человѣкъ; непривычный же можетъ бросить костыль и тѣмъ открыть отверстіе въ кубѣ, пекъ быстро изъ него вытечетъ, оголяя не остывшую поверхность его стѣнокъ, чрезъ что немедленно вспыхнетъ смола въ кубѣ и тогда пожаръ. Сваренный пекъ выпускается изъ куба въ наружный резервуаръ ,выкопанный въ землѣ, гдѣ онъ остываетъ до извѣстной степени, на что потребно отъ 6 до 10 часовъ, и затѣмъ разливается деревяннымъ ковшомъ по бочкамъ. Каждая пековая бочка устраивается емкостію на 15 ведеръ. Въ нее входитъ пека отъ 15 до 16 пудовъ. Варка смолы на пекъ идетъ отъ 24 до 30 часовъ, при чемъ сжигается $^1/_2$ куб. саж. дровъ, вся же операція кончается въ $1^1/_2$ сутки. Изъ хорошей смолы получается 75%, а изъ плохой съ подмѣсью изъ 100

пудовъ отъ 48 до 52 пуд. пека, причемъ отгоняется до 10 пуд. краснаго смольняго скипидара, т. е. около 7% изъ вѣса залитой въ кубъ смолы.

Пекъ частію продается Архангельскимъ конторамъ для отправки его заграницу, частію же сбываютъ его перекупщикамъ для отправки въ Петербургъ Цѣны на него какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ почти одинаковыя, разница бываетъ незначительная. Мы уже видѣли, что среднія цѣны за 10 лѣтъ въ Архангельскѣ на пекъ были отъ 60 до 62 коп. за пудъ, а съ доставкою на Ембу пекъ продается отъ 62 до 65 коп. за пудъ; пекъ же варенный изъ корки не выше 45 к.

Постройка пековареннаго завода на 1 кубъ, который можетъ прослужить 25 лѣтъ, обыкновенно стоитъ отъ 1,000 до 1,200 руб., на ремонтъ надо положить 6% съ затраченнаго на заводъ капитала, что составитъ 60 руб. въ годъ, а въ 25 лѣтъ 1,500 руб., такимъ образомъ устройство и содержаніе завода обойдется въ годъ $^{2500}/_{25}=100$ р. На такомъ заводѣ въ зиму можно сварить пека 5,500 п., слѣдовательно на 1 пудъ пека падаетъ расходъ $^{100}/_{55}$ 1,8 коп. Пековаренные заводчики считаютъ этотъ расходъ равнымъ 2 коп. на пудъ пека. Издержки на наемъ рабочихъ и на дрова для завода пековары считаютъ по 3 к. на пудъ пека, и такъ приготовленіе 1 пуда пека стоитъ заводчику 5 коп. Теперь посмотримъ, какъ велика выгода заводчика и сдѣлаемъ расчетъ на тѣ же 40 пуд. смолы, чтобы можно было видѣть на сколько выгоднѣе заводчику доставлять въ Архангельскъ пекъ, а не смолу:

РАСХОДЪ;

За 40 пуд. смолы по 15 к. за пудъ, изъ которой получится пека 26 пуд. 6 р. —

Доставка пека до Архангельска по 3 коп. съ пуда - - - — 78 к.

По устройству видилъ, пошлины за лѣсъ, употребленный на нихъ падаетъ на пудъ по 1½ коп., на 26 пуд — 39

Двѣ бочки подъ пекъ пошлина по 15 коп. съ бочки и работа по 25 к. съ каждой, всего - - - - — 80

Пошлины по 14 к. коп. съ пуда пека съ 26 пуд - - - 3 64

Проѣздъ скупщика до Архангельска и обратно, проживаніе въ губернскомъ городѣ обойдется по 2 к. на пудъ 52

Ремонтъ, погашеніе капитала, дрова и работа, какъ мы видѣли, по 5 коп. на пудъ - - - - 1 30

Итого расходъ - - 13 43

Цѣна на пекъ за послѣдніе 10 лѣтъ (1870—1880 г.) въ среднемъ была 60 коп. за пудъ, да при выварке пека получено 2 пуд. 32 ф. скипидара по 10 коп. за пудъ (исключая пошлины) 28 коп. итого - - - - 15 88 слѣдовательно заводчикъ получитъ за 26 пуд. пека 15 руб. 60 коп., чистой прибыли за свой трудъ и капиталъ приходится 2 р. 42 к. или 9,3 к. на пудъ. Нужно замѣтить, что при цѣнѣ въ 60 к. скупщикъ беретъ смолу по 18 к. и даже по 19 к. за пудъ. Прибыль ихъ отъ такой покупки смолы отъ 82 к. до 1 р. 22 к. или отъ 3½ до 4½ на пудъ пека.

Въ 1881 г. цѣна на пекъ была въ Архангельскѣ 45 к. за пудъ, слѣдовательно заводчикъ получилъ, про-

давъ 26 пудъ пека, 11 р. 70 к., да скипидару по 28 коп. Итого 11 98 коп. а израсходовалъ 13 р. 43 к., слѣдовательно убытку 1 р. 45 к., т. е. болѣе чѣмъ по 5½ к. на пудъ. Заводчикъ въ первомъ случаѣ, сварившій на своемъ заводѣ 5,500 пуд. пека, получилъ за свой трудъ 510 руб. 50 коп., а во второмъ случаѣ понесъ убытку 308 руб.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ объ очисткѣ скупщиками печнаго скипидара на ихъ пековаренныхъ заводахъ. Въ мѣдный кубъ заливается ведеръ 20 воды и ведеръ 40 печнаго скипидара, что составляетъ по вѣсу 28 пуд. Въ топкѣ разводятъ огонь, въ началѣ болѣе сильный, чтобы прогрѣть печь и заставить закипѣть жидкость въ кубѣ. Когда она закипитъ и начнутъ показываться изъ холодильной трубы сгустившіеся пары скипидара съ водою, тогда огонь въ топкѣ держатъ уже умѣренный. Если сгонка велась на умѣренномъ жарѣ, то скипидаръ получается въ болѣе чистомъ видѣ, напротивъ при усиленномъ жарѣ онъ выходитъ болѣе лучшихъ качествъ, хотя перегонка значительно ускоряется. Первые перегоны скипидара отъ 1 до 2 пудовъ имѣютъ очень непріятный запахъ, вѣроятно отъ присутствія въ печномъ скипидарѣ какихъ либо неизслѣдованныхъ эфирныхъ маслъ, точка кипѣнія которыхъ гораздо ниже точки кипѣнія скипидара, а потому всѣ они и сбираются въ первыхъ двухъ его пудахъ Эти первые выходы носятъ названіе у рабочихъ пековаровъ *отъемами*. Они никогда не сливаются со скипидаромъ вмѣстѣ, чтобы не придать продукту непріятнаго очень остраго запаха. Въ сутки выгоняется скипидара отъ 7 до 8 пудовъ, такимъ образомъ заряженный 38 пудами жидкости кубъ, обыкновенно идетъ 3-е сутокъ, при чемъ получается 22½ пуда разъ перегнатаго скипидара и около двухъ пудовъ отъема. Полученный скипидаръ въ такомъ видѣ никог-

да не поступаетъ въ продажу, его подвергаютъ вторичной перегонкѣ, что обыкновенно называется *двоить скипидаръ*. Дѣлается это для приданія ему лучшихъ качествъ и большой чистоты; при этой перегонкѣ потеря бываетъ съ куба еще пуда 3.

Скипидаръ, не сбытый съ рукъ и оставшійся въ лѣто, обыкновенно разливается по бутылямъ, и въ лѣтніе ясные дни выставляется на солнце. Этимъ уходомъ промышленники достигаютъ двухъ цѣлей: они гарантируютъ продуктъ отъ утечки изъ бочекъ, которая въ продолженіи лѣта можетъ быть очень значительна (около 10%) особенно въ концѣ Іюня и въ началѣ Іюля (во время цвѣтенія ржи), съ другой стороны скипидаръ, простоявъ лѣто на солнцѣ *отбѣливается*, т. е. становится совершенно безцвѣтнымъ, какъ чистая вода.

Такой скипидаръ охотно покупается перекупщиками и цѣны на него всегда бываютъ болѣе высокія.

Сдѣлаемъ расчетъ выгодности этого производства, съ каждой зарядки куба:

За 28 пудовъ скипидара заводчики платятъ крестьянамъ по 50 к. за пудъ	14 р.	
Бочка дубовая изъ подъ керосина покуп. за	2 —	
Пошлина за скипидаръ взимается по 20 к. съ пуда за 21 пудъ -	4	20
Ремонтъ, погашеніе капитала, дрова, работа и другіе расходы на скипидаръ заводчики считаютъ по $8^1/_2$ коп. съ пуда (стоимость бутылей и ихъ утрата)	1	$78^1/_2$
Потеря отъ утечки скипидара по $10^1/_2$ коп. на пудъ - -	2	$31^1/_2$
Доставка скипидара до Ембы за 24		

пуд. (21 пуд. скипидара и 3 пуд. бочки) по 11 к. съ пуда - -	2	64
Итого въ расходѣ у заводчика	26	94

Скипидаръ продается на мѣстѣ отъ 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 50 коп. за пудъ мѣстными промышленниками съ доставкою на Ембу, слѣдовательно заводчикъ за 21 пудъ получитъ 29 р 40 к. или 11,7 к. на пудъ. Ежемѣсячно заводчикъ на 1 кубъ можетъ очистить и передвоить 196 п. и получитъ очищеннаго скипидара до 150 п., отъ продажи котораго получитъ чистой прибыли 17 р. 55 к., т. е. около 9,15% на затраченный капиталъ.

V.

Дегтекуреніе. Заготовка матеріала на деготь. Кубы Устройство завода. Процессъ производства. Чистый заработокъ. Убыточность обработки дегтя существующими приспособленіями. Частые пожары дегтекуренныхъ заводовъ. Истребленіе березоваго лѣса на смолокуреніе.

Дегтемъ называется совершенно жидкая маслообразная смола, полученная изъ лиственныхъ деревьевъ или изъ смѣси лиственныхъ и хвойныхъ породъ, въ послѣднемъ случаѣ деготь носитъ названіе *половинчатаго.*

Въ Россіи готовятъ два сорта дегтя: березовый и сосновый; первый добывается изъ березовой коры—или бересты, а второй изъ сосновой. Надранная березовая кора или береста носитъ повсемѣстно названіе *скалы.* Въ

Вельскомъ уѣздѣ дегтекуреніе производится только изъ бересты. Оно не сосредоточивается въ какой либо опредѣленной мѣстности, а разбросано повсемѣстно и даже въ такихъ дачахъ, гдѣ нѣтъ совершенно березоваго лѣса, почему скала къ дегтекурамъ въ такія мѣстности доставляется верстъ за 40 и даже за 50. Случается и такъ, что въ дачахъ, имѣющихъ хорошее березовое насажденіе, слабо развито дегтекуреніе, какъ напримѣръ въ Тавренской волости, имѣющей въ изобиліи березовые лѣса и гдѣ крестьяне занимаются въ свободное время отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, только сдиркою скалы. Заготовка березовой скалы производится обыкновенно въ концѣ весны и въ началѣ лѣта, во время движенія соковъ въ деревѣ. Въ это время береста хорошо отстаетъ отъ луба, легко сдирается, и работа идетъ очень спѣшно; спустя время бересту бываетъ чрезвычайно трудно снимать съ деревьевъ даже средняго возраста, совершенно прямыхъ и гладкихъ, а со старыхъ и суковатыхъ ее уже ни за что не содрать, не повредивъ сильно луба. Скала сдирается съ березъ, стоящихъ на корню, съ такой высоты, до которой рабочій можетъ достать топоромъ (1 сажень), со срубленныхъ деревьевъ снимаютъ ее во всю длину ствола, какъ только можно. Одинъ привычный рабочій можетъ въ день надрать отъ 6 до 8 пудовъ бересты. (*) Въ прочемъ успѣхъ этой работы зависитъ отъ количества березоваго насажденія и возраста деревьевъ, а также и отъ того, со срубленныхъ деревьевъ или съ стоящихъ на корню сдирается скала. Вѣсъ одного кубическаго аршина только что надранной скалы

(*) Очень искусные привычные рабочіе при хорошемъ лѣсѣ и удобномъ для сдирки времени надираютъ бересты даже до 12 пуд. въ рабочій день.

равняется 2 пудамъ, а въ высушенномъ на воздухѣ — $1\frac{1}{2}$ пудамъ, слѣдовательно скала теряетъ отъ просушки 25% своего первоначальнаго вѣса. Съ одной куб. саж. дровъ можно надрать до 10 пуд. бересты Впрочемъ надо замѣтить, что вѣсовое количество березовой скалы находится въ зависимости отъ возраста деревьевъ, густоты насажденія и почвы, на которой деревья произрастали, т. е. чѣмъ деревья были больше и почва, на которой они произрастали тучнѣе, тѣмъ больше вѣсовое количество берестовой скалы можно получить съ одной десятины насажденія. Вообще съ 1 десятины березоваго лѣса сбирается отъ 30 до 80 пудовъ берестовой скалы, содранной со ствола на 1 сажень въ высоту безъ срубки дерева. При сдиркѣ бересты никакихъ инструментовъ, кромѣ топора и въ рѣдкихъ случаяхъ ножа, не употребляется.

Въ Вельскомъ уѣздѣ дегтекуреніе производится въ кубахъ, сдѣланныхъ изъ глины съ примѣсью $\frac{1}{3}$ толченаго дресвянаго камня (дресвы). Самыми лучшими и выносливыми кубами для этой цѣли считаются приготовленные въ Маныловской волости, въ сѣверной части Кадниковскаго уѣзда, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Троичины. Они выдѣлываются изъ находящейся тамъ огнеустойчивой глины и имѣютъ широкое распространеніе по Кадниковскому, Вельскому и даже Тотемскому уѣздамъ. Дѣлаютъ ихъ и въ Тавренской волости, Вельскаго уѣзда, но послѣднія далеко уступаютъ въ прочности. Кубы предварительно высушиваются въ избахъ, затѣмъ подвергаются обжигу въ особо устроенныхъ печахъ. Дегтекурами покупаются кубы отъ 70 до 80 к. на мѣстѣ; привозные изъ Маныловской волости обходятся отъ 1 р. 20 к.—1 р. 30 к. за штуку. Кубы или корчаги, какъ иногда ихъ называютъ, имѣютъ круглую форму, раздутую въ срединѣ, длиною $1\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ, въ низу, около патрубка 8 верш., въ срединѣ до 12 верш.,

въ верху 6 вершковъ. Отверстіе закрывается крышкою (блинкомъ). Дегтекуренная печь устраивается изъ кирпича шириною въ 2 арш., длина же ее зависитъ отъ количества вмазанныхъ въ нее кубовъ, полагая на каждый по одному аршину. Печь складывается прямо на землѣ, безъ всякаго фундамента и имѣетъ столько сводовъ, сколько въ печи вмазано корчагъ. Всѣ своды располагаются по длинѣ печи и служатъ поддержкою для корчагъ. Пространство между сводами и боковыми стѣнками печи по ея длинѣ, вершка въ 4 шириною, остается открытымъ для того, чтобы жаръ могъ свободно дѣйствовать на стѣнки корчагъ при ихъ нагрѣваніи. Всѣ корчаги располагаются нѣсколько наклонно къ лицевой сторонѣ печи и упираются на кирпичъ, положенный плашмя на вершинѣ свода (на замкѣ свода), такимъ образомъ почти вся поверхность корчаги можетъ быть подвергаема нагрѣванію. Для выхода дыма дѣлаютъ два отверстія около лицевой стороны (*). На каждые 4 куба складывается одна топка, устье которой для закладки дровъ шириною $8^1/_2$ верш и высотою въ 9 вершковъ. Надъ кубами не дѣлается свода изъ кирпича, а обыкновенно въ пространство между двумя кубами закладываютъ большіе куски изъ старыхъ негодныхъ къ употребленію кубовъ, такимъ образомъ изъ обломковъ старыхъ кубовъ устраиваютъ надъ кубами сводъ(вѣрнѣе черепчатая покрышка). Она засыпается смѣсью золы съ пескомъ или просто землею въ вершка 2 толщины для того, чтобы печь лучше удерживала тепло и кубы нагрѣвались бы равномѣрнѣе. Заряженные берестою кубы закрываются блинками, затѣмъ ставится доска (закладка) и между до-

---

(*) Отверстіе для выхода дыма иногда носитъ названіе „*сопугъ*“, должно быть отъ слова „сопѣть“.

скою и крышками кубовъ, пустое пространство вершка въ 2 засыпается землею. Въ печь вмазывается отъ 16 до 20 кубовъ. Отъ каждаго куба идетъ патрубокъ изъ обожженной глины, соединенный съ трубою, сдѣланною изъ осиноваго дерева. Патрубокъ длиною вершковъ 10, при внутреннемъ діаметрѣ въ $1^1/_2$ вершка (*), деревянныя же осиновыя трубы длиною $2^1/_2$ арш. при внутреннемъ діаметрѣ въ 3 вершка. Патрубки и трубы имѣютъ наклонъ для того, чтобы деготь могъ удобно стекать въ подставленную подъ концы трубъ колоду саженъ 6-ти длиною, имѣющею въ срединѣ для спуска смолы отверстіе, затыкаемою небольшою втулкою. Деготь, полученный изъ кубовъ, называется паровымъ, вслѣдствіе чего и заводы, его приготовляющіе, носятъ въ мѣстности названіе паровыхъ заводовъ.

Всѣ корчаги, неостывшія отъ предшествовавшей сгонки, одна за другой плотно набиваются берестою, которой входитъ въ каждую корчагу до 55 фунтовъ (**), устья корчагъ обмазываютъ размятою глиною, а также и края блинковъ, которымъ закрыты корчаги. Когда эта работа готова, тогда ставится на ребро доска, упертая концемъ въ стойки, вкопанныя предъ лицевой стороной печи. Пространство между доскою и устьемъ корчаги засыпается землею, такъ что съ лицевой стороны не видно ни од-

---

(*) Иногда вмѣсто глиняныхъ патрубковъ употребляются сдѣланные изъ листоваго желѣза. Такой патрубокъ стоитъ 30 к., каждая осиновая труба обходится заводчику по 40 коп.

(*) Съ каждой корчаги такой вмѣстимости береста получается отъ 15 до 20 фунтовъ дегтя. Выгода зависитъ отъ качествъ бересты и умѣнья дегтекура управлять температурою въ печи.

ной корчаги, вмазанной въ печь. Во время набивки корчагъ берестою въ топкахъ поддерживаютъ слабый огонь для того, чтобы береста сдѣлалась мягче и ее можно было бы набить въ корчагу больше. Всю сгонку ведутъ на умѣренномъ жарѣ, едва достигающемъ до 300° по Цельсію, потому что отъ сильнаго жара лопаются корчаги въ печахъ и ихъ приходится постоянно починять, замазывая образовавшіяся щели внутри жидкою глиною, вслѣдствіе чего старыя корчаги, сильно починенныя, становятся меньше вмѣстимостію, чрезъ что количество заряда въ корчагѣ уменьшается. Весь процессъ разложенія бересты и выгонки дегтя, отъ начала зарядки до другой зарядки длится 24 часа. На вскрытіе корчагъ, очистку ихъ отъ ошурка (кокса) и зарядку новымъ количествомъ скалы потребно 3 часа времени на 20 корчагъ. Разложеніе бересты идетъ 14—16 часовъ и охлажденіе корчагъ длится отъ 4 до 5 часовъ. Обыкновенно зарядка корчагъ начинается въ 6 часовъ утра, а сгонка кончается въ 2 часа ночи. Если изъ осиновыхъ трубъ перестанутъ отдѣляться не сгущаемые газы и изъ концевъ ихъ течетъ пригорѣлый густой деготь, то это служитъ признакомъ окончанія сгонки Замѣтивъ это обстоятельство, рабочій перестаетъ подкидывать дрова въ топки. Когда достаточно остынутъ корчаги, тогда киркою откупориваютъ ихъ и греблушкомъ вынимаютъ изъ нихъ ошурокъ, обуглившееся берестo, которое сейчасъ же засовываютъ въ топки. Такимъ образомъ оно служитъ топливомъ въ добавокъ къ дровамъ, расходуемымъ на каждую корчагу на $1/2$ коп. въ сутки, по мѣстнымъ цѣнамъ. Вообще дровъ идетъ на выкурку дегтя очень мало. Изъ 10—12 пудовъ берестовой скалы, идущей на зарядку, получается отъ $3^1/_2$ до 4 пудовъ дегтя, т. е. отъ 30% до 35% изъ вѣса употребленной бересты Въ недѣлю на заводѣ, имѣющемъ 20 корчагъ, выкуриваются 2 бочки дегтя,

емкостію въ 40 ведръ. Въ такую бочку помѣщается отъ 25 до 26 пудовъ; пустая же, совершенно сухая бочка вѣситъ около 4 пудовъ. Деготь не сразу переливается въ тары, но даютъ ему въ большихъ чанахъ отстояться отъ воды, которую чрезъ втулку, сдѣланную внизу у дна чана, выпускаютъ, чистый же деготь выливаютъ въ заготовленныя бочки. На 18—20 корчагъ въ печи работаетъ 1 дегтекуръ съ помощникомъ. Дегтекуръ получаетъ отъ 10 до 12 коп. съ пуда дегтя, а помощникъ его отъ 20 до 25 коп. въ день; оба рабочіе на своемъ содержаніи

Устройство дегтекурнаго завода на 20 корчагъ стоитъ 60 руб., (*) онъ можетъ прослужить 10 лѣтъ; если ежегодно ремонтировать кубы (негодныя замѣнять новыми). На ремонтъ надо положить въ годъ не менѣе 4 руб., слѣдовательно устройство и ремонтировка его будетъ стоить въ 10 лѣтъ 100 рублей. Заводъ въ 20 корчагъ можетъ выкурить въ зиму 750 пуд. дегтя или 30 бочекъ, каждая по 25 пуд. чистаго дегтя, слѣдовательно на бочку падаетъ расходъ въ 26½ к. — 26½ к.

(*) Стѣны и крыша изъ тонкаго еловаго лѣса съ устройствомъ ихъ 20 руб., 2 тысячи кирпича на печь 12 руб., сложить печь 3 р.; кубовъ 20 штукъ съ доставкою 20 р, 20 осиновыхъ трубъ и патрубковъ желѣзныхъ 13 р, 2 кадушки для отстоя дегтя 1 р., ведро 12 к., ушатъ 20 к., черпакъ 15 к., воронка большая отъ 50 до 60 к.; всего 70 рублей. Крестьяне оцѣниваютъ стоимость дегтекурнаго завода количествомъ находящихся въ немъ кубовъ, полагая расхода на каждый кубъ въ 4 руб., такимъ образомъ заводъ на 10 кубовъ— все его устройство и инвентарь будутъ стоить 40 руб. Такой расходъ крестьянъ очень вѣренъ.

Чтобы получить 25 пуд. дегтя нужно купить у крестьянъ отъ 78 до 80 пуд. бересты, заплативъ за сдирку и доставку ее къ заводу по 12 коп. съ пуда $80 \times 12 = 960$ - - - 9 р. 60

Дегтекуру за труды по 10 к. съ пуда, выкуреннаго имъ дегтя, что составитъ на 25 пудовъ - - - 2 50

Рабочему при дегтекурѣ, потратившему 6 рабочихъ дней при выкуркѣ 1 бочки по 25 к. въ сутки - - 1 50

Топлива расходуется на выкурку 1 бочки $^3/_4$ погонной сажени аршинныхъ дровъ - - - - - — 60

Пошлины за содранную съ деревьевъ скалу и за выкурку изъ скалы дегтя полагается по 24 копѣйки съ пуда $(24 \times 25 = 600)$ - - - 6 —

25 пуд. дегтя помѣщаются въ бочку 40 ведеръ, за работу которой платится бондарямъ по 1 р. 50 к. со штуки, да пошлины за лѣсъ, употребленный на бочку взыскивается по 35 к., всего 1 85

Бочка, имѣющая 25 пуд. дегтя, вѣситъ около 29 пуд., а потому заводчикъ за доставку ее на Ембу долженъ заплатить по 11 к. съ пуда - - 3 19

Итого въ расходѣ у заводчика - - 25 $50^1/_2$

Деготь проданъ на Ембѣ по 1 р. 10 к. (*) за пуд и за 25 пуд. его заводчикъ получитъ 27 р. 50 коп. что составитъ по 2 р. на бочку или по 8 коп. на пуд дегтя или 7,87% на затраченный капиталъ заводчикомъ.

Старинный способъ корчажнаго дегтекуренія укрѣпился у здѣшнихъ кустарей дегтекуровъ единственно потому что онъ не требуетъ значительной затраты капитала на устройство небольшаго заводика, хотя на самомъ дѣлѣ способъ этотъ крайне не выгоденъ. Съ промышленной и технической сторонъ онъ не расчетливъ потому, что даетъ выходъ дегтя наибольшій въ 33% вѣсовыхъ, по отношенію къ сырому матеріалу, тогда какъ при болѣе улучшенныхъ способахъ можно получить отъ 45 до 49%, слѣдовательно кустарь теряетъ продукта отъ 12 до 16%, благодаря незнанію болѣе раціональныхъ и усовершенствованныхъ пріемовъ дегтекуренія. Съ другой стороны упомянутый способъ требуетъ очень искуснаго, внимательнаго и расторопнаго дегтекура, процентъ на ремонтъ относительно его стоимости очень великъ и не гарантируетъ промышленника отъ пожара заводскихъ зданій. Дегтекурные заводы подвергаются пожарамъ весьма часто, вслѣдствіе того, что корчаги, вмазанныя въ печь часто лопаются, газы и пары дегтя легко вспыхиваютъ и тѣмъ увеличиваютъ температуру печи и сосѣднихъ корчагъ, вслѣдствіе чего изъ всѣхъ корчагъ выдѣляется обильное

(*) Деготь продается съ отсрочкою уплаты на 1/2 года, при томъ при покупкѣ скидывается съ каждой бочки по 1/2 пуда дегтя, за которые продавецъ денегъ съ покупщика не получаетъ. Эти полпуда скидываются покупщикомъ на *умирку* бочки или, какъ говорятъ крестьяне *„на мертвую“*, т. е. на тотъ деготь, который впитывается въ бочку (въ древесину клепомъ.)

количество паровъ и газовъ легко воспламеняющихся, такъ что пожаръ становится неизбѣженъ, сгораетъ постройка завода и часто съ нимъ вмѣстѣ товаръ и заготовленное сырье. Въ теченіи 5 лѣтъ, въ Вельскомъ уѣздѣ, въ Устьвельской волости, въ деревнѣ Пѣтуховой у крестьянина Ѳотія Кудрина два раза сгорѣлъ заводъ на очистку и были два пожара на его сажекоптильнѣ. Съ экономической стороны для лѣса какъ имѣющаго государственное значеніе корчажное дегтекуреніе, дающее едва $^2/_3$ продукта, могущаго получиться изъ употребленнаго матеріала невыгодно главнымъ образомъ потому, что при сдиркѣ скалы съ березъ $^3/_4$ послѣднихъ срубаются и лишь $^1/_4$ березъ остается на корню. Срубленныя деревья остаются въ лѣсу—гнить, а хорошо просохшія увеличиваютъ опасность за состояніе и цѣлость лѣсныхъ дачь, такъ что въ случаѣ лѣснаго пожара могутъ погибнуть и растущія деревья даже въ тѣхъ частяхъ дачи, гдѣ и не было срубленнаго лѣса. Такое методическое и варварское уничтоженіе лѣса, существуетъ и въ настоящее время въ Вельскомъ уѣздѣ (Тавренская волость и сосѣднія къ ней, готовящія ежегодно около 80—85 тысячъ пудовъ скалы). Если допустить, что съ каждаго дерева, крестьянинъ сдеретъ по $^1/_4$ пуда бересты, то и въ такомъ случаѣ погибаетъ ежегодно отъ 320 до 340 тысячъ березъ. По всему же Вельскому уѣзду въ лѣсахъ казенныхъ, удѣльныхъ и крестьянскихъ слѣдуетъ допустить, что погибаетъ по крайней мѣрѣ 1 милліонъ березовыхъ деревъ. Такое химическое уничтоженіе березоваго лѣса въ видахъ лѣсохозяйственныхъ слѣдовало бы запретить, и дозволить сдирку скалы лишь подъ условіемъ, не срубать деревьевъ, что ни мало не повредитъ дереву, такъ какъ бересто лѣтъ черезъ 6 7 снова наростаетъ на деревѣ, хотя качество ея и будетъ ниже. Очевидно, что только избытокъ въ лѣсѣ и отсутствіе другихъ промысловъ вызыва-

ютъ такое вирварское обхожденіе съ нашими естественными богатстами. Впрочемъ можно надѣяться, что недалеко то будущее, когда наши березовыя насажденія будутъ ограждены закономъ отъ подобнаго уничтоженія.

VI.

Сажекопченіе. Причины однотипности сажекоптильныхъ заводовъ. Устройство сажекоптильни. Процессъ производства. Цѣны на сажу. Чистый заработокъ. Подмѣсь къ сажѣ. Качество сажи изъ бересты и скипидара.

Въ связи съ описанными лѣсо-техническими продуктами въ Вельскомъ уѣздѣ практикуется еще сажекопченіе, имѣющее по производству своему тоже кустарный характеръ. Маленькіе сажекоптильные заводики во множествѣ разбросаны по удѣльнымъ дачамъ и на каждомъ заводѣ работа выполняется одной крестьянской семьей. Всѣ существующія здѣсь сажекоптильни одного типа, однихъ и тѣхъ же размѣровъ, съ одинаковыми приспособленіями. Планъ этихъ заводовъ выработался вѣроятно самостоятельно, послѣ долговременныхъ, дорого стоющихъ, чисто практическихъ опытовъ. Единственно только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить такое строгое соблюденіе размѣровъ и отсутствіе попытокъ между коптильщиками сдѣлать какія либо усовершенствованія. Съ другой стороны усовершенствованія приборовъ вѣроятно нейдетъ впередъ также и потому, что на мѣстахъ сбыта нѣтъ спроса на улучшенный продуктъ, а покупается сажа довольно не чистая и по очень низкимъ цѣнамъ отъ 75 до 80 к за пудъ на мѣстѣ, рѣдко цѣна подни- мается до 1 руб.

Весь сажекоптильный заводъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: камеры, гдѣ собирается сажа и двухъ то-

покъ съ боровами. Камера представляетъ обыкновенную крестьянскую избу, срубленную изъ $4^1/_2$—5 вершковаго лѣса, длиною и шириною по 3 саж., высотою аршина $3^1/_2$ или 4. Объемъ камеры, не считая объема въ пологѣ отъ $10^1/_2$ до 12 куб. саж. Вмѣсто наката, или потолка, къ стѣнкамъ камеры прибивается пологъ, на устройство котораго идетъ отъ 250 до 300 арш. 8—10 вершковаго холста, который можетъ прослужить отъ 3—5 лѣтъ; но часто сгораетъ и ранѣе этого времени. Стѣнки камеры защищены вторыми бревенчатыми стѣнами, заканчивающимися стропилами, къ которымъ подтягивается пологъ. Крыша надъ камерою и пологомъ обыкновенно покрывается соломою; она дѣлается плотною, чтобы защищать пологъ отъ вѣтра, препятствующаго сажекопченію. Въ камеру или сажекоптильню обыкновенно устраивается не большая дверь, чрезъ которую достаютъ сажу. Отъ камеры идутъ борова длиною саженъ 6, расположенные рядомъ съ топками по концамъ. Противоположные концы бороовъ проводятся въ сажекоптильню, отъ стѣны на 1 арш. Выходныя отверстія трубы (окно) дѣлается въ 65 квад. вершк. у каждаго борова; толщина стѣнокъ бороовъ дѣлается въ $^1/_2$ кирпича съ той и другой стороны, такъ что наружные размѣры будутъ слѣдующіе:—длина 18 аршинъ, ширина 12 верш. и высота 16 верш. Разстояніе между боровами отъ 4 до 6 верш. для того, чтобы они скорѣе охлаждались и не могли быстро прогрѣваться, не доходя аршина на два до избы, борова соединяются вмѣстѣ; здѣсь вмазываются двѣ отдѣльныя заслонки, иногда желѣзныя, иногда же чугунныя, чтобы по прекращенію работы можно было закрыть отверстіе борова и тѣмъ предотвратить доступъ воздуха въ камеру; въ противномъ случаѣ можетъ загорѣться, зашаять сажа въ камерѣ. На разстояніи аршина отъ заслонокъ въ каждомъ боровѣ сдѣлано по отдушинѣ,

которыя закрываются кирпичемъ. Послѣ работы эти отдушины открываются и заслонки опускаются для того, чтобы насѣвшая въ боровахъ сажа во время работы могла выгорѣть и очистить боровъ. Съ того мѣста, гдѣ борова пойдутъ по прямой линіи, т. е. отъ поворотовъ, устраиваются два отверстія, величиною въ два квадратныхъ вершка для того, чтобы наблюдать коптильщику, какъ далеко прошла *калина* (краснокалильный жаръ) по длинѣ борова, и если она достигла заставня, то работа прекращается, заставень отпускается. Отдушины эти даютъ возможность борову скорѣе остыть.

Топки у бороововъ длиною 1 арш., высотою 10 верш. и шириною 12 верш. Выходящія изъ сажекоптильни части бороововъ—и топки, въ предохраненіи отъ атмосферныхъ вліяній на нихъ, и для удобства работы, обыкновенно помѣщаются въ крытомъ сараѣ, срубленномъ изъ тонкихъ бревенъ. Постройка эта носитъ названіе *двора*. Для устройства двухъ печей съ боровами идетъ до 4 т. штукъ кирпичей. Повороты бороововъ, какъ подвергающіеся болѣе сильному жару (до бѣлаго каленія), выдерживаютъ лишь одну зиму, а потому требуютъ постояннаго ремонта, стоющаго содержателю коптильни ежегодно до 5 рублей.

Процессъ сажекопченія производится слѣдующимъ образомъ: передъ началомъ работы набиваютъ одну топку смольемъ, и протапливаютъ чтобы прогрѣть борова и возстановить тягу, и вмѣстѣ съ тѣмъ просушить пологъ, который предъ началомъ работы обыкновенно дѣлается влажнымъ и дурно пропускаетъ газы. Когда пологъ просохнетъ, на что иногда потребно въ топкѣ жечь два истопля смолья, начинаютъ копченіе сажи изъ бересты, или изъ выварки, или изъ краснаго смольнаго скипидара, получаемаго при варкѣ смолы на пекъ. Идутъ также на сажу разные отбросы, образующіеся отъ разливки пе-

ка и смолы, словомъ всѣ смолистые остатки, удобосгораемые и дающіе много копоти. Въ печь, на горячіе уголья, кладутъ 10 фун. бересты, гдѣ она вспыхиваетъ и сгарая даетъ обильное количество копоти, особенно если не дозволять берестѣ горѣть спокойно, а постоянно мѣшать ее въ печи желѣзной кочергой, что обыкновенно и дѣлается коптильщиками. Если же коптятъ сажу изъ краснаго скипидара, то на раскаленное уголье выливаютъ его по ковшику фунтовъ въ 5-ть въ печь, что производится по приспособленному изъ листоваго желѣза лотку. Въ каждой печи и боровѣ производится работа по 6 часовъ. Въ теченіи этого времени боровъ прокалится до заставня (заслонки), что видно въ небольшія отверстія, сдѣланныя какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ борова идутъ по прямой линіи. Красно-калильный цвѣтъ у заставня показываетъ, что работу слѣдуетъ прекратить и опустивъ заставень, открывъ отдушины начать работу въ другой печи, рядомъ расположенной съ первой. Такимъ образомъ сажекопченіе идетъ по перемѣнно, то въ одной, то въ другой печи.

Въ теченіи 6 часовъ коптильнаго процесса околачиваютъ сажу съ полога три или четыре раза Время околачиванія полога узнается по уменьшенію тяги въ боровѣ, — вслѣдствіе чего въ устьѣ печки показывается чадъ. При производствѣ работы коптольщикъ долженъ наблюдать, чтобы изъ печи постоянно шло по борову *курево* (дымъ), въ противномъ случаѣ, если боровъ сильно прогрѣлся, жаръ можетъ проникнуть въ камеру и лопнуть пологъ, послѣдствіемъ чего случается пожаръ. По окончаніи работы опускаютъ заслонку, какъ преграду для доступа жара и искръ и открываютъ душники, чтобы осѣвшая на стѣнкахъ бороововъ сажа прогорѣла и борова скорѣе остыли.

Производство сажи начинается въ Октябрѣ и кончает-

ся въ концѣ Апрѣля. Такъ какъ сажу выгребаютъ изъ завода въ недѣлю разъ, хотя бы копченіе происходило каждый день по два раза, то она находясь въ соприкосновеніи съ воздухомъ, принимаетъ въ себя вслѣдствіе гигроскопичности—нѣкоторое количество воды. Хотя такая сажа въ мѣстности и носитъ названіе сухой, но она содержитъ въ себѣ около 8% воды и 12% разныхъ постороннихъ веществъ, преимущественно смолъ.

Сажа обыкновенно набивается въ боченки по одному пуду и нѣсколько болѣе, но такъ какъ цѣна на сажу очень низка, то промышленники еще нарочно смачиваютъ ее предъ отправкою горячею водою, перелопачиваютъ и оставляютъ въ каморѣ на сутки, съ цѣлію равномѣрнаго распредѣленія влаги въ сажѣ. Сажа, смоченная водою, увеличивается въ вѣсѣ отъ 25 до 35%; такую сажу набиваютъ въ боченки длиною 1 арш. 2 верш., при діаметрѣ 8 верш. Въ такой боченокъ входитъ моченой сажи $1^1/_2$ пуда, не много же смоченой 1 п. 15 ф. Коптильщикъ получаетъ съ пуда моченой сажи за свой трудъ по 10 коп.; въ одинъ рабочій день онъ можетъ накоптить на два борова отъ 5 до 6 пуд. такой сажи. При набивкѣ сажи въ боченки, а также для того, чтобы смочить ее нанимается къ коптильщику помощникъ дня на два.

Устройство коптильни стоитъ 60 руб., на ней можно сжечь 2,700 пуд. бересты и выкоптить до 900 пуд. сажи. За весь періодъ работы, имѣя одного рабочаго, при ежегодномъ ремонтѣ бороовъ и перемѣну чрезъ каждые 4—5 лѣтъ полога, сажекоптильня можетъ прослужить 20 лѣтъ, на ремонтъ ее расходуется до 10%, т. е. по 6 руб. въ годъ, слѣдовательно въ 20 лѣтъ израсходуется 120 руб., откуда ежегодная утрата основнаго капитала будетъ $^{180}/_{20}$ 9 руб. или по 1 коп. на пудъ сажи.

РАСХОДЪ ПО САЖЕКОПЧЕНІЮ.

На приготовленіе 1 пуда сажи моченой идетъ 3 пуда бересты по 10 к.	30 к.
Пошлины съ пуда сажи за потраченный матеріалъ по 24 к. съ пуда	24 —
За работу боченка 7 к. и пошлины за употребленный на него лѣсъ 4 к.	11 —
Рабочему за приготовленіе 1 пуда моченой сажи - - -	10 —
Помощнику его за замочку и набивку сажи по 2 к. съ пуда	2 —
Погашеніе основнаго капитала по 1 коп. на пудъ - - -	1 —
На непредвидѣнные расходы по производству сажи по 2 к. на пудъ	2 —
Итого -	80 к

Сажа продается на мѣстѣ по 90 к. за пудъ, слѣдовательно отъ каждаго пуда получается 10 коп. чистаго дохода или 12,5% на оборотный капиталъ. Имѣя въ виду очень частые пожары сажекоптиленъ— процентъ прибыли значительно понизится, ибо въ каждомъ пожарѣ, кромѣ постройки, сгораетъ часть сажи и сыраго матеріала, находящагося всегда около коптильни. Легкость постройки, безпечность русскаго рабочаго и *авось* хозяина коптильни, вотъ основныя причины частыхъ пожаровъ на сажекоптильняхъ.

Чрезвычайно низкая цѣна на сажу главнымъ образомъ объясняется ея поддѣлкою. Вельскіе кустари набаловались въ этомъ до чрезвычайности, и фальсификація продуктовъ, получаемыхъ изъ дерева, развитая между ку-

старями съ цѣлію продать товаръ болѣе выгодно, естественно возбудила на рынкахъ недовѣріе къ чистотѣ самаго товара, слѣдствіемъ чего цѣны на продукты пали до minimum'а. Упадокъ же цѣнъ на приготовленные продукты ведетъ къ упадку самыхъ промысловъ и если на настоящее время промыслы поддерживаются, то единственно только потому, что въ мѣстности нѣтъ никакихъ другихъ заработковъ, а потому рабочій трудъ дешевъ, особенно въ весеннее, зимнее и осеннее время. Если бы на рыныахъ было довѣріе къ продукту, то цѣны держались бы на нихъ болѣе высокія Извѣстно, напримѣръ, что сажа, приготовленная въ Вельскомъ уѣздѣ, подвергается очисткѣ въ С.-Петербургѣ и продается за очень почтенныя цѣны (до 3 р. пудъ), весь же процессъ улучшенія ея состоитъ въ прокалкѣ послѣдней въ закрытыхъ отъ доступа воздуха сосудахъ, съ цѣлію удалить изъ сажи разныя пригорѣлыя смолы и выпарить воду. Фальсификація сажи дала возможность развиться въ Финляндіи суррогату, приготовляемому изъ древеснаго угля. Финдляндскій суррогатъ, какъ болѣе дешевый, но болѣе чистый, хотя и тяжелый, съ каждымъ годомъ вытѣсняетъ съ рынка Вологодскую сажу и не далеко то будущее, когда промыселъ этотъ, по невыгодностти его, будетъ совсѣмъ брошенъ здѣшними кустарями.

Сажа, полученная изъ краснаго смольнаго скипидара, гораздо выше по качествамъ сажи. приготовляемой изъ бересты; въ ней нѣтъ и слѣдовъ обуглившейся клѣтчатки, она болѣе глубокаго чернаго цвѣта, тогда какъ сажа изъ бересты имѣетъ черный цвѣтъ съ нѣсколько темносинимъ отливомъ. Въ сажѣ изъ бересты болѣе замѣтны бѣлыя блестки (кристалла должно полагать нафталина), чѣмъ въ сажѣ изъ скипидара. Количество получающейся сажи изъ скипидара нѣсколько больше, чѣмъ изъ бересты.

VII.

Приготовленіе канифоли. Процессъ производства. Пекъ изъ отбросовъ отъ канифоли. Девидентъ отъ этихъ продуктовъ.

Канифоль выработывается изъ сѣры—живицы на тѣхъ же заводахъ, на которыхъ производится пековареніе. На днѣ куба устраивается изъ березовыхъ брусковъ помостъ, называемый колосниками. На колосники насыпаютъ сѣру, пополняя ею всю вмѣстимость куба. Въ зарядку обыкновенно идетъ 60 пуд. сѣры. Затѣмъ вливаютъ въ кубъ ведеръ до 20 воды, для того, чтобы живица въ кубѣ не пригорала, а также съ тою цѣлію, чтобы отогнать скипидаръ въ болѣе чистомъ видѣ. Закрывъ кубъ шлемомъ и замазавъ глиною швы, разводятъ огонь въ топкѣ. Черезъ 5 часовъ вода закипитъ въ кубѣ, и начнетъ отдѣляться сѣрный скипидаръ, стекающій по трубѣ въ подставленный сосудъ. Сѣрнаго скипидара отъ такой зарядки получается обыкновенно до 5 пудовъ. Отогнавъ скипидаръ, на что уходитъ до 7 часовъ времени, или отъ начала зарядки 12 часовъ, даютъ кубу охладиться. Охлажденіе куба совершается въ теченіи $4^1/_2$ часовъ. По прошествіи этого времени изъ куба вынимаютъ стружки, находящіеся на колосникахъ. Стружки эти, носящіе названіе корки, не бросаютъ, они еще содержатъ въ себѣ такое количество сѣры, что могутъ быть переварены на пекъ, какъ это и дѣлается заводчиками. Оставшуюся въ кубѣ сѣру подвергаютъ еще часовъ 7 нагрѣванію, послѣ чего она превращается въ канифоль, которую и спускаютъ изъ куба черезъ нижній кранъ въ ящики (холодильники), устроенные около завода. Когда канифоль нѣсколько остынетъ, ее переливаютъ черпаками въ бочки 15 ведерной мѣры (кортевки). Съ зарядки сѣры 60 пуд.

получается 2 кортевки или 30 пуд. канифоли, 5 пуд. сѣрнаго скипидара и около 18 пуд. корки (стружки). Весь процессъ перевариванія сѣры на канифоль кончается въ однѣ сутки.

Стружки, или корку подвергаютъ обработкѣ на пекъ, для чего складываютъ ихъ вторично въ кубъ, уже безъ колосниковъ, на днище куба, наливаютъ ведеръ пять воды и начинаютъ подтаивать, т. е. подогрѣвать ихъ съ тою цѣлію, чтобы корки больше вошло въ кубъ; по мѣрѣ уменьшенія объема стружекъ, добавляютъ кубъ новымъ количествомъ корки. Когда кубъ будетъ наполненъ и больше не замѣтно уменьшенія объема заложенной въ него массы, тогда покрываютъ кубъ шлемомъ, а въ топкѣ усиливаютъ огонь и поддерживаютъ его до тѣхъ поръ, пока вся масса не переварится въ пекъ. Конецъ процесса узнается частію по звуку, частію по пробѣ; не готовый пекъ въ кубѣ верещитъ (трещитъ), а готовый кипитъ спокойно и изъ куба слышно лишь шипѣніе безъ треску. По пробѣ готовность пека узнаютъ такимъ образомъ: подъ холодильную трубу, гдѣ стекаетъ сгустившіеся скипидаръ и вода, подставляютъ стаканъ: если въ стаканѣ объемъ стекшаго скипидара ровенъ объему воды, то пекъ готовъ Остудивъ готовый пекъ въ кубѣ, на что потребно 12 часовъ, его еще горячимъ выпускаютъ въ ящикъ (холодильникъ), куда приливаютъ, размѣшивая лопатой, смотря по надобности, отъ 5 до 6 пудовъ *выварки* или того остатка, который получается при перегонкѣ краснаго скипидара, для того, чтобы пекъ сдѣлать болѣе мягкимъ. Если на заводѣ нѣтъ выварки, то вмѣсто ея вливаютъ такое же количество краснаго смольнаго скипидара. Давъ нѣсколько остынуть пеку, его переливаютъ въ бочки емкостію въ 15 ведеръ (корчевки). Такъ какъ за работу бочекъ бондарямъ платятъ отъ 22 до 25 коп. со штуки, то ясно, что они сдѣланы,

вслѣдствіе такой ничтожной платы, очень плохо, а потому только что выпущенный пекъ и канифоль никогда очень горячимъ неналиваютъ въ бочки, но даютъ продуктамъ этимъ нѣсколько остынуть и сгуститься. Это дѣлается для того, чтобы не терпѣть убытку отъ утечки пека, изъ плохихъ бочекъ при ихъ наливѣ; на зарядку куба идетъ 75 пуд. корки и 5 ведеръ воды. Изъ этого количества получается 60 пуд. пека и 1½ пуда краснаго скипидара. *Корочный пекъ* имѣетъ темновато-красно-бурый цвѣтъ, и если его взять въ ротъ и жевать, то онъ горькій по вкусу, что происходитъ отъ присутствія въ немъ выварки. Такъ какъ коричневый пекъ нейдетъ за границу, то его не покупаютъ въ Архангельскѣ, а сбываютъ въ Россіи или же перевариваютъ его со смолою на черный пекъ, который можетъ быть проданъ въ Архангельскѣ.

Теперь посмотримъ, какую выгоду имѣютъ пековаренные заводчики отъ приготовленія канифоли.

60 пудовъ живицы по 30 коп. за пудъ стоятъ - - - -	18 р.	— к.
Двѣ бочки подъ канифоль пошлины 15 к. съ бочки и работа по 25 к.	—	80
Пошлина въ пользу казны или удѣльнаго вѣдомства за вываренную канифоль по 25 к. слѣдовательно за 30 п. канифоли, полученной съ куба	7	50
Пошлина за полученный сѣрный скипидаръ въ количествѣ 5 пуд. по 35 коп. съ пуда - - - - -	1	75
Пошлина за вываренный изъ корки пекъ, котораго получается 14½ пудовъ по 14 к. съ пуда - - -	2	4

Пошлина за красный скипидаръ, полученный при выварке пека изъ 18 пу-

довъ корки, котораго получается $14^1/_2$ фунтовъ - - - - - — $2^1/_2$

Одна бочка подъ корочный пекъ — 40

Ремонтъ, погашеніе капитала, дрова, работа по 5 к. на пудъ полученной канифоли и пека, т. е. за $44^1/_2$ пуда 2 $22^1/_2$

Итого расходъ заводчика будетъ - - - - - 32 74

Канифоль, скипидаръ и корочный пекъ, покупаются у заводчиковъ перекупщиками для доставки этого товара въ С.-Петербургъ или въ Москву. Канифоль идетъ на писчебумажныя фабрики для проклейки бумаги, но самое огромное ея количество расходуется на сургучъ, на заливку бочекъ и бутылокъ. Канифоль продается по 70 коп., сѣрный скипидаръ по 1 р. 80 к., корочный пекъ по 40 к. за пудъ, красный скипидаръ по 12 к. за пудъ.

Въ приходѣ у заводчика будетъ:

За 30 пуд. канифоли по 70 к. 21 р.— к.

За проданные 5 пудовъ скипидара по 1 р. 80 к. за пудъ - - 9 —

За $14^1/_2$ пудовъ корочнаго пека по 40 к. за пудъ - - - 5 80

За $14^1/_2$ фунтовъ краснаго скипидара по 12 к. за пудъ - - — $4^1/_4$

Итого - - - 35 $84^1/_4$

Слѣдовательно валоваго дохода заводчика отъ каждой зарядки куба 35 руб. $84^1/_4$ коп., расходъ—32 р. 74 коп., чистая прибыль=3 р. $10^1/_4$ к., что составляетъ

$^{310,25}/_{50}$ = 6,2 к. на 1 пудъ приготовленнаго имъ товара или 9,47% на затраченный капиталъ.

Очевидно такая прибыль очень незначительна, она какъ разъ въ двое ниже обыкновеннаго торговаго процента на основный и оборотный капиталы. Ясно, что при такихъ условіяхъ заводчики и не думаютъ основывать заводы съ болѣе усовершенствованными приспособленіями и ограничиваются очень дешевыми и простыми устройствами, выработанными въ мѣстности опытомъ многолѣтней практики, они хлопочутъ по возможности заблаговременно запродать какъ можно больше товара и тѣмъ обезпечить сбытъ своему продукту. Заводчики иногда довольны остаются и 5—6% на затраченный ими капиталъ, единственно только для того, чтобы не бросать дѣла и изъ году въ годъ питаютъ надежду на лучшее будущее; но это лучшее будущее едва ли когда намѣрено посѣтить нашего сѣвернаго промышленника.

ВѢДО

о количествѣ смолы и пека, доставленныхъ къ

Доставлено къ Архангельску.	Число бочекъ смолы.	Цѣна за одну бочку (въ 8 пуд. смолы) въ Архангел.			
		густой		жидк.	
		Р.	К	Р.	К.
Въ 1870	54770	3	20	3	50
1871	47327	3	25	3	50
1872	65400	3	10	3	35
1873	111064	5	—	6	50
1874	137644	4	—	5	25
1875	76428	2	50	3	—
1876	76506	2	75	3	60
1877	72271	3	20	3	60
1878	85188	3	20	3	50
1879	51270	2	30	2	70
1880	88317	2	80	3	10
1881	61465	2	80	3	10
Итого	927650	—	—	—	—
Въ среднемъ выводѣ въ 1 годъ	77304	3	25	3	82

Примѣчаніе. Пекъ сплавляется къ Архангель до 15

МОСТЬ

Архангельскому порту въ періодъ съ 1870—1881 г.г.

Количество пека, доставленнаго къ Архангельску. Пуды.	Цѣна за пудъ пека въ Архангельскѣ въ копѣйкахъ.	Всего пра-плавлено бочекъ смолы по переводѣ пека въ смолу.	Лѣсныхъ продуктовъ, оставшихся въ Арх. отъ сплава неотпр. загран.	
			смолы бочекъ.	пеку бочек.
98991	54—57	71268		
94704	55—56	63111		
145178	55—56	89956	36	8
196308	83—90	143782	7628	1410
114690	77—79	156759	23300	1175
173049	63	105269	—	—
231608	60	115107	17765	5218
199086	55—60	105452	3266	2015
179724	55—56	115142	14241	3060
127953	43—45	72595	7935	2147
177803	45—48	117951	16954	2933
143992	48—80	85463	1339	211
1883086	—	1241855	—	—
156924	60	103488	—	—

ску въ бочкахъ 15-ти ведерной мѣры или по вѣсу пудовъ.

ВѢДО

сплавленныхъ и доставленныхъ частію гужемъ въ Ярославскую губернію, къ Кубенскому озеру

Въ какихъ годахъ.	Къ Кубенскому озеру.		Въ Москву.
	Неку.	Смолы.	Сажи.
	Пуды.	Пуды.	Пуды.
Въ 1877 г.	23510	2992	9642
1878	24476	1489	12877
1879	20823	3177	13327
1880	19325	2250	10298
1881	16806	4606	6200
Всего	104940	14514	52344
Въ среднемъ выводѣ въ 1 годъ	20988	2903	10469

МОСТЬ

и желѣзными дорогами къ Москвѣ, С.-Петербургу, и къ при станямъ смольныхъ товаровъ.

Въ Ярославскую губ., внизъ по рѣкѣ Волгѣ и главнымъ образомъ на кожевенные заводы.	Въ Кадниковскій уѣздъ на дегтярные заводы.	Въ Москву и Петербургъ.		
		Скипидара разныхъ сортовъ.		Канифоли.
Дегтя.	Скалы.			
Пуды.	Пуды.	Пуды	Ф.	Пуды.
14770	9250	6522	30	2853
20800	21671	10002	27	9426
23717	32009	11455	35	8195
32260	16668	10486	20	8049
16017	7363	10667	10	3086
107563	86961	49135	2	31609
21513	17392	8827	–	6322

Ф. Арсеньевъ.

Вологодская Основной фонд Обл. библиотека